

Х. Саггс

Вавилон и Ассирия. Быт, религия, культура

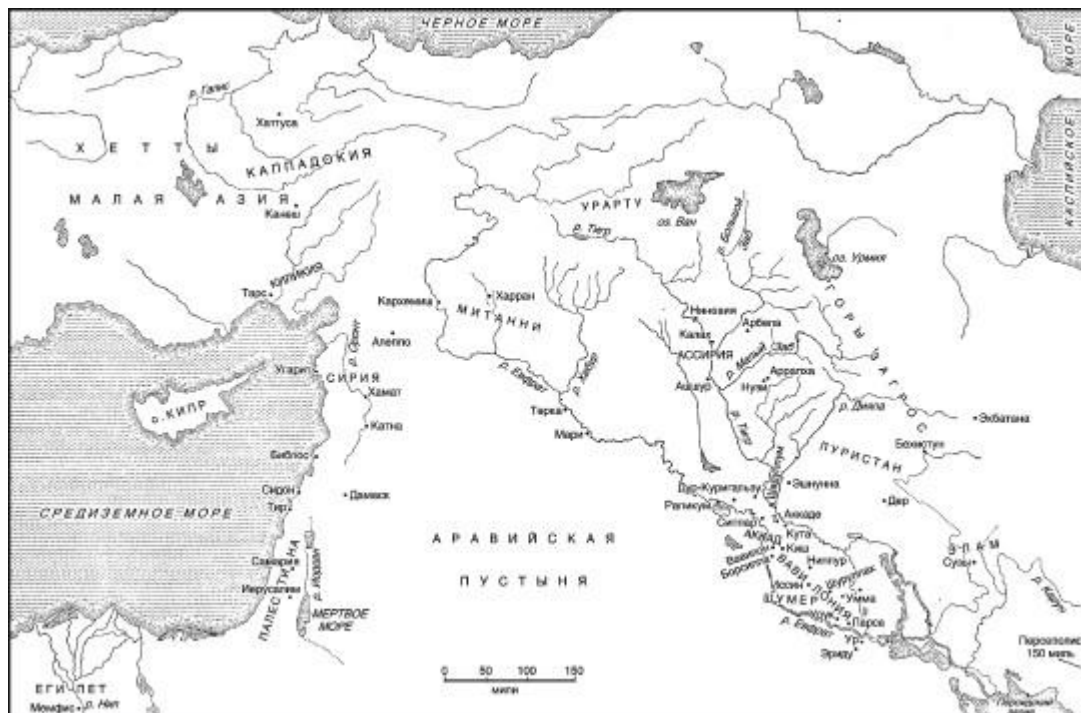

Рис. 1. Карта Ближнего и Среднего Востока в древности

Глава 1

ЗАБЫТАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В течение более чем двух тысяч лет величайшее из достижений человечества - цивилизация Вавилонии и Ассирии - лежала похороненная и почти забытая в земле страны, которую в настоящее время мы знаем как Ирак (ранее называвшийся Месопотамией). О ней остались лишь некоторые сообщения сомнительной достоверности в литературе Греции, а также некоторые библейские высказывания, возможно предвзятые, об ассирийцах и более сомнительные предания о жизни в глубокой древности в стране под названием Сennaар. В стране Сennaар, согласно библейскому изложению, была построена Вавилонская башня; здесь также жила единственная семья, пережившая Великий потоп, и где-то в этих краях, в начале истории человечества, находился мифический сад Эдем.

Случайные путешественники, привлеченные магией слов «Вавилон» и «Ниневия», посещали огромные древние курганы Ирака, начиная со времен крестоносцев. Некоторые оставили свои путевые заметки и размышления и даже привезли в Европу сувениры - кирпичи, покрытые письменами, и тому подобное - из древних городов. Обширные руины Ниневии, расположенные на другом берегу реки Тигр от города Мосула, вероятно, так и остались в местных преданиях, и даже европейские путешественники уже в XII в. н. э. понимали, что это такое. Местонахождение Вавилона, однако, дольше оставалось неизвестным, хотя путешественники, не колеблясь, признавали то в одном, то в другом гигантском сооружении из кирпичей, которые и по сей день стоят в Южном Ираке, печально извест-

ную Вавилонскую башню. Точное место расположения Вавилона не было известно наверняка до XVII в.

Первым человеком, который произвел более научное исследование древних курганов Ирака, был Клаудиус Джеймс Рич. Рич был молодым англичанином из не особенно богатой семьи, который в возрасте двадцати одного года благодаря своим собственным достоинствам, в особенности лингвистическим способностям, поднялся до представителя Ост-Индской компании в Багдаде, должности весьма ответственной и помпезной. В 1811 г. он воспользовался возможностью посетить Вавилон, где в течение десяти плодотворных дней произвел осмотр всего этого места и нанял рабочих для проведения небольших предварительных раскопок. В результате собранная им коллекция покрытых письменами кирпичей, глиняных клинописных табличек и цилиндрических печатей, а также «Заметки о вавилонских развалинах» Рича, опубликованные в 1812 г., вполне могут считаться началом науки ассириологии. Спустя несколько лет Рич совершил вторую поездку и опубликовал «Заметки о втором путешествии в Вавилон» (1818). У Байрона в строках «Дон Жуана» есть ссылка на переполох, вызванный этими новыми открытиями, в которых поэт говорит:

Скептические люди в наши дни
Твердят упрямо, но довольно вяло,
Что все это побасенки одни,
Что Вавилона вовсе не бывало...
Однако ведь нашел же Клавдий Рич
На месте Вавилона свой кирпич!

После безвременной смерти Рича от холеры в 1821 г. его коллекция древностей была продана Британскому музею, где клинописные материалы стали основой огромной коллекции, посвященной Ассирии, которая в настоящее время признана одной из самых лучших в мире.

Помимо зондирования, проведенного в Вавилоне в 1827 г., после первопроходческой работы Рича в Ираке не было дальнейших раскопок до 40-х гг. XIX в., хотя путешественники продолжали приезжать и записывать свои впечатления о древних курганах (или теллях) этой страны.

1840 г. ознаменовался первым приездом в Ирак другого молодого человека, которому в течение последующих одиннадцати лет суждено было поставить археологический аспект новой науки - ассириологии - на прочный фундамент. Этим молодым человеком был Генри Остин Лэйярд, которому тогда исполнилось двадцать три года (в течение какой-то части своей жизни Лэйярд из уважения к своему дядюшке, некоему г-ну Остину, писал свои имена в другом порядке: Остин Генри). Лэйярд, которому не удалось проявить себя в respectable адвокатской конторе своего дядюшки, отправился в сухопутное путешествие, чтобы занять вакансию, которая ему была обещана на Цейлоне. Под сильным впечатлением от древних курганов Ирака, пленившись образом жизни и людьми Ближнего и Среднего Востока вообще, он задержался в этих краях так надолго, насколько смог, и, в конце концов, отказался от первоначального намерения, не без беспокойства думая о возможной реакции на это своего дяди. Его знание языков, обаяние его личности, ум и трудолюбие, а также мужество, терпение и тяга к приключениям соединились в единое целое и дали ему из первых рук значительные знания о восточной политике, и теперь он надеялся сделать карьеру на дипломатическом поприще. Однако в дипломатическом poste - из-за неуступчивости министерства иностранных дел - в течение нескольких лет ему отказывали, хотя Лэйярд и сумел оказать в частном порядке значительную помощь британскому послу в Константинополе. Последний, хотя и не смог своевременно добиться для Лэйярда официального статуса, все же оказывал ему личную и финансовую поддержку и в 1845 г.

побудил его предпринять раскопки на кургане Нимруд, расположенного приблизительно в двадцати милях к югу от Мосула. Успешно преодолев как официальные препятствия, так и практические и финансовые трудности, Лэйярд откопал погребенные дворцы одной из ассирийских столиц, не Ниневии (как он сначала предположил), а Калаха, который упоминается в Книге Бытия, 10: 12. Он вернулся в Англию и в 1849 г. опубликовал отчет о своей работе, который немедленно вызвал национальную сенсацию.

Рис. 2. Развалины зиккурата в Борсиппе

Лэйярд не первый проводил крупные раскопки в Ираке, так как у него был знаменитый предшественник, французский консул Поль Ботта, который начал раскопки в 1842 г. Ботта, о котором один его современник отозвался как об «ученом, но плохом консуле», был очень хорошим другом Лэйярда, который до 1845 г. получал большой стимул к археологическим поискам благодаря тому, что Ботта давал ему свободный доступ к своим собственным докладам, когда они проходили через Константинополь.

Пока, как и Лэйярд, Ботта производил небольшие археологические раскопки в нескольких местах, местом его главной работы был город Хорсабад к северо-востоку от Мосула. Оба эти великих первопроходца также в разное время раскапывали и Куянджик, место, где находилась сама Ниневия. Все эти три места - Хорсабад, Куянджик и Нимруд - оказались развалинами столичных городов в период величия Ассирии между IX и VII вв. до н. э., что в большой степени совпадало с периодом разделения царств Израиль и Иудея, хорошо известных из Ветхого Завета. Новые открытия пролили дополнительный свет на библейскую историю, а также живейший интерес у широкой публики в Великобритании и Франции вызвали многие из первых поразительных находок: гигантские крылатые быки и львы, которые в настоящее время являются впечатляющими экспонатами Британского музея и Лувра, и известняковые барельефы с живыми сценами. Из-за того, что все главные ранние находки были сделаны в Ассирии, новую науку назвали ассириологией. Это название по-прежнему сохранилось, хотя в настоящее время признано, что Ассирия составляла только часть, и даже не самую главную часть всей цивилизации, о которой идет речь.

Крылатые быки и известняковые фризы, какими бы впечатляющими они ни были, сами по себе не дали бы нам понимания цивилизации людей, которые оставили после себя эти вещи. К счастью, наряду с ними были еще и надписи, либо выгравированные на быках, львах и фризах, либо выдавленные на цилиндриках или табличках из глины, - надписи неизвестными значками, составленными из клиновидных штрихов. Именно расшифровка этой клинописи, в конце концов, и открыла современному миру мышление и образ жизни в Вавилонии и Ассирии.

Несколько клинописных надписей были опубликованы задолго до раскопок Ботты и Лэйярда, и работа над ними дала ключ к новому материалу. На развалинах дворцов царей Древней Персии, особенно в Персеполисе, есть много хорошо сохранившихся клинописных надписей на камне. Какие-то их части были скопированы путешественниками как диковинки, но только в конце XVIII в., когда были сделаны более тщательные и полные копии, было замечено, что эти надписи из персидских дворцов содержали три различные системы письма (рис. 3). Одна из них оказалась системой письма, при помощи которой были сделаны надписи, найденные на кирпичах в окрестностях Вавилона.

Рис. 3. Три системы письма из Персеполиса

Существуют в основном три различных способа, при помощи которых языки можно зафиксировать в письменном виде. Самый простой состоит в том, чтобы каждое слово или понятие изображал один символ (называемый «идеограммой» или «логограммой»). Если такую систему использовать широко, то, очевидно, потребуются сотни, если не тысячи, различных символов. Примером этого может служить китайское письмо. Вторая из возможных систем письма предполагает, что каждому слогу, а не слову соответствует один символ. Так как число возможных слогов в языке гораздо меньше, чем число слов, то такая система потребует гораздо меньше символов. В древних ближневосточных языках, которые использовали такую систему письма, число необходимых слоговых символов было не менее сотни. Третьим основным способом письма является тот, который мы обычно используем, - это алфавитная система, когда основные звуки, встречающиеся в языке, имеют отдельный символ. Число таких символов будет слегка варьироваться от одного алфавита к другому в соответствии со звуками, обычно встречающимися в конкретном языке, и с тем, в какой степени удастся передать эти звуки на письме, но почти всегда число символов в алфавите будет где-то от двадцати до пятидесяти.

Что касается трех систем письма из Персеполиса, то в одной из них оказалось меньше чем пятьдесят различных значков, и ее вполне можно было считать алфавитной. Некоторые тексты, которые таким же образом приняли за алфавитные, представляли собой короткие надписи, вырезанные над головами фигур, которые, очевидно, изображали царей на рельефах, и это говорило о том, что такие надписи могли содержать в себе царское имя и титулы. Ключ к расшифровке состоял в том, что из более поздних персидских источников было известно, что обычная форма титулования персидских царей была «такой-то, Великий Царь, Царь Царей, сын такого-то». Отталкиваясь от этих данных, немецкий ученый Г.Ф. Гротефенд сумел еще в 1802 г. добиться значительных успехов в дешифровке алфавитной клинописной системы письма и установил для почти одной трети алфавита правильные значения. Между этим годом и 30-ми гг. XIX в. некоторые ученые с разной степенью успеха работали над этой системой письма, так что позднее был момент, когда возникла острая полемика по вопросу о том, кому принадлежит главная честь окончательной дешифровки. Несколько ученых, безусловно, заслуживали каждый своей доли славы, но ясно, что значительная ее часть принадлежит еще одному молодому англичанину - Генри Кресвику Ролинсону.

Ролинсон, хороший ученый в области античности и прекрасный спортсмен, занимал пост в Ост-Индской компании, и в 1835 г. в возрасте двадцати пяти лет получил назначение в Персию в местечко, расположенное в двадцати милях от знаменитой скалы Бехистун (или Бисутун). Скала Бехистун, находящаяся на главном древнем пути из Вавилона в Экбатану (древняя столица мидян), возвышается отвесно почти на 1700 футов, а на ней, на высоте около 300 футов над землей, царь Древней Персии Дарий I (522-486 гг. до н. э.) повелел вырезать монумент, изображающий его самого, одерживающего победу над врагами (рис. 4). Вместе со скульптурами были вырезаны надписи (как мы теперь знаем) на трех языках: древнеперсидском, эламском и аккадском, записанные при помощи трех систем письма, которые мы уже упоминали. И хотя многие видели эти скульптуры и надписи снизу, эти подробности относительно языков, на которых они были сделаны, были конечно же никому не известны, когда Ролинсон прибыл в Персию. Его уже заинтересовала проблема дешифровки, и он увидел в надписях на скале Бехистун, которые были гораздо длиннее, чем те надписи, что были доступны ученым в то время, самый многообещающий материал для полного ее решения. Взобравшись по боковой стороне скалы на узкий выступ, нависающий над обрывом в несколько сотен футов, Ролинсон сумел в ходе нескольких поездок за 1836-й и 1837 г. скопировать около двухсот строк этой надписи (в настоящее время известно, что этот язык называется древнеперсидским), выполненной при помощи алфавитной системы письма. Ролинсон уже определил некоторые из букв древнеперсидского алфавита при помощи того же самого метода, который применял Гротенфенд. Новый материал дал Ролинсону возможность расшифровать действительно весь алфавит, и при помощи своего знания более поздних языков, родственных древнеперсидскому, он сумел к 1839 г. дать довольно точное изложение значения всех двухсот строк. Таким образом, древнеперсидская система письма и язык были в значительной степени расшифрованы до 1840 г.

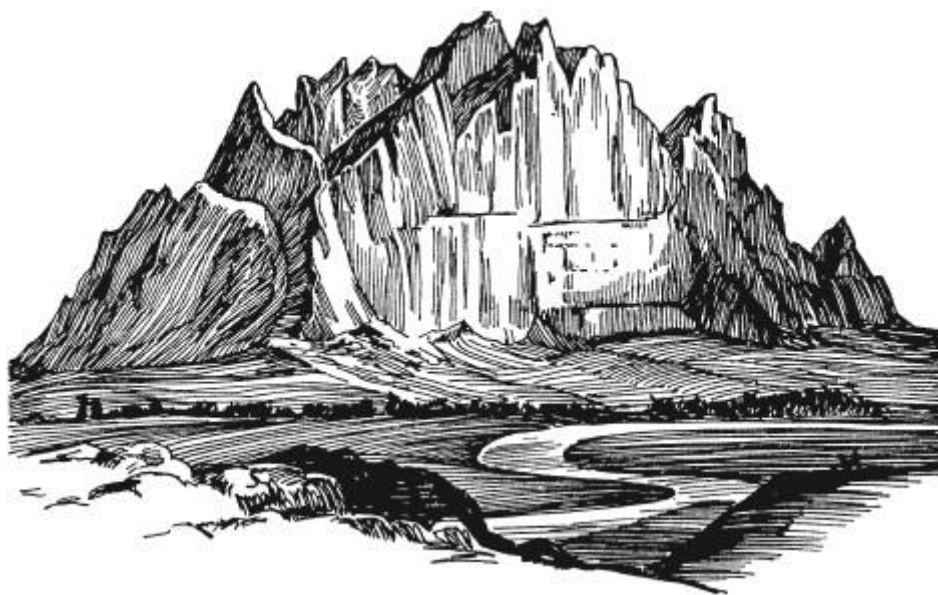

Рис. 4. Скала Бехистун

Но все еще оставалась еще более трудная задача - расшифровка систем письма и языков эламской и аккадской версий трехязычных текстов. К 1846 г. Ролинсон и другие достигли значительных успехов с эламским письмом, но мало что было известно об аккадском. Честь самого первого значительного успеха в расшифровке аккадской клинописи принадлежит ирландскому приходскому священнику по имени Эдвард Хинкс. Однако другие, включая Ролинсона, тоже не отставали, и к 1850 г. ученым удалось разобрать общий смысл аккадских текстов исторического характера. И тем не менее, научный мир еще не был полностью убежден. По этой причине в 1856-1857 гг. было проведено испытание:

четверо ведущих ученых - Хинкс, Ролинсон, Опперт и Фокс Талбот - взялись каждый за независимый перевод одного недавно обнаруженного длинного текста. Когда выяснилось, что результат у всех четверых оказался весьма схожим, больше не осталось места для сомнений в том, что аккадская система письма и язык расшифрованы.

Огромная трудность при расшифровке аккадского текста состояла, главным образом, не в самом языке, а в манере письма на нем. Система письма в своей более поздней форме представляла собой смесь из двух систем письма, о которых шла речь выше. Некоторые символы были идеограммами, а другие силлабограммами (то есть символы обозначали слоги). Все это еще больше усложнял тот факт, что некоторые символы можно было использовать и как идеограммы, и как силлабограммы, в то время как некоторые силлабограммы могли обозначать совершенно различные слоги в рамках одного и того же текста. Так, один символ

мог (в одну эпоху и в одном тексте) быть либо идеограммой слова «день», либо слогом, который произносится как «уд», или «ту», или «там», или «пар», или «лих», или «хиш». Некоторые символы могли представлять один и тот же слог, что еще больше усложняло дело. Так, значки

или

могли означать слог «у» в определенном положении в слове.

Поэтому первоначальная расшифровка аккадского текста была далеко не простым делом. Но как только это случилось, дальнейший прогресс был просто делом упорства и времени. Вскоре признали, что такая система письма не могла быть изобретена для аккадского языка, и, как и ожидали некоторые первопроходцы, ученые нашли среди клинописных надписей из Вавилонии тексты на другом языке, таком же отличном от аккадского, как, например, турецкий язык отличается от английского. Этот язык, известный в настоящее время как шумерский (по названию народа, который изначально говорил на нем), не сразу удалось расшифровать, и до сих пор идут споры относительно деталей толкований шумерских текстов. Большинство аккадских текстов, с другой стороны, в настоящее время можно понять так же хорошо, как и еврейский язык Ветхого Завета.

В то время как древние шумеры, вавилоняне и ассирийцы иногда вырезали надписи на каменных монументах, обычными материалами для письма были куски глины, как правило, такого размера, чтобы помещался в руке, но часто и большего. Критики Лэйярда утверждали, что сначала он относился к таким кускам глины с письменами как просто к керамике с необычными украшениями, но, безусловно, еще до своего отъезда из Нимруда в июне 1847 г. он знал, что они собой представляли. Позже, в Куянджике, Лэйярд и его последователи нашли и привезли с собой для Британского музея остатки нескольких библиотек из клинописных глиняных табличек, собранных ассирийскими царями. Двадцать пять тысяч фрагментов, о которых идет речь, до сих пор составляют самую значительную из всех известных единую коллекцию клинописных материалов. Она действительно настолько полная, что некоторые ассириологи, которых их коллеги непочтительно называют «куянджикологами», могут внести большой вклад в науку, работая только над этой коллекцией.

Лэйярд оставил занятия археологией в 1851 г. и ушел в политику, но его работу в Куянджике и других местах от имени Британского музея выполняли другие. Французы с самого начала активно занимались раскопками, а Германия и Америка начали главные раскопки в конце 80-х гг. XIX в. За ними последовали многие другие государства, и ассириология, как в своем археологическом аспекте, так и в изучении клинописных материалов, стала областью, в которой международное сотрудничество воплотилось в реальность. Редко проходит год, чтобы в Ирак не отправились три-четыре экспедиции из разных стран. А на

международной встрече ассириологов, проводимой ежегодно, можно встретить делегатов из Великобритании, Америки, Франции, Германии, Чехословакии, Югославии, России, Турции, Финляндии, Голландии, Ирака, Ливана, Израиля, Австрии, Бельгии, Швейцарии и Дании. Все они объединены желанием углубить свои знания о древней цивилизации Месопотамии.

ЗЕМЛЯ И НАРОДЫ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

Древняя Вавилония и Ассирия занимали приблизительно регион, который сегодня нам известен как Ирак, хотя некоторые места, важные для этой древней цивилизации, располагаются в Турции и Сирии. Ирак - это страна, жизнь которой и отчасти физическое существование зависят от ее крупных рек - Евфрата и Тигра. Без этих рек две трети страны превратились бы в безводную пустыню. Именно эти реки создали своими иловыми наносами весь этот край, огромную наносную равнину, которая простирается от границы, начинающейся в ста милях к северу от Багдада, и далее вниз к Персидскому заливу. Эта наносная почва может под воздействием солнца и соответствующего орошения быть поразительно плодородной, и именно на этой наносной равнине зародилась и расцвела древняя цивилизация. На севере и востоке поверхность равнины поднимается и образует цепи предгорий, а затем и горы высотой до десяти тысяч футов на границе с Персией и Турцией. К западу от Евфрата эта земля сливается с Сирийской и Аравийской пустынями.

Именно южная часть этой земли, приблизительно начиная с широты Багдада, в древние времена была Вавилонией, а северная часть - Ассирией. Все вместе иногда называют Месопотамией, что в переводе с греческого означает «между реками», хотя сами греки использовали этот термин для обозначения несколько другого региона.

История цивилизации Месопотамии, а вместе с ней и история нашей собственной цивилизации, начинается немногим более пяти тысяч лет назад в жарких болотах южного Ирака. Иноземный народ, шумеры, чье точное происхождение все еще неизвестно, пришел откуда-то (по суше ли, по морю, нет ясности) с востока или северо-востока, чтобы обосноваться в этом регионе в верховьях Персидского залива. В этом регионе отсутствуют некоторые основные материалы, необходимые для существования цивилизации, такие, как твердая древесина, камень и руды металлов, но он богат тремя другими составляющими, а именно: солнечное тепло, вода и ил. Именно из ила шумеры и построили свою цивилизацию, и именно ил в виде покрытых письменами глиняных табличек дает нам возможность бросить взгляд почти на самые первые годы из тех пяти тысяч лет, которые отделяют нас от первого поселения шумеров.

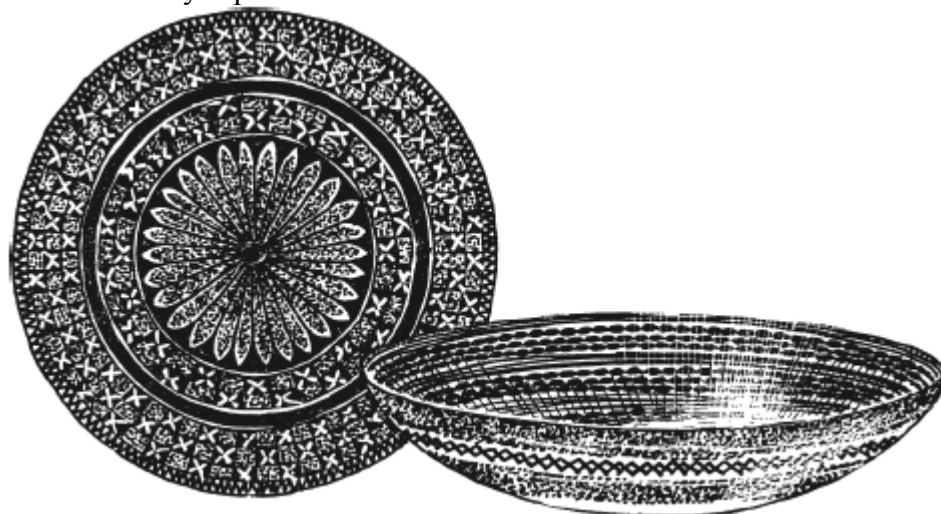

Рис. 5. Вазы дошумерского периода

Южный Ирак не был необитаем, когда сюда пришли шумеры. Там уже существовали процветающие селения, и некоторые из них стали основой для более поздних шумерских городов. Археология демонстрирует, что пришельцы переняли многое в строительстве, сельском хозяйстве и ирригационной технике уже жившего там народа, хотя в то же самое время они принесли с собой или изобрели другие приемы и техники, до этого не существовавшие в этом крае. Было выдвинуто предположение, что шумеры прибыли сюда как воинственные кочевые пастухи, навязав себя оседлым народам в качестве правящей касты. Другие ученые полагают, что шумеры сами были крестьянами, возможно вытесненными из своих родных мест в Центральной Азии изменениями климата. Доказательства этого скудны и сомнительны и в настоящее время недостаточны для нас, чтобы прийти к какому-либо решению.

Характерной чертой жизни шумерского общества с начала 3-го тысячелетия до н. э. был обнесенный стеной город, стоящий в центре небольшого города-государства, с несколькими зависимыми деревушками в окружающей его сельской местности. Возможно, следует подчеркнуть, что основу шумерского города составляло сельское хозяйство, а не промышленность. Двумя самыми выдающимися постройками шумерского города были его оросительная система и главный храм, сооруженный на террасе. Этот храм-терраса с течением времени превратился в ступенчатую башню, известную как зиккурат. Городской храм мог быть великолепен, иметь каменный фундамент, но большинство жителей города по-прежнему жили в маленьких глиняных хижинах.

Теоретически город был поместьем местного божества, чей главный представитель среди людей был известен как «эн»; это должностное лицо, очевидно, могло быть как мужчиной, так и женщиной. Первоначально управление городом-государством находилось в руках всех свободных жителей, которые принимали решения по основным вопросам в общественном совете. Однако всегда бывают такие ситуации, когда требуется принять немедленное решение, и поэтому жители стали назначать человека, которого называли «энси», чтобы руководить и согласовывать сельскохозяйственные работы, а в критические моменты жизни они избирали царя (по-шумерски «лугаль», что означает буквально «Большой человек») в качестве военачальника. И хотя и энси, и лугаль первоначально были избираемы, однажды получив такое назначение, человек старался сделать так, чтобы его должность не менялась и могла быть передана по наследству, а также чтобы различные руководящие должности в городе-государстве были в руках одного человека. Так, знаменитый Гильгамеш из Урука был и эн, и лугаль, а ряд других шумерских правителей были одновременно и лугальями, и энси. В результате первоначальная демократическая организация уступила место системе правителей и подданных.

До недавнего времени считалось, что в раннем шумерском периоде храм имел в собственности всю землю города-государства, но в настоящее время было доказано, что доля храма составляла, наверное, не более одной восьмой от всего целого. Остальная земля находилась первоначально в коллективной собственности семей или кланов и могла быть продана только при согласии всех имеющих вес членов семьи или клана. Покупателями такой земли были те, кто постепенно входил в правящий класс, или знать, и эти люди таким образом превращали землю в свою личную собственность в добавление к тому, что у них уже имелось в качестве семейной собственности. Эту землю обрабатывали бедные безземельные свободные граждане. Так развивался общественный строй, при котором были три основных класса, то есть знать, простые свободные граждане и зависимые свободные граждане, обычно называемые «клиентами». Четвертый класс составляли рабы, которые были главным образом военнопленными.

Уже говорилось о том, что шумеры были не первыми обитателями того края, который мы теперь называем Вавилонией. Среди их предшественников одна группа, возможно, была семитской. Если это действительно было так, то эта семитская составляющая представляла собой первую волну переселения народов, которое происходило в ходе истории. Использование термина «семитский» здесь требует объяснений. Этому слову в наши дни

не повезло, поскольку им злоупотребляли в гитлеровской Германии, и по этой причине многие люди вообще опасаются его использовать, разве что в качестве названия определенной группы языков, которая включает из современных языков иврит и арабский, а из древних языков - аккадский и арамейский. Но в контексте древней истории также вполне допустимо использовать термин «семиты» в расовом значении, говоря о группе народов, имевших единое происхождение в доисторические времена. Древние семиты (используя термин в этом значении) были людьми, чьей родиной, насколько это нам сейчас известно, были внутренние районы Аравийского полуострова. С конца последнего ледникового периода около 8000 лет до н. э. и до настоящего времени Аравия (как и большая часть Ближнего Востока вообще) страдает от неослабевающей эрозии почвы, в результате чего пустынные районы расширились, а население, которое должна прокормить эта земля, неуклонно становится все меньше. В течение всей истории избыток людей из этого региона направлялся вовне, где они обычно селились мирными семьями, реже - более крупными воинственными группами на более плодородных окраинах великой пустыни.

Одной из причин считать, что в южном Ираке, возможно, жили семиты, когда туда пришли первые шумеры, является то, что в некоторых ранних шумерских надписях содержатся слова, без сомнения заимствованные из семитской речи. К сожалению, такое доказательство не является убедительным, потому что мы не знаем, был ли период контакта между шумерийцами и семитами, который привел к таким заимствованиям, вопросом нескольких лет или же веков. Самое раннее историческое переселение семитских народов в Ирак началось во второй четверти 3-го тысячелетия (то есть после 2750 г. до н. э.), и есть доказательства того, что в этот период народ, который нам известен как аккадцы, переселился в северную Вавилонию из района Джебель-Синджар в восточной Сирии.

Растущая сила семитского элемента в населении завершилась приходом к власти аккадской династии. В северной Вавилонии самым крупным шумерским центром был город Киш, и у последнего царя Киша главным министром был человек, который нам известен под семитским именем Шаррумкен или Саргон, что означает «истинный царь», хотя едва ли это могло быть его настоящим именем. Саргон основал город Аккаде (точное местонахождение которого до сих пор неизвестно), и, когда царя Киша сверг шумерский правитель с далекого юга, Саргон принял на себя бразды правления и захватил власть над всей землей, позднее ставшей известной как Вавилония (2371 г. до н. э.). Потомки Саргона правили более века, и мы называем эту династию Аккадской династией, или, пользуясь семитским написанием этого слова, династией Аккаде. (Отсюда, в конечном счете, произошло слово «аккадский», которое мы уже использовали в различных контекстах.)

Саргон, в конечном счете, расширил свои завоевания от Евфрата до северной Сирии и, возможно, даже до Малой Азии. Он также завоевал Элам к востоку от Вавилонии и получил власть над северным Ираком, регионом, который позднее стал известен как Ассирия. В одном из городов Ассирии была найдена прекрасная бронзовая маска, которая, возможно, является изображением самого Саргона. Экономическая и политическая власть Саргона над этим беспрецедентно обширным регионом вызвала заметный подъем уровня жизни в Вавилонии, так что этот период по традиции вспоминается как золотой век.

Другим великим царем династии Аккаде был четвертый правитель, внук Саргона Нарам-Суэн. По преданию, подкрепленному в какой-то степени археологическими находками, Нарам-Суэн управлял империей, которая простиралась от Центральной Малой Азии до южной оконечности Персидского залива. В конечном счете эта династия рухнула под совместным натиском народов с северных и восточных гор, несмотря на энергичные действия, предпринятые Нарам-Суэном (рис. 6).

В исторической перспективе достижения династии Аккаде были очень существенны, несмотря на относительно короткую продолжительность ее правления (2371-2230 гг. до н. э.). Особенно значимым было введение новых методов администрирования, в частности, попытка осуществлять централизованное управление из одного города. Этому было суждено иметь далеко идущие последствия в будущем.

Рис. 6. Нарам-Суэн побеждает своих врагов

С падением центральной власти в Аккаде северную Вавилонию заняли горцы, которых называли кутии. Это был свирепый народ, о котором в преданиях вспоминали с ужасом и отвращением. Однако кутии, вероятно, не имели большого влияния на южную Вавилонию, которая по-прежнему оставалась преимущественно шумерской, как по составу населения, так и по культуре, и начиная с этого времени города этого региона вновь стали занимать выдающееся положение. При династии Аккаде город Аккаде был главным портом страны, но после уничтожения его завоевателями-кутиями торговля и богатства, которые через него поступали, стали уплывать по Персидскому заливу в южные города. Одним из городов, процветавших в это время и о котором мы особенно хорошо информированы, является Лагаш при правителе Гудеа (рис. 7). Самым большим достижением этого правителя (с его собственной точки зрения) была перестройка храма бога этого города, и он оставил большое число надписей, имеющих к этому отношение. Эти надписи дают нам ценные подробности о международной торговле того времени. Из них мы узнаем, что «кедровые балки с Кедровой горы (Ливан) он выгрузил на пристани... Гудеа приказал, чтобы... битум и гипс привезли на кораблях с гор Мадга (Киркук?)... Золотой песок привезли правителю города из Страны Золота (Армения)... Блестящий драгоценный металл доставили для Гудеа из заграницы, блестящий сердолик прибыл из Мелуххи (долина реки Инд?)».

Рис. 7. Гудеа - правитель Лагаша

Однако с точки зрения политики самой важной чертой нового периода было повторное возвышение города Ура. Уже на более раннем этапе (около 2600 г. до н. э.) Ур был ведущим центром шумерской цивилизации, и именно в царских усыпальницах того периода сэр Леонард Вулли обнаружил знаменитые сокровища, предметы искусства, с которыми связано его имя. Теперь, приблизительно в 2100 г. до н. э., Ур стал столицей шумерской династии, известной как Третья династия Ура, которая правила всей Месопотамией, создав весьма действенную бюрократическую машину. Богатства хлынули в столицу по Персидскому заливу, и у нас имеются некоторые реальные торговые документы, показывающие, что великий храм Ура экспортировал ткани и растительное масло в далекий порт под названием Маган, а в обмен ввозил медь, бисер и слоновую кость.

Рис. 8. Женщина времен правителя Гудеа

Эта династия рухнула спустя приблизительно век, оставив Вавилонию во временном хаосе. Главным фактором этого падения было новое перемещение семитских народов, на этот раз это был народ, называемый амурру или амореи.

Глава 2

ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ЦАРСТВ

Народ, называемый амореями, хорошо известен читателям Ветхого Завета, где этот термин используется для обозначения одной из главных групп обитателей Палестины до окончательного прихода сюда евреев, возглавляемых Иисусом Навином. Эти библейские амореи были потомками поселенцев, которые за несколько веков до этого пришли из пустыни. Они образовали часть огромной группы народов, которую клинописные источники называли амурру, двигавшихся из Сирийской пустыни и угрожавших всем плодородным землям от Палестины до Ирака. Вероятно, слово «амурру» первоначально было названием одного отдельного племени, но его стали использовать для обозначения всей волны захватчиков, хлынувшей из Сирийской пустыни.

Клинописные источники дают нам первый намек на передвижения этих амурру в надписи времен династии Аккаде. Она исходит из документа, который относится к «году, в котором Шаркалишарри, сын (по другим сведениям, внук. - *Ред.*) и преемник Нарам-Сузена, нанес поражение амурру на Басаре», при этом Басар - гора в Сирийской пустыне. Упоминания об этих амурру становятся более частыми в период правления Третьей династии Ура. Один отрывок демонстрирует презрение живущего в городе шумера к дикому жителю пустыни, который описывается следующим образом: «амурру... который ест сырое мясо, у которого в течение всей жизни нет дома, а после смерти он лежит незахороненный». Однако очень быстро эти амурру перестали быть презираемыми дикарями из пустыни и, в конечном счете, стали представлять угрозу безопасности самого существова-

ния Третьей династии Ура. Некоторые правители этой династии строили укрепления для защиты от кочевников. Но такие меры не смогли удержать их нарастающий натиск, и древние города сначала в среднем течении Евфрата, а затем и в собственно Вавилонии постепенно пали под превосходящими силами этого народа.

Присутствие на вышеуказанных территориях народов из группы амурру видно в первую очередь по личным именам, а затем, после окончательного падения Третьей династии Ура, по росту числа городов, где правили династии, в которых личные имена, имена богов и названия общественных институтов являются явно аморейского происхождения. Такие династии можно для удобства называть «аморейскими», хотя некоторые ученые считают этот термин неточным, когда его используют в этом смысле. Как можно предполагать, учитывая географию, именно в среднем течении Евфрата впервые возникла династия аморейского происхождения. Город, о котором идет речь, назывался Мари. В других городах некоторые из первых и более мирных аморейских поселенцев в действительности стали чиновниками на службе Третьей династии Ура. Одним из них был Ишби-Эрра, который при последнем царе Ура управлял городом Иссином и который, оставаясь верным до конца, впоследствии основал свою собственную династию.

Третья династия Ура в конце концов погибла под натиском аморейских захватчиков. Город за городом переставал признавать власть Ура. Но окончательное свержение этой династии было все же делом рук не амореев, а эламитов из южной Персии, которые воспользовались возможностью разграбить и оккупировать столицу, перебив ее жителей и увезя с собой царя. Этот ошеломляющий удар, ознаменовавший окончательный крах шумеров как политической силы, находит явные себе доказательства в следах разрушений, найденных при раскопках города. Это катастрофическое событие долго помнили в Вавилонии.

Рис. 9. Древний правитель Мари

С падением центральной власти Ура династии возникли в других городах. Двумя самыми выдающимися из них были сначала династия Иссина и Ларсы. По этой причине период около века после свержения власти Ура часто называют эпохой Иссина-Ларсы (2006-1894 гг. до н. э.). Династия Ларсы постепенно усиливала свое влияние за счет Иссина, но в конце концов была свергнута сама (1763 г. до н. э.) шестым правителем вавилонской династии великим Хаммурапи (1792-1750 гг. до н. э.).

Первую вавилонскую династию (1894-1595 гг. до н. э.) справедливо считают, особенно в годы правления Хаммурапи, одним из самых ярких эпох древней истории. Это была эпоха материального процветания, а также, по счастью, один из периодов, о которых мы информированы лучше всего. Есть не только тысячи деловых документов и писем из Вавилона и других городов, но у нас имеется также свод законов, провозглашенных самим Хаммурапи. Все вместе эти документы дают ясно понять, что своим выдающимся положением среди современников, благодаря которому он сделал Вавилон столицей культуры (которым ему было суждено и остаться), Хаммурапи обязан не только своему таланту военачальника, но и во многом своему пониманию политической ситуации, дипломатическим и административным способностям и заботой о социальной справедливости на всей территории своей страны.

Было бы ошибочно полагать, что Вавилон был единственным важным городом-государством в этот период времени. Дальше к северу находилось царство Ассирия, где в 1814 г. до н. э. на престоле воцарился еще один принц аморейского происхождения Шамши-Адад I, старший современник Хаммурапи. Он оказывал значительное влияние на регионы, расположенные к югу и юго-западу. На начальной стадии своего правления у Хаммурапи был еще один могущественный современник, царь города Эшнунны, который правил городами, расположенными вдоль реки Диялы и в окрестностях современного Багдада. Были и другие влиятельные центры амореев в северной Сирии. Такая ситуация в сжатом виде представлена в письме этого периода, в котором говорится:

«Не существует царя, который сам по себе один является самым сильным. Десять или пятнадцать царей поддерживают Хаммурапи из Вавилона, такое же их количество являются последователями Рим-Сина из Ларсы, столько же следуют за Ибаль-пи-Элем из Эшнунны, столько же сторонников у Амут-пи-Эля из Катны (в Сирии), и двадцать царей идут за Ярим-Лимом из Ямхада (в северной Сирии)».

Другим очень важным городом-государством до того момента, пока он не был завоеван царем Хаммурапи в 1761 г. до н. э., был Мари, расположенный в среднем течении Евфрата. Это был достаточно древний город, один из аванпостов шумерской цивилизации, а в начале 2-го тысячелетия до н. э. он был столицей царства, простирающегося на более чем двести миль вдоль течения реки. В 1796 г. до н. э. он пережил то, что, вероятно, было обычным делом в его истории - смену династии, когда Шамши-Адад из Ассирии, воспользовавшись дворцовым переворотом в Мари, поместил на трон Мари своего собственного сына Ясмах-Адада и сделал его своим царем-вассалом и представителем. Французским археологам, работавшим до войны в Тель-Харири, где расположен древний Мари, повезло обнаружить царские архивы того периода, а среди них - переписку между Шамши-Ададом и его царями-вассалами, которыми были его сыновья, а также переписку между различными правителями и их чиновниками. Для читателей несколько меньший, но все же очень важный с точки зрения подробностей жизни того времени интерес представляют собой деловые документы. Эти различные виды текстов вместе с остатками построек дают нам удивительно подробную картину жизни того времени, рассказ о которой пойдет в главе 3.

Образ жизни, который сложился в этот период, в годы правления Хаммурапи, был с небольшими изменениями принят в Вавилонии до того времени, когда завоевание страны персами в 539 г. до н. э. и последующий рост эллинского (греческого) влияния привели к тому, что вавилонская цивилизация в конце концов увяла. Реальные политические дости-

жения Хаммурапи, приведшие Вавилонию и некоторые регионы за ее пределами под власть города Вавилона, пережили его ненадолго. Во время правления преемника Хаммурапи народ из страны болот в южной Вавилонии откололся, образовав отдельную и долго царствовавшую династию, и тогда же этот же правитель вступил в конфликт с касситами, народом несемитской группы, жившим в горах на северо-востоке Вавилонии.

После этого первого натиска касситов последующий век увидел постепенный рост как мирной иммиграции отдельных касситов, так и организованных передвижений вооруженных банд. Это могло быть связано с тем давлением, которое испытывали на себе сами касситы в результате движения на юг индоевропейских и других народов, живших севернее. Среди этих народов двумя наиболее заметными группами были хетты и хурриты. Названия обеих групп можно найти в Библии (хурриты как «хорреи»), но следует помнить о том, что народы, которые в Библии назывались «хеттеями» и «хореями», возможно, имели всего лишь очень слабую и далекую связь с группами людей, известными как хетты и хурриты в клинописных документах. Хетты, индоевропейский народ, чей язык был близко родственным латыни, начали появляться в северной Анатолии (восточная Турция) в начале 2-го тысячелетия и образовали могущественное царство в центральной Анатолии вскоре после 1700 г. до н. э. Хурриты, которые не были ни индоевропейским, ни семитским народом, были сосредоточены в регионе вокруг озера Ван еще до правления династии Аккаде, но к началу 2-го тысячелетия они начали массовый прорыв на юг.

Эти разнообразные воздействия сделали крах централизованной власти в Вавилонии неизбежным, хотя, что удивительно, реальное падение города Вавилона было делом рук самого дальнего из упомянутых народов - хеттов из центральной Анатолии. В 1595 г. до н. э. правитель хеттов совершил внезапный бросок на юг, в Сирию, а затем переместился вниз по Евфрату, чтобы разорить Вавилон. Развитие политической обстановки в его собственной столице заставило хеттского царя возвратиться так же внезапно, как он и пришел, но Вавилон уже не смог сопротивляться следующему агрессору, и армии касситов спустились с гор, чтобы захватить столицу и установить свою власть в северной Вавилонии. Эта касситская династия, которая быстро переняла многое из культуры и общественных институтов своих предшественников в этой стране, правила около четырехсот лет (1595-1150 гг. до н. э.) (рис. 10).

Рис. 10. Зиккурат касситов

Мы возвращаемся к хурритам, которые, как мы уже видели, двигались на юг в течение первой половины 2-го тысячелетия до н. э. В это время с ними была связана аристократия расы, которая нам известна как индоевропейская или арийская. Изначально арийцы были родом из степей России. Поскольку этот регион был одним из мест первоначального обитания диких лошадей, арийцы всегда были тесно связаны с конем, и именно арийские переселенцы 2-го тысячелетия до н. э. ввели в обиход запряженную лошадьми колесницу

как инструмент ведения войны (рис. 11). Эта арийская аристократия, владевшая колесницами и правившая преимущественно хурритским населением, сумела незадолго до 1500 г. до н. э. основать могущественное царство с центром в районе Хабура. Это царство нам известно под названием Митанни.

Рис. 11. Арийская колесница, запряженная лошадьми

Как ни странно, царство Митанни больше всего известно не по находкам, обнаруженным в самом царстве, а по документам, найденным в стране хеттов, в Сирии, и прежде всего в Египте. Все эти документы указывают на значительное, пусть даже и временное, могущество царства Митанни. Есть два вида египетских источников. Один - это египетские иероглифические документы, в которых есть упоминания о вооруженном конфликте с Митанни в сирийском регионе, где два эти государства были соперниками. Другим египетским источником, как ни странно, являются глиняные таблички, покрытые клинописными надписями. Эти таблички являются знаменитыми письмами из Эль-Амарны, найденными в центральном Египте в конце XX века, которые составляли часть дипломатических архивов египетских царей приблизительно в 1400 г. до н. э. Эти документы включают в себя письма к фараону от различных князей Палестины и Сирии, от царей страны хеттов, Ассирии и Вавилонии, а также от царя Митанни. Материалы, имеющие отношение к другим правителям, не могут быть рассмотрены здесь, но часть корреспонденции, касающаяся Митанни, ясно говорит, что в то время царство Митанни занимало положение, равное Египту. Эти письма показывают, что между Митанни и Египтом заключались брачные союзы, и дают доказательства тому, что митаннские принцессы посылались в качестве невест царю Египта. (Можно добавить, что касситский правитель Вавилонии также заключал брачные союзы такого рода с Египтом.) Царство Митанни было в этот период таким могущественным, что затмило своего восточного соседа Ассирию, и действительно в течение какого-то времени Ассирия была вассалом Митанни. Но к 1350 г. до н. э. царство Митанни, разрываемое внутренними династическими распрями, стало настолько слабым, что фактически стало зависимым от хеттского правителя Суппилулиумы. Теперь Ассирия получила возможность заново утвердить свою независимость, и этот период, когда правил царь Ашшурбаллит I (1365-1330 гг. до н. э.), знаменует становление Ассирии как одной из великих держав древнего Ближнего Востока.

В период с 1350-го по 612 г. до н. э. ассирийцы были одним из самых влиятельных, а также одним из самых оклеветанных народов Древнего мира. Живущий в северной Месопотамии на открытых равнинах непосредственно к югу от великих горных хребтов Армении, народ Ассирии нес на себе основную тяжесть натиска индоевропейских народов, наступавших из степей России. Мы уже видели, что в какое-то время Ассирия была вассалом

царства Митанни, и в последующие века, почти до 1000 г. до н. э., ей было суждено подвергаться постоянному давлению со стороны арамейских народов из западного региона. Ответом на это непрекращающееся давление было становление крепкого физически, воинственного народа, готового к безжалостной борьбе за свое существование.

Политическая история Ассирии, начиная с 1350 г. до н. э., показывает любопытное чередование периодов экспансионизма и упадка. Сначала наступил период, который длился приблизительно один век, когда Ассирия обезопасила себя от угрозы подчинения Вавилонии и в конце концов решила проблему с царством Митанни, превратив то, что осталось от этого когда-то могущественного царства, в самую западную провинцию Ассирии. Именно в этот период Ассирия впервые ощутила на себе давление новой волны арамейских народов, именуемых ахламеи, которые надвигались на нее с запада. Также в это же время в горах Армении возник новый племенной союз государств, известный как Уруатри или Урарту (библейский Арарат), который вскоре стал весьма влиятельным царством.

Этот период сплочения и экспансии завершился взятием в плен Тукульти-Нинурты I, царя Вавилона (1244-1208 гг. до н. э.). По своему значению это событие было равно тому, как если бы король Шотландии в Средние века захватил бы Лондон. После этой наивысшей точки успеха в счастливой судьбе ассирийцев внезапно наступил спад. Отчасти это было прямым следствием предыдущего периода экспансии: непрекращающиеся вооруженные конфликты с народами с севера, востока и юга, вероятно, нанесли Ассирии серьезный урон в людской силе. Но возможно, более серьезной причиной была политическая нестабильность на Ближнем Востоке в целом. Уже не существовало больше царства Митанни, которое осуществляло политическую власть в сирийском регионе, в то время как Египет, который раньше часто выступал в роли сюзерена над Палестиной и частями Сирии, теперь был совершенно не способен сделать так, чтобы его влияние ощущалось за пределами его собственных границ. Империя хеттов, которая раньше давала политическую стабильность Малой Азии и северной Сирии, защищая таким образом торговые пути, под влиянием народов, переселяющихся из Европы, быстро распадалась, и к 1200 г. до н. э. она уже не имела никакого влияния. Непокойная ситуация на большей части Ближнего Востока в это время, когда торговые пути были небезопасны, а деревни пустели, отражена в Книге Судей Израилевых, например, в 5: 6-7: «В дни Са-мегара... были пусты дороги, и ходившие прежде путями прямыми ходили тогда окольными дорогами. Не стало обитателей в селениях у Израиля». Такая ситуация на всем Ближнем Востоке была в конечном итоге результатом перемещения на юг народов Европы, частью которых были греки и, вероятно, библейские филистимляне. Именно эти народы, в конце концов, разрушили империю хеттов, уничтожили власть Египта в Сирии и Палестине и серьезно ослабили сам Египет, совершив попытку прямого вторжения, которая была отбита в великом морском сражении около 1190 г. до н. э. В таких условиях торговля Ассирии со Средиземноморским регионом и Малой Азией понесла катастрофические потери, так что Ассирия, возможно, не имела возможности получать в достаточном количестве такие основные материалы, как металлы, одним из основных источников поставок которых была Малая Азия. На непродолжительный период времени Ассирия подчинилась власти Вавилонии, которая по причине своего географического положения была в основном в стороне от бед, вызванных ситуацией в Малой Азии и Сирии.

Хотя Вавилония и имела более благоприятное географическое положение, чем Ассирия, она не избежала абсолютно последствий общего беспорядка, царившего на Ближнем Востоке, и именно в этот период была, наконец, свергнута касситская династия. Из последующего хаоса возникла новая династия, известная как Вторая династия Иссына, самым значительным правителем которой был Навуходносор I (1124-1103 гг. до н. э.). Этому царю удалось распространить власть Вавилонии на горные регионы на востоке и северо-востоке своей страны.

Установление стабильной ситуации в Вавилонии и обеспечение безопасности торговых путей дальше на восток оказало общее воздействие на всю Месопотамию, и конец XII в.

до н. э. знаменуется началом нового периода ассирийской экспансии при царе Ашшур-решиши (1133-1116 гг. до н. э.) и его сыне Тиглатпаласаре I (1115-1077 гг. до н. э.). Первый сбросил политическую власть Вавилонии и предпринял наступательные действия и против ахламеев на западе, и против горных племен на востоке, обеспечив тем самым безопасность на весьма обширной территории и возможность экономического процветания. Тиглатпаласару пришлось иметь дело с прямой угрозой, исходившей от переселения народов на юг, о котором уже шла речь. Это произошло, когда большая группа мушку (народ, известный в Ветхом Завете как мешех, а в греческой литературе как фригийцы) двинулась в ассирийскую провинцию Кум-мух на юге Малой Азии. Тиглатпаласар проник в Малую Азию, чтобы изгнать этих захватчиков, и тем самым обеспечил Ассирии безопасность на северо-западе. Имея защищенный северный фланг, он теперь получил возможность совершить военный поход на побережье Сирии, где получил дань: вероятно, это был еще один способ продемонстрировать, что финикийские города согласились торговать древесиной и другими товарами. Тиглатпаласар также установил дипломатическую связь с царем Египта, от которого получил живого крокодила в знак выражения доброй воли. Возросшее материальное благополучие, явившееся результатом успехов Тиглатпаласара в открытии и защите торговых путей через Западную Азию, отражается в значительном строительстве, связанном с храмами Ассирии.

Вскоре после смерти Тиглатпаласара маятник снова качнулся, так что за длительным периодом трудностей и напряжения сил последовал период относительного благополучия. Главным сдерживающим фактором на этот раз было растущее давление со стороны арамейев, о которых уже шла речь. На этот раз Вавилонии был нанесен такой же или даже еще больший ущерб, чем Ассирии, так что в конце концов арамейский князь Адад-апла-иддин (1067-1046 гг. до н. э.) сумел узурпировать трон Вавилонии. Тогдашний ассирийский правитель Ашшур-бел-кала (1074-1057 гг. до н. э.) не только не смог оказать помощь законному правителю Вавилонии, но даже был вынужден признать узурпатора и породниться с ним через брачный союз.

Наибольшей силы давление со стороны переселяющихся арамейских народов достигло в 1000 г. до н. э. и пошло на спад, и в течение следующего века Ассирия медленно восстанавливала силы. Это стало заметно в годы правления Адада-нирари II (911-891 гг. до н. э.). При нем Ассирия осуществляла военную экспансию и сумела сохранить свои границы на юге и востоке и защитить торговые пути на запад, построив укрепленные посты вдоль среднего течения Евфрата и в Хабурском регионе. Безопасность, достигнутая благодаря политике Адада-нирари II, отразилась на экономическом благополучии, и в одной из надписей царь пишет: «Я построил административные здания по всей моей стране. Я провел пашни во всю ширь своей земли. Я увеличил запасы зерна по сравнению с запасами прошлых лет... Я увеличил число лошадей, приученных ходить под ярмом...» Речная торговля имела большое значение, что отразилось в перестройке причальной стены в столице Ашшур на реке Тигр. Сельское хозяйство процветало (рис. 12).

Рис. 12. Орошение - основа сельского хозяйства ассирийцев

Преемники Адада-нирари II (Тукульти-Нинурта II, 890-884 гг. до н. э., Ашшур-нацир-апал II, 883-859 гг. до н. э., и Салманасар III, 858-824 гг. до н. э.) успешно продолжили политику военной и экономической экспансии, постепенно расширяя подвластную Ассирии территорию, пока весь регион от Средиземноморского побережья до гор Загрос и от Киликии до Вавилонии не стал либо напрямую управляться Ассирией, либо подчиняться правителям-вассалам, принявшим ассирийское владычество. Все торговые пути на Ближнем Востоке, кроме палестинских, таким образом, попали в руки ассирийцев.

Во время правления Салманасара III Ассирия впервые вступила в конфликт с царством Израиль, хотя инцидент, о котором пойдет речь, известен только из ассирийских документов, а не из Библии. Столкновение произошло, когда сирийское и палестинское государства образовали коалицию, чтобы противостоять ассирийской экспедиции к Средиземному морю в 853 г. до н. э. Согласно ассирийским источникам, силы коалиции включали в себя «2000 колесниц, 10 000 воинов Ахаббу из страны Сир'ила». «Ахаббу из Сир'ила» был, без сомнения, израильский царь Ахав. Салманасар заявил о поражении западных армий; такое заявление подкрепляет тот факт, что четыре года спустя на одном памятнике изображен посол царя Охозии, преемника Ахава, который демонстрирует свою покорность.

С этого времени контакты ассирийцев с Сирией отражены в коллекциях древнего ближневосточного искусства в современных музеях. Как мы узнаем из Библии (I Книга Царств, 10: 18; 22: 39; Книга пророка Амоса, 3: 15; 6: 4), украшения из слоновой кости очень ценились в Палестине, и похоже, что и ассирийские цари разделяли это пристрастие. Сирийские ремесленники были знамениты своим искусством резьбы по слоновой кости, и начиная с этого времени ассирийские цари вывозили таких людей в города Ассирии, где их использовали на работах по украшению царских дворцов. Предметы, вырезанные из слоновой кости, были в больших количествах найдены в Нимруде - месте, где находилась древняя столица Калах.

К концу правления Салманасара III случилось восстание, охватившее несколько главных ассирийских городов. Великие древние города Ассирии и Вавилонии всегда претендовали на некоторую независимость, и в кризисные времена цари часто были вынуждены признавать это, освобождая жителей от определенных видов налогов и обязательного принудительного труда. Вероятно, долгий период нарастания мощи Ассирии со времени правления Адада-нирари II создал для царя настолько прочное положение, что он смог свести на нет привилегии древних городов Ассирии. Это, вероятно, был один из факторов, который и привел к восстанию. В конце концов оно было подавлено, и Салманасара сме-

нил его преемник, приемный наследник Шамши-Адад V (823-811 гг. до н. э.). Этот царь продолжил политику своих предшественников, предприняв военную акцию на севере и северо-востоке с целью защиты интересов Ассирии от Урарту и мидян (один из народов Ирана, который незадолго до этого переселился в северо-западную Персию). Он также расширил территорию, которая напрямую подчинялась ему, включив в нее северо-восточный край Вавилонии вдоль реки Диялы, и даже вторгся в саму Вавилонию, чтобы привести к повиновению некоторые племена, которые назывались кальду, позднее ставшие известными нам как халдеи. Эти племена, занимавшие самую южную часть Вавилонии, были, в сущности, независимы от слабого вавилонского царя, так что, возможно, то, что они создавали помехи на торговых путях из района Персидского залива, и привело к военным действиям Шамши-Адада против них.

Рис. 13. Вырезанная из слоновой кости фигурка из Нимруда

Начиная с 800 г. до н. э. влияние Урарту начало расширяться, особенно в районе северной Сирии за счет Ассирии, и следующая половина века стала свидетелем резкой перемены в счастливой судьбе Ассирии. Ситуация на родине стала настолько плоха, что в 746 г. до н. э. в столице Кал ахе произошло восстание, и вся царская семья была убита.

Человек, взошедший на трон, был, вероятно, царской крови, хотя и не из семьи своего предшественника. Им стал некий Пулу, который при восхождении на престол взял себе имя Тиглатпаласар (рис. 14). Тиглатпаласар III (745-727 гг. до н. э.) был одним из самых талантливых ассирийских царей. Он взялся за всесторонние административные реформы, уменьшая власть губернаторов провинций и в то же самое время повышая эффективность провинциального управления. Годы его правления увидели новое распространение ассирийского влияния на Вавилон на юге и на Сирию с Палестиной на западе. Его преемник,

Салманасар V (726-722 гг. до н. э.), придерживался того же самого общего политического курса. Больше всего он известен своей осадой Самарии, столицы Израиля, которая закончилась в соответствии с обычно принятой в Ассирии практикой: депортацией в Ассирию самой лучшей части населения страны (II Книга Царств, 17: 6).

Рис. 14. Тиглатпаласар III

Остальной период существования Ассирийской империи - это история нескончаемой экспансии вплоть до 640 г. до н. э. с последующим драматическим концом. Главными царями этой эпохи (известной как эпоха Саргонидов по имени первого из них) были: Саргон II (721-705 гг. до н. э.), Синаххериб (704-681 гг. до н. э.), Асархаддон (680-669 гг. до н. э.) и Ашшурбанапал (669-626 гг. до н. э.). Нам не стоит задерживаться на политических событиях в годы правления каждого из них, но может быть полезным сказать пару слов о самих правителях. У Саргона, видимо, был вкус к поэзии, и некоторые из его летописей написаны в изящной стихотворной форме в противовес сухой прозе некоторых других ассирийских царей. (Конечно, это не означает, что Саргон лично слагал летописи стихами.) Синаххериба обычно считают безжалостным варваром, возможно небезосновательно, так как он был одним из немногих завоевателей Вавилона, которые разграбили этот центр культуры. В то же самое время он, как и многие другие варвары, очень интересовался техническим прогрессом. Он хвастался, что изобрел новый способ литья металла, разработал новые приспособления для орошения и нашел новые минеральные ископаемые. Он также очень гордился тем, что заложил для себя новую столицу, Ниневию, с парками для ее украшения и новым акведуком, который должен был снабжать ее в достатке пресной водой. Об Асархаддоне известно мало помимо его военных и политических успехов. В области политики он испытал два новых замысла, и оба они имели пагубные последствия. Одна идея состояла в том, чтобы включить Египет в состав своей империи. Это чрезмерно растянуло военные ресурсы Ассирии и стало одним из факторов, приведших впоследствии к ее падению. Другой новой политикой было завещание Вавилонии одному сыну, а Ассирии и остальной части империи - другому. В результате этого два брата, бывшие вначале лучшими друзьями, оказались лично втянутыми в старые распри между Ассирией и Вавилонией, так что разразилась гражданская война. Этого, однако, и следовало ожидать.

Здесь можно сказать несколько слов о порядке наследования в Ассирии. Хотя царский сан обычно считался передаваемым по наследству, он необязательно переходил к самому

старшему сыну. Асархаддон, например, особенно подчеркивал, что он был избран наследником, несмотря на то что был младшим сыном:

«Среди моих старших братьев я был самым младшим. По велению Ашшура... [и других богов] мой отец... торжественно назначил меня при всех собравшихся братьях, [сказав] так: «Этот сын - мой преемник». Когда он спросил [богов] Шамаша и Адада посредством гадания на печени, они ответили ему ясно: «Да!», сказав так: «Он твой преемник». Поэтому он оказал дань уважения их священным словам и собрал народ Ассирии, всех малых и великих, и моих братьев, семя дома моего отца, и заставил их дать торжественную клятву перед Ашшуром... [и другими богами] Ассирии, которые обитают на небе и на земле, чтобы они защитили мое право преемника».

Восхождение на престол царя, если оно было одобрено богами, сопровождалось различными благоприятными знамениями. Асархаддон утверждал, что, когда он всходил на трон (подавив попытку узурпации власти), «дул южный ветер, дыхание бога Эа, чье дуновение благоприятно для осуществления царской власти; благоприятные знаки появлялись на небесах и на земле».

Рис. 15. Джерванский акведук

Сын, которому Асархаддон завещал Ассирию и основную часть империи, был Ашшурбанапал. Этот царь очень гордился своей грамотностью и говорит нам: «Я постиг мудрость Набу [бог писцов] и все искусство писца лучше всех знатоков». Некоторые ассириологи, трепетно относясь к изучению клинописи, считают такое хвастовство простой самоуверенностью ассирийского монарха, но у нас нет реальных доказательств, дающих нам право отмахнуться от заявления Ашшурбанапала. Безусловно, он серьезно интересовался клинописной литературой, так как не кто иной, как он, в основном и собрал одну из огромных библиотек Ниневии, те самые тысячи табличек из Куионджика.

Гражданская война между Ашшурбанапалом и его братом, который правил в Вавилоне, без сомнения, серьезно ослабила империю. Тем не менее, когда Ашшурбанапал, наконец, в 648 г. до н. э. захватил Вавилон, его положение внешне казалось таким же прочным, как и всегда, так что между этим и 639 г. до н. э. он сумел предпринять ряд военных походов на царство Элам. Однако на мировой арене появились новые движущие силы. В Иране, к северу от Элама, мидяне, группа сильных иранских племен (ветвь индоевропейской расы), которые переселились в этот регион около 900 г. до н. э., постепенно становились силой, с которой следовало считаться. Уже во времена Асархаддона они играли достаточно важную роль, чтобы этот царь связал их договором об оказании после его смерти поддержки его распоряжениям относительно престолонаследия, и к 650 г. до н. э. они сплотились в могущественное царство, которое могло и в конечном счете сумело-таки успешно противостоять Ассирии. К северу от Ассирии новые орды из Центральной Азии, глубоко проникшие в Малую Азию, одолели царство Урарту. И хотя Ашшурбанапалу удалось на какое-то время использовать их в своих собственных интересах (он настроил их против одного царя на побережье Малой Азии, который поддерживал движение за независимость в Египте), прошло не так уж много времени, прежде чем какая-то часть этих орд обернулась против самой Ассирии.

Нам мало что известно о правлении Ашшурбанапала после 639 г. до н. э., за исключением того, что ситуация для Ассирии становилась все более серьезной. Когда в 626 г. Аш-

шурбанал умер, место на троне этой страны занял некий Набопаласар, опиравшийся на поддержку халдеев в Вавилонии, хотя преемники Ашшур-банапала, Ашшур-этель-илани и Син-шаришкун, видимо, частично сохранили власть в некоторых уголках южного царства. Но Набопаласар заключил союз с мидянами, и его окончательный успех в Ассирии был почти неизбежен.

В самом конце Ассирия нашла неожиданного союзника в Египте, державе, которая не могла благосклонно взирать на возможную передачу торговых путей Ближнего Востока, которые до сих пор контролировала Ассирия, на милость таких непредсказуемых людей, этих выскочек мидян и халдеев. Поддержка Египта, однако, пришла слишком поздно, чтобы восстановить старый порядок, и в 612 г. до н. э. Ниневия пала. Остатки ассирийской армии вместе с ее египетскими союзниками оказали последнее сопротивление в Кархемеше в 605 г. до н. э., но лишь встретили свое поражение. Ассирийскую державу ждал неизбежный конец.

В это время умер Набопаласар. Его сын и преемник Навуходоносор II, служивший главнокомандующим у своего отца, был талантливым полководцем с большим опытом. Он взял в свои руки остатки Ассирийской империи и распространил свою власть до границы с Египтом. Он хорошо известен своими двумя нападениями на Иерусалим (в 597-м и 587 гг. до н. э.) и депортацией евреев в Вавилонию. На самом деле это были лишь отдельные случаи в борьбе Навуходоносора за установление своей власти на территории, которую новая египетская династия собиралась считать своей собственной сферой влияния. В то же самое время мидяне расширили свое государство, которое стало включать в себя прежнее царство Урарту и большую часть Малой Азии.

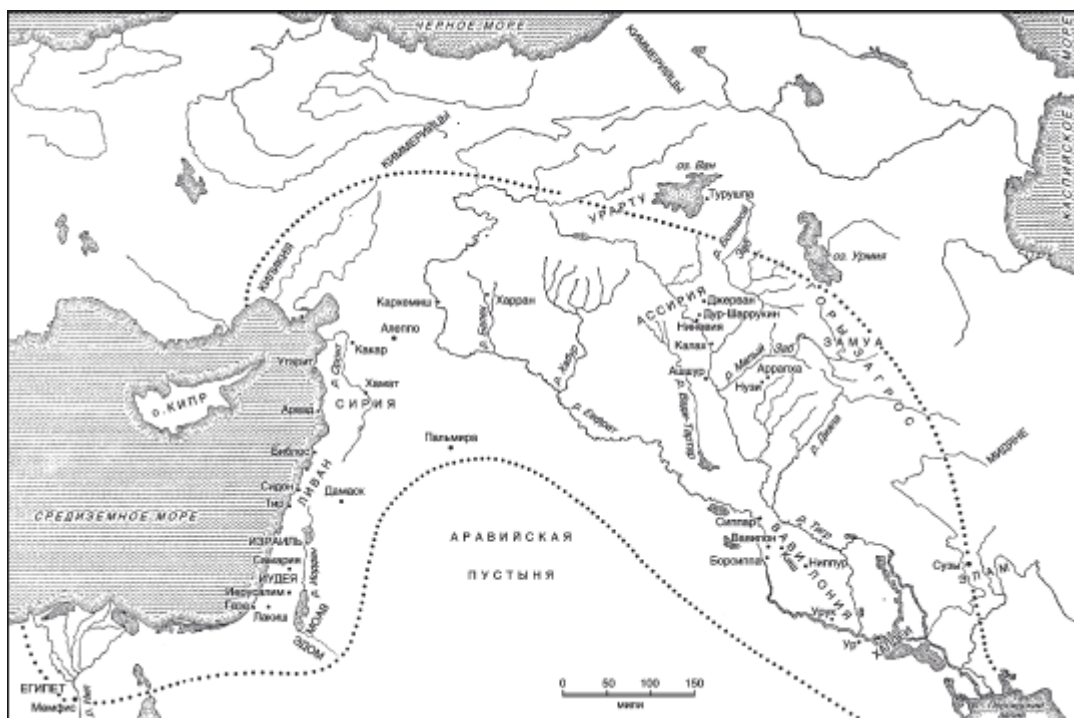

Рис. 16. Карта Ассирийской империи

Нововавилонская империя, как обычно называют империю, основанную Навуходоносором, экономически страдала от того, что мидяне теперь контролировали торговые пути с далекого Востока, которые проходили через прежнее царство Урарту и Малую Азию на запад. Стараясь исправить это, правители нововавилонского царства пытались распространить свою власть на юго-запад, чтобы извлекать пользу из торговых путей, идущих из Аравии. Мы уже видели, что Навуходоносор предпринимал шаги к тому, чтобы установить контроль над всей Сирией и Палестиной, и в более поздние годы его правления есть доказательства того, что он безуспешно пытался вторгнуться в сам Египет. Его второй

преемник Нериглиссар был, вероятно, побуждаем похожими экономическими мотивами, когда он предпринял военный поход в Малую Азию (как раз перед 556 г. до н. э.). Однако именно последний нововавилонский царь Набу-наид (Набонид) (555-539 гг. до н. э.) делал самые решительные попытки поставить свою империю на более прочную экономическую основу. Большую часть времени своего правления он провел в западной Аравии, где он основал цепочку военных поселений вдоль так называемого «пути ладана» из Таймы в Йасриб (современная Медина).

Ко времени воцарения Набонида отношения между Вавилонией и мидянами серьезно ухудшились, и в первые годы своего правления Набонид благосклонно относился к некоему принцу, который поднял восстание против мидийского царя. Этим принцем был Кир Персидский. Но как только Кир взял под свой контроль Мидийскую империю, он продолжил свою экспансионистскую политику, которая быстро привела его к столкновению с Вавилонией. Благодаря блестящим полководческим способностям ему удалось в 547 г. до н. э. подчинить себе всю Малую Азию до греческих поселений на западном побережье, а затем он захватил восточную часть Ассирии, которая попадала в сферу влияния Вавилона. Началась война, и Кир по широкому фронту вторгся в Вавилонскую империю. Общественное мнение всего цивилизованного мира в то время отражено в Книге Исайи (14: 1, 4), где еврейский пророк провозглашает Кира избранником Бога. Положение Набонида было значительно хуже. Даже в Вавилонии он был непопулярен отчасти из-за экономических трудностей, с которыми столкнулась страна, а отчасти из-за его попыток провести религиозную реформу. И когда Кир, наконец, пошел на Вавилон, у него уже было много приверженцев в городе. Вавилон потерпел от него поражение в 539 г. до н. э.

Персидская империя, в которую в 525 г. до н. э. вошел Египет, теперь превышала по протяженности любую империю, существовавшую до нее, и в этой империи Вавилония и Ассирия образовали всего лишь одну провинцию. Но вавилонская и ассирийская культура не переставала оказывать свое влияние, и помимо всего прочего персидское искусство (рис. 17), гражданское управление и военная наука были многим обязаны своим вавилонским или ассирийским корням. Вавилон был если не политической, то, безусловно, административной и культурной столицей всей Персидской империи.

Рис. 17. Персидские бронзовый и серебряный браслеты

После 500 г. до н. э. Персидская империя вступила в конфликт с Грецией, и этот конфликт продолжался с перерывами до тех пор, пока в 331 г. до н. э. великий Александр Македонский не сверг власть персов в сражении при Арбеле, а затем отправился дальше раздвигать границы своей власти до рубежей Индии. Если бы Александр остался жив, он бы осуществил свое желание основать всемирную империю со столицей в Вавилоне, но его безвременная смерть в Вавилоне в 323 г. до н. э. в возрасте тридцати двух лет привела к тому, что завоеванные им территории были разделены между его полководцами. Восточные провинции, включая Вавилонию и Ассирию, в конечном итоге достались Селевку I (301-281 гг. до н. э.). При Селевке Вавилония и Ассирия попали под усиливающееся эллинское культурное влияние, и на аккадском языке, который был уже вытеснен арамейским языком как языком повседневного общения, уже даже и не писали. Исключение сос-

тавляли тексты на религиозные и астрономические темы. Древняя культура Вавилонии и Ассирии была мертва, и будущее было за Палестиной, Грецией и Римом.

Глава 3

ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ АМОРЕЕВ

В конце 1933 г. французские археологи начали раскопки в местечке Тель-Харири в среднем течении Евфрата в восточной Сирии, продолжали их до конца 1938 г. и возобновили их снова после войны. Вскоре подтвердилось, что в этом месте располагался древний город Мари, уже известный нам по клинописным документам, найденным в других местах. Здесь правила могущественная династия. Было найдено большое количество клинописных табличек. Самой важной находкой был архив из приблизительно 13 тысяч табличек, обнаруженный в 1936 г. Другим замечательным открытием были остатки огромного дворца, в котором, как оказалось после окончания раскопок, было почти 300 комнат. Он занимал площадь около шести акров, то есть столько же, сколько шестьдесят или семьдесят приличных пригородных домов вместе с садами. Степень сохранности стен была удивительно хорошей для здания, которому четыре тысячи лет. Некоторые из оставшихся стен имели высоту до 16 футов с хорошо сохранившимися дверными проемами. Археолог, руководивший раскопками, смог даже написать, что многие хозяйственные помещения дворца, такие, как кухни, ванны и кладовые, могли бы и сейчас функционировать почти без какого-либо ремонта (рис. 18). На некоторых стенах, покрытых штукатуркой, все еще можно было увидеть оригинальные настенные росписи (рис. 19).

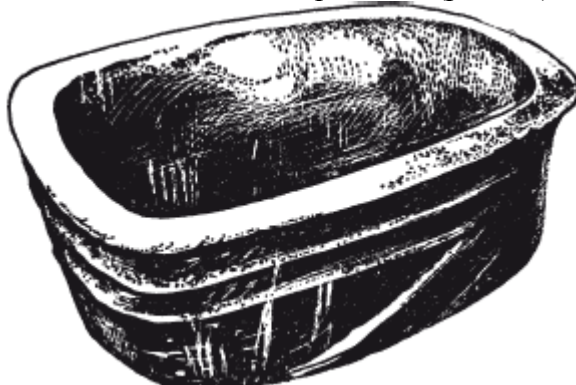

Рис. 18. Терракотовая ванна из Мари

Теперь очевидно, что этот дворец был разграблен в начале 2-го тысячелетия (в действительности это сделал Хаммурапи из Вавилона приблизительно в 1760 г. до н. э.). Клинописные документы из Мари пролили много света на жизнь того времени. Они дают нам информацию не только о положении на международной арене как раз накануне разграбления города, но также об истории жителей дворца, рисуя нам картину - часто очень подробную - их личной и общественной жизни.

Рис. 19. Настенная роспись в Мари

Представьте себе город, лежащий за крепкой оборонительной стеной. Самой заметной, выделяющейся издалека постройкой, как и в большинстве городов Месопотамии, был зиккурат, или огромная храмовая башня, возвышавшаяся, наверное, на 150 футов над равниной, у подножия которой стояли несколько храмов. Недалеко от зиккурата раскинулся огромный дворец, о котором мы уже говорили. Этот дворец был, конечно, не просто царской резиденцией, а административным центром, из которого направлялась вся работа, которую мы бы назвали государственной и дипломатической службой. Этим объясняется наличие во дворце Мари тысяч писем, а также административных и юридических документов. Говоря современным английским языком, царский дворец этого периода следует считать скорее Уайтхоллом, нежели Букингемским дворцом. Но даже это не охватывает все функции дворца Мари. Одна его часть представляла собой деловой центр со складами, куда купцы могли поместить свои товары, а другая, вероятно, служила казармами, по крайней мере для части военного гарнизона, постоянно расквартированного в Мари. Мари был также и военным складом, и, возможно, во дворцовых двориках хранилось такая техника, как стенобитные орудия и осадные башни, до той поры, пока они где-нибудь не понадобятся. Дворцы, выполнявшие функции, схожие с теми, что и у дворца Мари, существовали и в других главных городах царства, хотя и в меньшем масштабе.

Естественно, часть дворца Мари составляли личные покои и парадные апартаменты самого царя. В воображаемое нами время царем был Ясмах-Адад, младший сын Шамши-Адада. Судя по переписке, которая велась между ним, его старшим братом и его строгим старым отцом, Ясмах-Адада, видимо, считали немного легкомысленным и недостаточно ответственным. Безусловно, мы видим, как он попадает в неприятные ситуации, из-за ошибок в выполнении своих официальных обязанностей, но, как мы увидим, было столько всего, за что он должен был отвечать, что случайный промах был вполне простителен. Несмотря на недостатки, которые его отец и старший брат, возможно, видели в нем, между членами семьи существовали сильные узы привязанности. Так, в одном письме мы находим, что Шамши-Адад очень настаивает на том, чтобы Ясмах-Адад приехал к нему в город и провел там пару недель, а старший брат Ясмах-Адада много раз изо всех сил старался выручить его из неприятного положения.

В письмах, которыми обменивались Ясмах-Адад, его отец и брат, есть намеки на то, что Ясмах-Адад любил хорошую компанию. Если это действительно было так, то у Ясмах-

Адада была масса возможностей предаваться своему пристрастию, так как в любое время при его дворе постоянно находились сотни людей. Сюда входили члены его собственной семьи, заезжие послы, постоянные дворцовые чиновники, министры и распорядители, гарнизонные офицеры и высокопоставленные должностные лица из других городов, временно находящиеся в Мари. Здесь были также женщины различных категорий от жен до храмовых проституток, но у последних, вероятно, были свои собственные покои, и они не общались с мужчинами, когда те занимались своими делами днем.

Немного известно о реальном распорядке дня во дворце в этот период. Кажется вполне очевидным, что каждое утро царь собирал придворных на аудиенцию, на которой присутствовали чиновники и послы, имевшие к царю дела. Здесь министры царя читали ему письма от отца, или брата, или от иноземных правителей, или от частных лиц. Вероятно, многие письма читали вслух при всех, хотя, судя по содержанию других, они, очевидно, были предназначены только для царских ушей. Иногда правитель, состоявший с царем в переписке, мог дать своему послу фиктивное письмо, полное всяких банальностей, чтобы оно было прочитано на публике, а истинное послание посол должен был передать главному царскому министру в приватной беседе в подходящий момент. Еще одной обязанностью царя на такой публичной аудиенции было улаживание правовых споров. Серьезные иски, решение которых чиновники считали слишком важным или слишком трудным для себя, передавались царю, чтобы тот принял решение.

Рис. 20. Религиозная церемония в Мари

Часть обычного дня царя, вероятно, занимали религиозные церемонии, так как в Древней Месопотамии царь всегда играл важную роль в государственной религии. Действительно, в какие-то периоды (не в это время) царя фактически считали богом. В ходе выполнения царем своих религиозных обязанностей от него могло потребоваться посетить тот или иной храм Мари или даже храмы в других городах царства, чтобы руководить церемонией или совершать определенные ритуалы. Это могло включать в себя такие действия, как принесение в жертву овцы, отчет богам о состоянии дел в государстве, получение одобрения богов или просто выражение почтения идолам. (Говоря о богах, мы включаем сюда и богинь.) Царю, безусловно, приходилось присутствовать на определенных пирах богов и, возможно, на их ежедневном приеме пищи. Здесь мы используем слова «пир» и «прием пищи» не метафорически, - это были настоящие приемы пищи с настоящей едой, которая в больших количествах ставилась на столы перед изображениями богов. Кто на

самом деле ел эту пищу, мы можем только догадываться, но, без сомнения, жрецы и их семьи жили хорошо.

В более поздний период боги питались четыре раза в день: два раза основательно и два раза перекусывали, и разумно допустить, что так оно и было уже в тот период, который мы рассматриваем. Что же делали смертные во дворце? В этом мы не уверены, но нам точно известно, что один раз в день проходил официальный обед. Царь принимал в нем участие в компании заезжих сановников и некоторых своих собственных чиновников, и число обедающих за царским столом могло быть любым, от дюжины до сотни человек. Допускались ли на обед придворные дамы, не совсем ясно, но кажется вероятным, что они обедали отдельно. На эту мысль наводит сохранившийся перечень продуктов питания для «храмовых проституток, женщин гарема, певиц».

Рис. 21. Богиня из Мари

За обедом высокопоставленные гости были в специальных одеждах, подаренных им их царственным хозяином. Это было то, что на современном языке мы могли бы назвать «знак статуса», и среди тех, кому не оказали такой чести, возникало недовольство. В настоящее время наши сведения о том, что ели гости на царском обеде, явно односторонни. Во дворце были найдены перечни продуктов питания для царских обедов, и, так как они не содержат мясных блюд, можно было бы поспешно заключить, что весь двор состоял из вегетарианцев. Но на самом деле мы знаем, что говядину и баранину ели люди, которые могли их себе позволить. Вероятно, причина, по которой нет упоминаний о мясе, состоит в том, что во дворце был отдельный мясной отдел, у которого были свои списки, но их еще надо найти. Рыбу тоже ели, и некоторые виды рыбы пользовались особым спросом. Среди других продуктов мы узнаем о существовании четырех видов «хлеба», из которых самым распространенным был пресный хлеб в виде тонких хрустящих лепешек, ис-

печенных из непросеянной ячменной муки. Второй вид хлеба специально назван «дрожжевой хлеб», тогда как два других вида, вероятно, были похожи на то, что мы назвали бы кондитерскими изделиями, так как в них входили такие ингредиенты, как кунжутное масло и нечто, называемое «мед». Сомнение относительно последнего термина возникает оттого, что это же самое слово на аккадском языке иногда обозначает мед диких пчел, а иногда финиковый сироп. Из овощей, широко распространенных в это время, упоминаются огурцы, горох, бобы, растения, похожие на кресс-салат и чеснок. Встречался вид трюфелей, который считался большим деликатесом, и мы встречаем упоминание о корзинах трюфелей, которые были посланы царю. Самым распространенным фруктом был, конечно, финик, но часто упоминаются также виноград и инжир.

Что же касается напитков, то имелось и пиво, и вино (рис. 22). Пиво производили в самой стране, а вино нужно было ввозить из царств, расположенных на севере и северо-востоке. Правители некоторых царств очень гордились своими выдержанными винами.

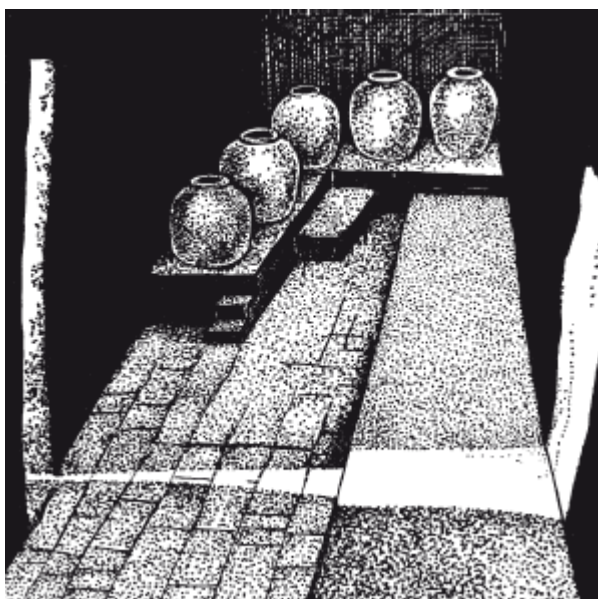

Рис. 22. Винный погреб

По особым случаям устраивались придворные увеселения, на которых, без сомнения, ведущее место занимали слушание музыки и чрезмерные возлияния. Музыка исполняли специально обученные рабыни. Вероятно также, что поэты и певцы декламировали традиционные рассказы назидательного или развлекательного характера, такие, как басни, в которых финиковая пальма и тамариск или лиса и собака спорят о своих достоинствах. До нас дошли несколько сочинений, которые, вероятно, с этой целью были положены на музыку.

Теперь пора перейти от отдыха Ясмах-Адада к серьезным делам в его жизни. (Все последующие примеры царских обязанностей взяты из документов обсуждаемого периода, но некоторые из них на самом деле связаны с другими правителями, а не с Ясмах-Ададом.) Его личные обязанности были значительными и охватывали поразительно широкий круг вопросов. Чиновники и частные лица постоянно направляли царю различные дела для принятия решения. Например, корабль потерпел крушение на Евфрате, и зерно, которое он вез для дворцовых нужд, нужно было вытащить на берег. Как поступить с зерном и командой? Бык, предназначенный для дворца, стал таким жирным и тяжелым, что не мог стоять, и тем более его нельзя было пригнать в Мари. Чиновник стряхнул эту проблему со своих плеч и переложил ее решение на царя: «Пусть мой господин пришлет указания на этот счет». Другой человек написал царю, что колесница, которую дал ему царь, сломалась во время его поездок; не может ли автор письма получить замену? Царю сообщали, что стена в каком-то городе обваливается, а каменщика для ее починки нет; не может ли

царь либо прислать каменщика для починки стены, либо врача, если произойдет несчастный случай. Был пойман лев, и, хотя никаких указаний от царя получено не было, его отправили в столицу на корабле из боязни, что он убежит. Умер дворцовый чиновник и оставил сиротой сына без средств к существованию; не будет ли царь так милостив, чтобы распорядиться на этот счет. Жена то ли сбежала от мужа, то ли была похищена и увезена в другую страну; не походитайствует ли царь перед зарубежным правителем насчет ее возвращения?

Другие проблемы, решение которых могло возлагаться на царя, носили религиозный характер. Так, один чиновник посылает сообщение от бога Дагана, который уже стал проявлять нетерпение оттого, что ему уже не первый раз не уделяют должного внимания: «Даган направил мне такое послание: «Пошли к своему господину, и в будущем месяце 14-го числа пусть будет совершено жертвоприношение». Царю также постоянно приходилось учитывать знамения, о которых ему сообщали. Религиозные деятели играли очень важную роль в любом городе или районе, и среди них прорицатели (то есть жрецы, которые избрали себе занятие предсказывать будущее в вопросах, касающихся интересов государства) считались почти незаменимыми. Действительно, в одном из своих писем брат Ясмах-Адада подчеркивает, что «не может существовать *patum* [отдельный административный район] без прорицателя». Процедура гадания, как правило, состояла в том, чтобы посвятить богу и принести в жертву овцу, а затем изучить ее печень и легкие. Полагали, что боги напишут свои намерения на органах овцы знаками, которые могут быть истолкованы посвященными людьми (рис. 23). О полученных таким образом знамениях должным порядком докладывали царю и, очевидно, принимали их всерьез. Некто пишет: «В городе Сагаратуме во время ежемесячного жертвоприношения и жертвоприношения моего господина я изучил знамения. Левая сторона «пальца» [выступающий кусочек органа] была расщеплена, средний «палец» легких остался слева. Это знак славы. Пусть мой господин будет счастливым».

Рис. 23. Глиняная модель внутреннего органа овцы

Знамения нужно было искать, прежде чем правитель или высокопоставленный чиновник отправится в поездку; прорицатели были также на службе в армии. Даже тактику воинских подразделений могли решать, опираясь на то, как прорицатели истолковали знамения. У нас имеется письмо, в котором в связи с распоряжениями по расположению войск особенно подчеркивается: «Пусть прорицатели взвесят знамения и решат, и, в зависимости от появления благоприятных знаков, 150 воинов уйдут или 150 воинов придут». Но

несмотря на то значение, которое придавали знаменьям, цари иногда были достаточно разумны или (с точки зрения прорицателей) настолько глупы, чтобы не обращать на них никакого внимания и полагаться на свое собственное суждение. Мы видим, что такая возможность признается чиновником, который, докладывая о предзнаменованиях, сообщил царю, что они не были благоприятны для некоего военного похода, и умолял царя обратиться на них серьезное внимание. Тем не менее, он допускал, что царь может поступить, как он сам того захочет, и выразил свое желание сделать со своей стороны все, какое бы решение ни было принято. Такая независимость мысли, однако, не приветствовалась, и существовали предостерегающие сказки в виде легенд о несчастливой судьбе царей в старину, таких, как Нарам-Суэн из Аккаде, который был настолько глуп, что действовал вопреки знаменьям.

Одной из самых больших забот царя, вероятно, было руководство его военачальниками и тем, что мы могли бы назвать государственной службой. Необходимо было иметь чиновников, чтобы управлять различными городами и районами, надзирать за сбором налогов (главным образом, натурой), регулировать орошение и поддерживать порядок; чиновники также были нужны и в армии. При отсутствии валюты, выпускаемой государством, не существовало никакого другого способа платить таким чиновникам, за исключением дарения им земельных владений. Таким образом, царю Мари приходилось делать распоряжения относительно этого. Способ, при помощи которого происходило такое распределение поместий, нередко становился причиной жалоб, и мы часто находим прошения к царям от тех, кто считал, что их несправедливо обошли в этом смысле. Типичная жалоба от раздосадованного военачальника выглядела так: «Ни зерна, ни поля не было мне назначено... Я не могу обрабатывать поле, я не могу питаться вместе с простыми воинами крепости. Я голодаю. Пусть мой господин назначит мне «что-нибудь»».

Формально задачей царя было назначать правителей городов, но на практике горожане могли сами выдвинуть своих кандидатов, и эти кандидатуры вполне могли быть приняты, особенно если это сопровождалось значительным подарком. Такую ситуацию мы находим в следующем письме:

«Своему господину Ясмах-Ададу так говорит Тарим-Шаким [высокопоставленный государственный чиновник]: «Баккум, человек [то есть правитель] города Тизраха отправился навстречу своей судьбе [то есть умер]. И вот граждане Тизраха пришли и говорят: «Пусть Кали-Ил «служит» посредником «над» нами». Более того, он доставил во дворец одну мину серебра в благодарность за то, что он будет назначен. Поэтому сейчас я посылаю Кали-Ила к моему господину. Пусть мой господин назначит его править Тизрахом и пусть примет от него одну мину серебра как должное».

Еще одной из многих формальных обязанностей царя было регулирование календаря. В течение всей истории Месопотамии используемый тогда календарь основывался на годе, состоявшем из двенадцати лунных месяцев. Так как средний интервал от одного новолуния до другого составляет двадцать девять с половиной дней, двенадцать лунных месяцев составляют 354 дня, что на одиннадцать с четвертью дней короче солнечного года. Таким образом, после трех лет лунный календарь будет на тридцать три и три четверти дня отставать от солнечного года, и понадобится «вставить в календарь» дополнительный месяц, чтобы более или менее выровнять его. Обязанностью царя было принимать подобные меры, хотя, разумеется, он не вычислял это лично, а его консультировали его астрономы.

Вероятно, самая тяжелая часть обязанностей царя была связана с его отношениями с зарубежными правителями, с разнообразными вопросами, начиная от побега жены от мужа и кончая войной. При дворе Ясмах-Адада всегда находились иноземные послы, а у него самого были послы при дворах других правителей. Некоторые из этих официальных лиц могли быть более или менее постоянными его представителями при каком-то дворе, тогда как другие были специальными посланниками, которым было доверено ведение переговоров по отдельным вопросам и которые переезжали от одного двора к другому, как того требовали обстоятельства. Естественно, у нас нет никаких записей о том, какие дела устно

обсуждались между послами и царем; нашими источниками являются исключительно письменные документы, привезенные посланниками.

Отношения между дружественными правителями в основном сводились либо к торговле, либо к военной помощи. Цари оказывали друг другу военную помощь не только посредством прямого альянса, но также и в небольших военных операциях, одалживая друг другу войска. Такие одолжения предназначались только для ограниченных действий в какой-то конкретной экстренной ситуации, а так как в таких случаях тот, кто одалживает, и тот, кто берет в долг, склонны расходиться во взглядах на то, когда эта экстренная ситуация завершилась, то это часто вело к трениям. Так, мы находим следующие жалобы от правителя, который таким образом одолжил союзнику свои войска: «Раз бог уничтожил врага и настали холодные дни, почему ты удерживаешь слуг твоего брата?» Зима явно считалась сезоном, завершающим военные действия.

Цари в этот период часто посылали друг другу подарки, иногда в качестве искренних даров с целью установить или сохранить дружеские отношения. Так, мы видим, что царь Кархемиша посылает царю Мари в подарок вино. Царь Кархемиша очень гордился своим вином, и мы видим, что он пишет по другому поводу: «Если у тебя не будет хорошего вина... чтобы выпить, дай мне знать, и я пришлю тебе хорошее вино». В других случаях подарок был завуалированной формой торговли, так как в обмен ожидался ответный подарок. Если один из царей был скупым, то это, вполне вероятно, приводило к разочарованию. Так, мы видим, что один раздосадованный правитель, царь небольшого сирийского государства Катна, однажды решил, что совершил плохую сделку, и написал Ишме-Дагану, брату Ясмах-Адада, в связи с этим следующее:

«Об этом невозможно говорить! Но все же я должен высказать это, чтобы я мог облегчить свое сердце [почти «чтобы снять это со своей груди»]. Ты пожелал получить от меня - по твоей просьбе - двух коней, и я приказал послать их тебе. А ты теперь прислал мне двадцать мин свинца... Цена коня здесь у нас... 600 «сиклей» серебра [то есть десять мин серебра]. Но ты прислал мне всего лишь двадцать мин свинца».

Так как цена на свинец составляла всего лишь одну четырнадцатую от цены серебра, то для жалобы царя Катны были некоторые основания.

Купцы были важными членами общества, и царю в этот период иногда приходилось рассматривать их дела с иноземным правителем, чтобы защитить их интересы. Например, мы видим, что Ясмах-Адад пишет великому Хаммурапи в Вавилон о трудностях, которые постигли один из торговых караванов из Мари. Во что он пишет:

«К Хаммурапи обращаюсь я, Ясмах-Адад. Ранее твой брат [то есть автор этого письма, сам Ясмах-Адад] послал караван в город Тильмун. [Тильмун располагался далеко на юге Вавилонии, так что такому каравану пришлось бы пройти через территорию, подвластную Хаммурапи.] В положенное время этот караван пошел в обратный путь. Его задержал Или-Эбух [какой-то чиновник Хаммурапи] в «связи с претензией по поводу колодца... Они благополучно привели этот караван к тебе в Вавилон...»

После этого Ясмах-Адад пишет, как он хотел бы, чтобы поступили с караваном.

Крестьяне так же, как и купцы, могли нуждаться во внимании царя. В такой стране, как Мари, где дождей было мало, пастбищ в отдельных районах часто не хватало, и царю приходилось распоряжаться относительно выпаса больших стад овец, принадлежащих ему или различным городам или храмам. Иногда, когда все складывалось особенно плохо, это могло привести к тому, что с соседним правителем приходилось договариваться о том, чтобы тот разрешил стадам пересечь его территорию на пути к лучшим пастбищам. Даже прямые военные действия иногда были связаны с сельским хозяйством, так как были времена, когда приходилось принимать меры к тому, чтобы предотвращать налеты на возделанные земли со стороны кочевых народов из пустыни.

Царь был последней инстанцией, отвечающей за безопасность страны в целом, так что, само собой разумеется, все чисто военные вопросы его государства находились под его прямым контролем. Обязанности царя в этой области конечно же включали в себя приня-

тие мер против вторжения возможных врагов извне, а также поддержание гражданского порядка внутри государства. Для этих целей существовала постоянная армия из приблизительно 10 тысяч человек, поделенная на основные подразделения по 200 человек в каждом. Большая часть этой постоянной армии, около 4 тысяч воинов, обычно составляла столичный гарнизон. В случае большой тревоги постоянную армию можно было увеличить за счет набора рекрутов из племен или из числа горожан. Как часто бывает, воинская повинность такого рода не всегда пользовалась большой популярностью, и иногда приходилось применять энергичные меры убеждения. Мы находим один из самых сильнодействующих методов, который был предложен неким чиновником, писавшим царю, когда мужчины определенного района были призваны на военную службу, но не очень торопились с явкой. Чиновник, отвечавший за это дело, написал: «Если царь одобряет, то пусть убьют одного из виновных и отрубят ему голову, и пусть ездят с ней по тем городам... чтобы люди испугались, и тогда они быстро соберутся». Но рекруты не всегда собирались с такой неохотой. В другом письме чиновник, сообщая, что прибыли две группы рекрутов, написал, что среди них нет больных и вообще все в порядке. Действительно, как выразился чиновник: «В этом походе... не было никаких забот или чего-нибудь в этом роде, только смех и песни, как будто они находятся дома. Их боевой дух высок».

К царю поступали самые разнообразные подробности, имеющие отношение к вооруженным силам, не только доклады по таким широким вопросам, как реальные боевые действия с врагом, но даже такие дела, как попытка убийства одного военачальника другим. Он также, разумеется, получал донесения разведки о передвижениях войск в соседних государствах. Вот пример такого донесения:

«К своему господину Ясмах-Ададу обращается Варад-Син: «В месяц Тамхири, двадцать первого числа, вечером, пришло донесение из города Яндиха, в котором говорилось: «Войска человека [то есть правителя] Эш-нунны собираются в городе Манкисме».

И хотя речь здесь идет о серьезных вещах, такое донесение ни в коем случае не подразумевает, что война была неизбежна, так как трения между государствами чаще всего сглаживались посредством дипломатических обменов. Чаще всего армию использовали не в войне между государствами, а в акциях, направленных против набегов полукочевых племен, которые по-прежнему бродили по пустыне на окраинах заселенных земель. В качестве защиты от таких набегов в пунктах вдоль границы и в стратегически важных по расположению городах оставлялись военные гарнизоны. Чтобы поднять общую тревогу в случае серьезного нападения в любом пункте, существовала специальная система. Она состояла из цепочки сигнальных костров, находящихся на определенном расстоянии один от другого на территории страны, посредством которых в экстренном случае из места возникновения опасности можно было бы быстро послать сигнал в столицу.

Пока мы рассматривали только ту часть жизни Мари, которая была связана главным образом с царем. Возможно, будет полезно дополнить эту картину тем, что нам известно о других сторонах жизни того времени.

У нас очень мало сведений обо всем населении Мари, но вряд ли оно составляло больше чем 100 тысяч человек, а возможно, и значительно меньше. Хорошо известно, что в Вавилоне в это время существовало довольно отчетливое деление населения на три класса: авилун, или полноправные горожане, мушкенум, или граждане второго сорта, и рабы, которые вовсе не были гражданами, а были невольниками. Но неясно, насколько эта система была отражена в обществе Мари. Безусловно, в Мари были рабы, и, безусловно, в Мари были знатные семьи, которые, видимо, занимали привилегированное положение, но в целом разделение между полноправными и неполноправными гражданами, видимо, было не так заметно, как в Вавилоне. В состав населения страны конечно же входили различные люди, начиная от членов древних семей, которые жили в Мари со времен шумеров, до недавних переселенцев из пустыни. Но отражались ли вообще такие различия в происхождении на различиях в статусе, - это нам неизвестно.

Государство Мари в целом основывалось преимущественно на сельском хозяйстве, но в городах имелись некоторые производства, особенно в самой столице, где существовала большая специализация. Помимо всего прочего, столица славилась превосходным качеством изготавливаемых здесь колесниц. В списках населения и других документах значатся люди по своим занятиям, и мы видим людей, названных лодочниками, плотниками, кожевенниками, рыбаками, гончарами или каменщиками. Среди других профессий и ремесел, известных в это время, есть механики, ткачи, сукновалы, резчики драгоценных камней, ювелиры, художники и парфюмеры. Анализ этих списков указывает на то, что приблизительно одна пятая населения состояла из ремесленников, а оставшаяся часть (разумеется, помимо чиновников) представляла собой неквалифицированную рабочую силу. Не только взрослые мужчины и женщины, но также и дети обоих полов должны были принимать активное участие в труде всего народа.

Иногда рабочим выдавали плату полностью в виде определенного количества зерна, шерсти, одежды, вина или масла, то есть предметов первой необходимости. В качестве альтернативы им могли заплатить полностью или частично серебром, хотя конечно же не в виде монет, которые появились не раньше чем спустя тысячу лет. Там, где плата производилась натурой, реальную величину ежедневной нормы различных товаров иногда можно подсчитать. Так, мы находим, например, «1 гур 15 сила на двух мужчин, которые в течение сорока трех дней жили в доме парфюмера», что составляет приблизительно две с половиной пинты масла в день. Если это кажется чрезмерным, то следует помнить, что растительное масло исполняло функции и пищевых жиров, и сливочного масла, и мыла, и средства для мытья волос.

Одним из производств, развитых в Мари, было производство инструментов, и этот город, должно быть, этим славился, так как сырье для обработки присылали сюда из других мест. Инструменты делались из меди и бронзы. Другие предметы, сделанные из этих металлов в этот период, включали в себя - и это только некоторые из них - мечи, плужные лемехи, части колесниц, кастрюли и сковородки (правда, они были предметами роскоши для богатых людей), браслеты на щиколотку и на запястье, рыболовные крючки, иглы, зеркала, жаровни, щипцы и ножи. Драгоценные металлы, золото и серебро, были известны давно, но они были слишком мягки для чего-либо, кроме украшений или драгоценных сосудов, которые обычно предназначались для храмов или для царя. Золото в это время ценилось в четыре раза дороже, чем серебро. Другим металлом, который был в ходу в это время и центром распределения которого служил Мари, было либо олово, либо свинец, который на аккадском языке назывался аннакум. Иногда упоминается железо, и оно было даже найдено при раскопках, но в очень небольших количествах. Оно, возможно, использовалось для ювелирных украшений или, что более вероятно, в качестве амулетов с магическими свойствами. Успехи в области технологий, которые сделали возможным широкомасштабное производство железа хорошего качества, еще не были достигнуты. То, что железо было редкостью, подтверждает тот факт, что ценность этого металла была все еще вдвое выше золота, что явствует из текста того времени.

Главный центр одного важного производства в царстве Мари был расположен не в столице. Это было производство битума из знаменитого битумного озера рядом с Хитом, в южной оконечности царства. Это вещество производилось в жидком и твердом виде; получалось что-то вроде смолы и дегтя. Во всей Вавилонии оно играло важную роль в качестве строительного материала: его использовали в качестве гидроизоляции, строительного раствора и (в смеси с известковой мукой или схожими с ней материалами) для покрытия полов или мостовых.

За пределами городов подавляющее большинство населения было занято крестьянским трудом: либо обработкой земли, либо выращиванием стад овец или коз. Вдоль среднего течения Евфрата возделывание большинства культур невозможно без орошения, так что ирригационная система была, наверное, самой важной частью экономики царства Мари. Это все прекрасно понимали, и мы видим, что некий губернатор специально указывает ца-

рю, что «если течение вод прервать, то земля моего господина будет голодать». Тот же самый чиновник даже не постеснялся отказаться откликнуться на призывы царя явиться в столицу под предлогом того, что он нужен для надзора за ирригационными работами.

Все указывает на то, что орошаемый регион простирался на глубину трех-четырёх миль вдоль правого (южного) берега Евфрата почти на все двести миль царства Мари. Существовала целая сеть каналов, за которыми надзирали специальные чиновники, и в случае необходимости всех трудоспособных мужчин района, горожан наряду с селянами, могли призвать для работы на них: или чистить каналы от тростника и водорослей, или копать те участки, где собрался ил, или возводить или укреплять берега от наводнений.

Основными зерновыми культурами царства Мари были ячмень и кунжут. Особенности сельскохозяйственных работ зависели от типа почвы, особенно от того, была ли это целина или поле, но вообще работа начиналась в июле или августе и включала в себя две или три основные стадии. Первая стадия представляла собой глубокую вспашку, если это считалось необходимым. Затем шло боронование или какой-нибудь другой цикл работ (такой, как укатывание или рыхление), чтобы разбить комки на поверхности земли; могло потребоваться неоднократное проведение таких работ. Наконец самое позднее к декабрю наступала пора сева. Он проводился при помощи плуга-сеялки, специального приспособления с воронкой, которая позволяла ронять семена прямо в борозду в процессе вспашки (рис. 24).

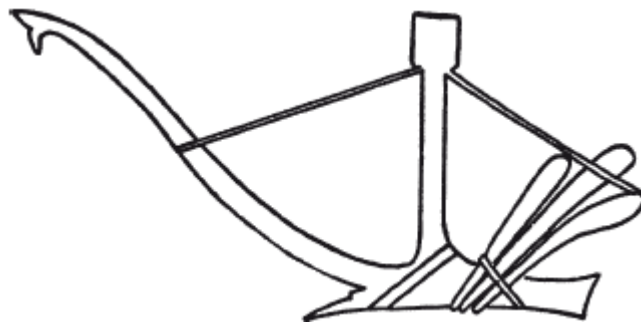

Рис. 24. Плуг-сеялка. Ассирия, 1-е тысячелетие до н. э.

Рис. 25. Тяжелая шумерская колесница, запряженная ослами

Количество осадков в Мари менее шести дюймов в год. Они выпадают в основном в декабре и феврале. Этого достаточно, чтобы заставить семена дать ростки, но орошение было жизненно важно, чтобы урожай продолжал расти. Ячмень был готов к уборке в мае, и тогда призывали на помощь все имеющиеся в наличии рабочие руки, включая детские.

Плуги, о которых шла речь выше, в этот период тянули быки, которые играли большую роль в качестве тягловых животных, нежели в качестве пищи, хотя и в пищу их употребляли. Именно быки (а не ослы, как принято думать) тащили повозки, находящиеся в царских гробницах Ура (2600 г. до н. э.). Коров доили, хотя в этом отношении они были не так важны, как козы.

Другим основным вьючным животным в это время был осел, который обычно нес свой груз в виде тюка, хотя его могли использовать и для того, чтобы везти повозку, и в качестве животного для езды верхом. Лошадь к этому времени, хотя и появилась уже на Ближнем Востоке из более отдаленных северных регионов, была все еще чем-то вроде новшества, и люди со старомодными взглядами считали, что царю не подобает показываться на людях верхом на лошади.

Животным, которое играло самую важную роль в экономике царства Мари (да и во всей Вавилонии), была, однако, овца, а уже вслед за ней шла коза. Овцы и козы, при условии, что их пастухам удавалось спасать их от угона во время набегов кочевников, могли как тогда, так и теперь прокормиться на клочках растительности, разбросанных по пустыне. Хотя когда ее не хватало, что иногда и случалось, правительство могло предпринимать специальные меры для поисков пастбищ где-то в других местах или для обеспечения скота кормом. Овцы и козы являлись главным источником мяса, а также сырья для изготовления одежды и тканей. Также разумно предположить, судя по ситуации в других местах на Ближнем Востоке, что их молоко было важным источником пищи, хотя в Мари конкретных доказательств этому нет.

Глава 4

ПИСЕЦ В ВАВИЛОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Нет никаких сомнений в том, что самым важным человеком в древнем обществе Месопотамии был писец. Цари могли простирать свою власть над доселе неведомыми краями, купцы могли организовывать ввоз редких товаров из далеких стран, чиновники, поставленные руководить оросительной системой, могли расставлять рабочих, чтобы найти применение щедрым водам рек, приносящим плодородие почве, но без писца, который все это записал бы, передал бы подробные приказания управляющих, предоставил бы астрономические данные для контроля за календарем, рассчитал бы количество рабочих рук, необходимых для рытья канала, или запасов, требующихся армии, координации и непрерывности всей этой деятельности невозможно было бы достичь. Древняя цивилизация Месопотамии была прежде всего грамотной цивилизацией.

Письменность зародилась, насколько мы это знаем сейчас, в Шумере (самый юг Месопотамии) около 3000 г. до н. э. Самые древние образцы письменности, имеющиеся в нашем распоряжении, представляют собой картинки, нарисованные на кусках глины. Они, по мнению некоторых экспертов, показывают, что знаки развились из изображений, которые изначально были рисунками, и существует возможность того, что была даже еще более ранняя ступень в развитии письменности, никаких прямых следов которой у нас нет. Для письма могли использовать какой-то материал типа пальмовых листьев, который не дошел до нас. Это могло происходить или в самом Шумере, или в каких-нибудь до сих пор неизвестных краях, служивших шумерам родиной.

Мы еще не можем прочесть самые ранние из найденных образцов письменности, и поэтому не можем быть вполне уверены в том, для передачи какого языка они использовались. Однако археологические находки дают веские основания предположить, что это была форма языка, который мы называем шумерским.

Несмотря на трудности, связанные с работой с мертвым языком, который, очевидно, не связан ни с каким другим известным нам языком, за последнее время был достигнут значительный прогресс в понимании шумерского языка. Это был язык того типа, который мы называем «агглютинативным» (что означает «склеивающийся вместе»). Вместо того чтобы изменять окончания слов, как это происходит в большинстве знакомых нам языков, этот язык сохранял корни слов в неизменном виде и, чтобы изменить смысл, «приклеивал» к ним различные частицы. В самой древней письменности просто использовались рисунки для изображения всего, что должно было быть записано. Это было совсем просто, пока хозяин магазина хотел сделать такую запись, как, скажем, «пять свиней», которую можно было изобразить приблизительно так:

Но изобразить рисунками глаголы обычно было труднее. Шумерские изобретатели письменности зачастую преодолевали эту трудность, рисуя какой-нибудь конкретный предмет, передающий смысл глагола. Например, так как нога используется либо для ходьбы, либо для стояния на месте, то рисунок ноги могли использовать для обозначения глагола «ходить» и «стоять».

Изображение головы с выделенным ртом и кусочком хлеба рядом с ним ясно представляло смысл глагола «есть». Птица, сидящая на яйце, была одним из способов изобразить смысл глагола «рождать».

Целым классом слов, которые писцу очень часто приходилось писать с самого начала изобретения письменности, были имена собственные, которые, очевидно, необходимо было вносить в храмовые списки при приеме и при выдаче продукции. Если человек, доставивший свою продукцию на храмовые склады, обладал простым незатейливым именем, которое на шумерском языке составляло короткое предложение, то тогда, возможно, не возникало трудностей, так как элементы его имени можно было написать при помощи обычных шумерских пиктограмм. Однако другие имена, особенно нешумерские, вполне могли не иметь смысла для писца, и поэтому могло оказаться невозможным записать их посредством пиктограмм. Единственным способом для писца обойти эту трудность было разделить такое имя на слоги и изобразить каждый слог в виде шумерской пиктограммы, которая была бы ближе всего по звучанию к этому слогу. Принцип был такой же, как если бы мы взяли, скажем, имя «Digby», которое в современном английском языке не имеет смысла, и изобразили бы его при помощи рисунков, означающих «dig» (копать - *англ.*) и «bee» (пчела - *англ.*). Такое средство было гораздо легче широко применять в шумерском языке, нежели это можно было бы делать в английском, так как большинство слов шумерского языка состояли из одного-единственного слога.

Значок шумерской письменности, используемый таким образом с учетом только его звуковой оболочки безотносительно предмета, который он первоначально изображал, известен нам как «силлабограмма». Один и тот же значок мог, конечно, быть пиктограммой или силлабограммой в зависимости от того, как его использовали. На самом деле шумерские писцы очень быстро упростили формы своих изначальных пиктограмм, так что вскоре в большинстве из них уже нельзя было узнать рисунки (рис. 26).

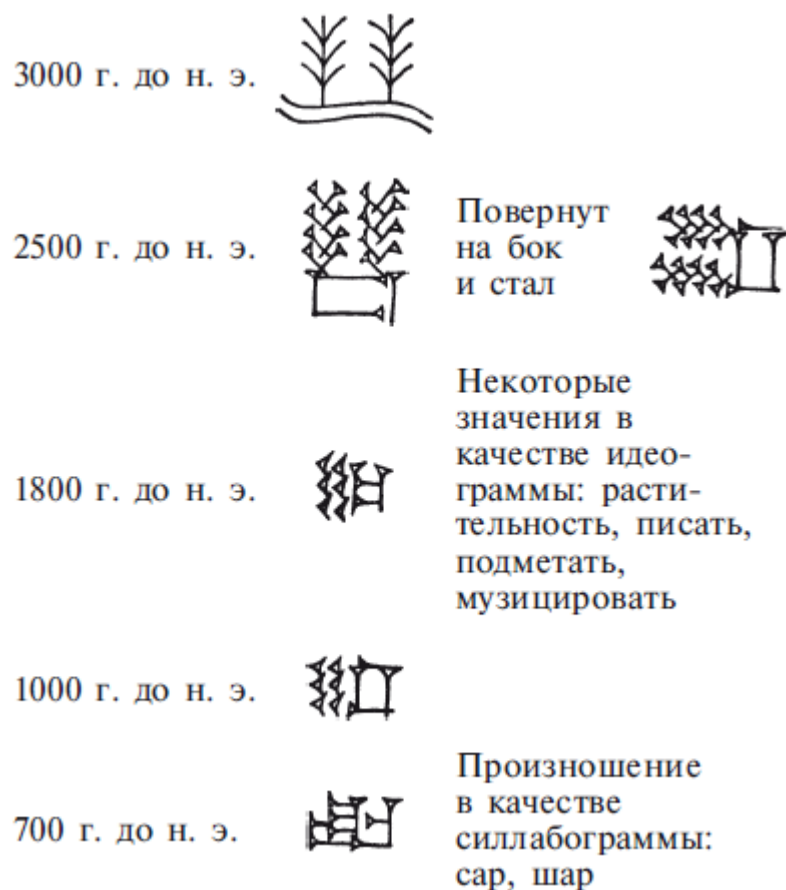

Рис. 26. Развитие идеограммы

На этой стадии слово «пиктограмма» уже больше не подходит, так что вместо этого используется термин «идеограмма» или «логограмма». Но принцип остается, и один и тот же символ мог быть и идеограммой, и силлабограммой в соответствии с тем, как его применял писец.

По мере развития идеи использовать письменность для записи более сложных вещей, чем простые списки, система силлабограмм развивалась в том направлении, чтобы с большей точностью отражать другие вещи. Вначале написанное предложение было всего лишь очень грубым вариантом, приблизительно соответствующим сказанному предложению, так как невозможно было отразить все мелкие элементы речи с такими значениями, как «к», «с», «от», «из» и так далее. К примеру, идеограмма слова «царь» произносилась как «лугала» (или, возможно, просто «лугаль»), и в реальной шумерской речи слова «царя» и «к царю» произносились бы соответственно как «лугал-ак» и «лугала-ра» (или как-нибудь очень близко к этим формам). В самой древней письменности эти суффиксы были бы опущены, и, если писец хотел написать «царя», «к царю» или любую из других упомянутых форм, он просто написал бы идеограмму «лугала» и предоставил бы читателю этого документа решать по общему содержанию, какую форму слова он имел в виду. (Из нашей практики пропускать соответствующие слова в телеграммах мы знаем, что это не делает написанное непонятным, хотя, безусловно, ограничивает его возможности.) Пока на шумерском языке писали только простые вещи, первоначальная система не вызывала трудностей, но, как только делались попытки записать что-то более сложное, могла возникнуть неясность. Шумеры, которые уже изобрели концепцию силлабограммы в связи с именами собственными, преодолели это затруднение, применяя тот же самый принцип. Давайте предположим, что шумерский писец хотел изобразить, избегая возможной двусмысленности, слова «к царю», то есть «лугала-ра». Еще не существовало символа для слога «ра» в значении «к», зато существовал глагол «ра», означавший «ударить», у которого имелась идеограмма. Используя идеограмму «ра - ударять», но не обращая внимания на ее

первоначальное значение и думая только о ее звуковой оболочке, писец мог легко изобразить «лугала-ра», то есть «к царю». (Как только такая система прочно вошла в практику, слова «лугала-ра» уже нельзя было спутать с предложением, означающим «царь ударил», так как в живой шумерской речи последнее имело бы несколько других элементов, которые пришлось бы записать, если бы имелось в виду такое предложение.)

В конце концов, самым важным последствием использования силлабограмм была предоставляемая ими возможность точно изображать на письме языки, отличные от шумерского. Главным языком, о котором здесь идет речь, был семитский язык, который мы называем аккадским. К 2500 г. до н. э. в Месопотамии было уже много семитов, и было очень кстати иметь возможность отражать в письменном виде язык этого народа. Для простых или обычных высказываний идеографическое письмо подходило и для аккадского, и для шумерского языков. Чисто идеографическое письмо могло, однако, быть очень двусмысленным в более сложных высказываниях на аккадском языке, и поэтому часто слоговое письмо оказывалось жизненно необходимым. Как следствие использования слогового принципа, к 2400 г. до н. э. писали уже на аккадском языке, и его же повсеместно использовали для довольно-таки длинных надписей спустя век. К древневавилонскому периоду (начало 2-го тысячелетия до н. э.) по-аккадски было так удобно писать при помощи слоговой клинописи, что мы находим не только своды законов, деловые документы, литературные произведения и религиозные сочинения, написанные на нем, но и тысячи официальных и личных писем.

Письменность зародилась как средство записи экономических данных (для приема и выдачи товаров храмовыми властями), но вскоре она оказалась удобным инструментом для достижения других целей. Подобно тому как многие люди в наше время коллекционируют и классифицируют марки или наклейки со спичечных коробков, шумерские писцы тоже имели страсть к коллекционированию, но они коллекционировали и систематизировали сведения об их собственной цивилизации, особенно о религии, языках и экономике. Студенты учились клинописи, переписывая такие перечни. Уже в начале второй четверти 3-го тысячелетия до н. э. писцы составляли списки имен богов и более мирских вещей, таких, как домашние животные и предметы домашнего обихода. Этот процесс продолжался и развивался, дав в конце концов то, что представляет собой фактически обширные словари шумерского и аккадского языков, которые, как оказалось, представляют собой огромную ценность для современных ассириологов для понимания этих языков.

Может показаться странным, но писцы начали более или менее широко применять письменность в области, которую мы бы назвали «литературой», лишь по прошествии тысячи лет после изобретения письменности. Но это не так странно, как кажется на первый взгляд. Древняя литература представляла собой произведения, которые нужно было декламировать и слушать, а не читать молча. Сравнение с музыкой может сделать понятным такое отношение к литературе в древности. Музыку можно перевести в партитуру, которую может прочесть любой, имеющий соответствующую подготовку; но большинство из нас согласилось бы с тем, что нельзя сказать, что музыкальное произведение состоялось, пока его не сыграет исполнитель. То же самое отношение было у древних людей и к литературе: она только тогда начинала реально существовать, когда ее декламировали перед аудиторией (возможно, в сопровождении мимического представления). Пока шумерская культура жила полной жизнью, ее литературные произведения устно передавались от умелого чтеца (возможно, подвизавшегося при дворе или храме) к его ученикам; не было нужды записывать такие сочинения.

Однако сразу после 2000 г. до н. э. литературные сочинения на шумерском языке вдруг стали появляться в больших количествах, так что в настоящее время известны около пяти тысяч шумерских «литературных» табличек или их фрагментов. Наши знания о шумерской литературе зависят почти полностью от продукции этого периода. Причиной изменения ситуации является в основном то, что шумерский язык быстро стал выходить из употребления. В результате литературные произведения больше не могли передаваться устно,

как раньше, и могли быть надежно сохранены только в письменном виде. Тенденция записывать тексты усиливалась необходимостью того, чтобы ученики специально изучали язык, который был жизненно важен для их культурных традиций, но который уже не выучивали, сидя на коленях матери, и не применяли автоматически в повседневной жизни.

С целью обучения писцов шумерскому языку появились школы. Вероятно, своего рода школы существовали и в 3-м тысячелетии до н. э., так как среди некоторых из самых первых найденных образцов письменности имеются перечни символов, которые, очевидно, были написаны для отработки практики их написания. Но самая обширная информация о школах писцов, полученная нами, датируется только первой четвертью 2-го тысячелетия до н. э. Эта информация доходит до нас в виде текстов, написанных на шумерском языке людьми, обучавшимися в этих самых школах, и они дают нам подробные сведения о том, что в них происходило. В работе над восстановлением и переводом этих текстов ведущую роль сыграли два современных ученых, С.Н. Крамер из Филадельфии и К.Дж. Гэдд из Британского музея и Лондонского университета, и вся последующая информация почти полностью основывается на их исследованиях.

Во-первых, ясно, что на практике образование было доступно не всем, а было в основном привилегией сыновей (а может быть, иногда и дочерей) богатых и влиятельных людей, которые могли позволить себе в течение долгого времени содержать своих детей, которые не занимались производительным трудом. Изучение происхождения нескольких сотен писцов показывает, что они все были сыновьями таких людей, как губернаторы, высокопоставленные государственные чиновники, жрецы или писцы. Иногда ребенку из бедной семьи или сироте могло повезти настолько, что его посылали в школу, если его усыновлял состоятельный человек.

Иногда считают, что школы обязательно были при храмах. Такое вполне могло быть в некоторых местах и в отдельные периоды, но это было явно не так в период сразу после 2000 г. до н. э. Это совершенно ясно, потому что документальные литературные источники этого времени, которые есть в нашем распоряжении, не имеют отношения к храмам. Были найдены здания, которые, по утверждению раскопавших их людей, по своей планировке или наличию поблизости школьных табличек могли быть школьными классами. Самым убедительным образцом такого здания являются две комнаты, заполненные скамейками, которые были найдены в Мари (рис. 27).

Рис. 27. Классная комната в школе

Школу называли «домом табличек». Сейчас мы не знаем, в каком точно возрасте официально начиналось образование. Древняя табличка называет этот возраст «ранней юностью», что, вероятно, означало возраст менее десяти лет, хотя это не совсем ясно. Ученик, по крайней мере в раннем возрасте, приходил сюда на целый день. Он жил дома, вставал с

восходом солнца, брал у своей матери обед и торопился в школу. Если ему случалось опоздать, то получал надлежащую порку; та же самая судьба ожидала его за любой проступок во время школьных занятий или за не сделанные должным образом упражнения. В школе образование состояло в том, чтобы переписывать тексты и, вероятно, заучивать их наизусть. Все это явствует из реального текста того времени. Этот текст начинается с вопроса: «Сын «дома табличек», куда ты ходил?» Ученик отвечает: «Я пошел в «дом табличек»... я прочитал вслух написанное на моей табличке, съел свой обед, приготовил себе «новую» табличку, надписал ее и закончил ее... Когда учеников распустили по домам, я пошел домой. Я вошел в свой дом. Там сидел мой отец... Я прочитал ему текст на своей табличке, и он был доволен...»

Шумерский документ дает нам некоторое представление о персонале школы. Во главе ее стоял начальник, чей титул на шумерском языке означал буквально «знаток» или «отец дома табличек». В помощниках у него был, очевидно, класный руководитель, а также специалисты-предметники, такие, как учитель шумерского языка и учитель математики. Видимо, также существовала система, которую можно было бы назвать системой учеников-учителей или старших учеников, которых называли «Большими Братями». Они отвечали за вколачивание некоторого количества ума и шумерского языка в головы своих младших собратьев. Но к тому времени, когда ученик доучивался до средней школы, он уже начинал постигать азы ремесла писца и не стоял больше с таким благоговейным страхом перед своим «Большим Братом», а начинал демонстрировать свою собственную волю. Один из текстов забавно показывает, как неподчинение подобного рода могло вызвать такой переполох, что, в конце концов, понадобилась тяжелая рука начальника школы.

Интересной деталью школьной жизни, которую недавно открыл профессор Крамер, является ежемесячное количество времени, которое для учеников было не учебным. В табличке, найденной в городе Уре, ученик пишет: «Подсчет времени, которое я ежемесячно провожу в «доме табличек», таков: у меня три свободных дня в месяц, праздники составляют три дня в месяц. Двадцать четыре дня каждого месяца я живу в «доме табличек». Это долгие дни».

Школьная программа была длинной и жесткой. Она начиналась, как мы уже видели, в «ранней юности» (в восемь или девять лет?) и продолжалась до зрелости. Первым делом ученику нужно было стать знатоком шумерского языка. Это включало в себя переписывание и запоминание длинных списков имен, специальных терминов, юридических оборотов и так далее, количество которых за 3-е тысячелетие до н. э. выросло. Также имелись тексты, посвященные грамматике шумерского языка, и другие тексты, служившие словарями, - в них давались шумерские слова с их эквивалентами на аккадском языке. Изучение этих текстов также сводилось к переписыванию и запоминанию. Математика составляла важную часть школьной программы, так как писцу нужно было знать, как провести осмотр поля, или вести бухгалтерию, или подсчитать количество кирпичей, необходимых для храма, или запасов для армии.

Существует фрагмент одного текста, который некоторые считают экзаменационной записью какого-то ученика, хотя, к сожалению, состояние его таково, что заставляет сомневаться в его точном смысле. Если же считать его таковым, то, видимо, студента сначала попросили написать упражнение, а затем написать свое имя специальным устаревшим шрифтом, который применялся для надписей, высеченных на камне. Когда это было успешно выполнено, студенту сказали: «Ты писец» - и предостерегли от зазнайства. Очень возможно, что именно такой экзамен нужно было сдать ученику, прежде чем ему позволялось приступить к более продвинутой работе. Ученик, достигший соответствующих успехов в основах своего ремесла и считающийся теперь младшим писцом, мог продолжать учебу, изучая литературные произведения на шумерском языке, и даже мог попытаться написать новые сочинения.

Разумеется, не все писцы получали одинаковую степень грамотности. Некоторые могли только писать контракты или письма, которые обычно составлялись в основном при помо-

щи силлабограмм, и это было сравнительно легко для вавилонянина или ассирийца, научившегося писать клинописью. На другом конце шкалы мастерства писцов находились те, кто мог иметь дело со сложными религиозными текстами; некоторые из таких людей писали тексты, которые из-за чрезмерного использования либо редких идеограмм, либо сложного стиля, либо редких слов до сих пор еще не расшифрованы полностью современными знатоками.

Получив квалификацию, писцы (как класс) имели широкий спектр возможных профессий, которые их дожидались, хотя в жизни выбор, открывающийся перед любым отдельным писцом, был очень ограничен и, вероятно, определялся главным образом связями его семьи. Действительно, считалось, что по решению бога Энлиля каждый человек в выборе профессии должен следовать дорогой своего отца. Вероятно, жрецы всех уровней получали первоначальное образование писца, но при этом отбор для жреческого сана был более жесткий, чем для получения образования писца, и не каждый жреческий сан был доступен для любого писца. Прорицатели, например, должны были иметь хорошее происхождение и хорошие физические данные, как и любой человек, занимавший любую должность в храме, - даже в I-м тысячелетии до н. э. Сломанные зубы, косоглазие, хромота или какой-нибудь другой физический недостаток исключал для человека возможность занимать такие должности.

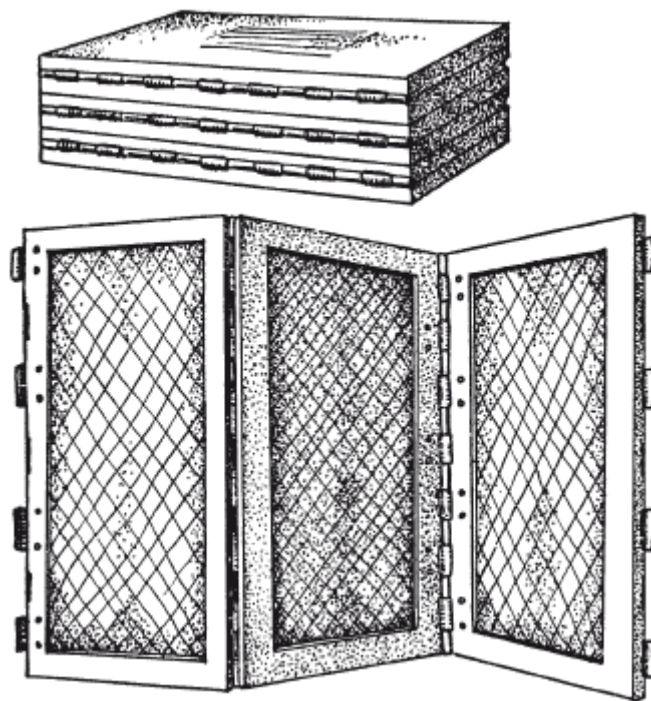

Рис. 28. Ассирийские доски для письма

Среди людей, находившихся на вершине профессии писца, были высокопоставленные жрецы, которые руководили большими храмовыми празднествами: известен ряд ритуалов, которые они использовали в ходе выполнения своих обязанностей, и эти тексты, в основном написанные при помощи идеограмм, служивших для того, чтобы затруднить их понимание любому, кто не был обучен понимать тексты такого рода, обычно содержат в конце запись о том, что только посвященным может быть позволено видеть их.

Так как очень много коммерческих сделок требовали сопровождающего их письменного документа, большинство писцов, вероятно, занимались деятельностью такого рода. Наверное, можно представить, как они сидят на рыночной площади, готовые оказать помощь в любых деловых операциях. Другие находились на государственной или храмовой службе. Любой чиновник с положением, служащий при храме или у царя, имел обычно в своем штате одного или более писцов, которые сопровождали его и были всегда готовы записать

приказ или сделать необходимые подсчеты, оценивая величину налогов, норм выплат и т. д. Вавилонский чиновник без писца находился в таком же затруднительном положении, что и современный бизнесмен, когда заболевает его личный секретарь. В письме, датированном VI в. до н. э., храмовый чиновник пишет из какой-то отдаленной части храмовых поместий в центральную администрацию: «Что касается двухсот нанятых работников, за которых я отвечаю, то хотя я и привез серебро и шерсть (их заработок), я не мог выдать им их без писца. Писец и расчетный список находятся у вас». Так как этот чиновник сумел каким-то образом написать письмо, которое мы процитировали, то приходится делать вывод о том, что либо чиновники иногда сами писали свои письма, либо существовало прямое разделение функций между различными классами писцов, когда писец, занимающийся корреспонденцией, не мог производить вычислений норм выплат работникам, так как за это отвечал другой человек.

Рис. 29. Писцы

Писцы также сопровождали армию в военных походах. Военачальники нуждались в писцах для написания донесений на родину, и у нас имеется много писем, фактически написанных на поле боя, в том числе и одно письмо, в котором так и говорится, что оно написано во время того самого сражения в годы правления Тиглатпаласара III, когда взламывали огромные ворота Вавилона. Писцы также были нужны в армии и в качестве квартирмейстеров для выдачи рационов питания и снаряжения, и в качестве учетчиков для составления списков награбленного добра. На нескольких барельефах писцы изображены записывающими заявления ассирийских воинов об их доблести в сражении и о числе их жертв (рис. 29). Некоторые из этих барельефов создают видимость того, что один из писцов пишет на глиняной табличке, тогда как другой использует какой-то другой материал, то ли пергамент, то ли папирус, в виде свитка. Другое средство для письма, которое иногда применяли для клинописных записей, представляло собой доски из слоновой кости, покрытые воском, достаточно мягким, чтобы на нем оставался след от палочки для письма; несколько таких досок могли быть скреплены вместе при помощи петель.

Другой областью, которая требовала некоторой подготовки писца, была медицина. Врачи должны были быть грамотными, так как существовали сборники документов по медицине, написанных на глиняных табличках, которые, очевидно, служили им учебниками. Копии, дошедшие до нас, в большинстве своем датируются начиная с 1000 г. до н. э., но можно проследить, что они восходят к оригиналам древневавилонского периода (начало 2-го тысячелетия до н. э.). Эти медицинские документы были составлены главным обра-

зом из перечней симптомов и рецептов. Симптомы перечислялись в виде записей типа: «Если у человека боль в животе» (или какой-либо другой части тела), а далее в тексте подробно перечисляются симптомы болезни пациента. Среди них могло быть, например, то, что кожа человека была горячей или холодной на ощупь, что его пульс был быстрым или вены набухшими, что было воспаление или краснота, или у пациента был кашель, или головная боль, или головокружение. Затем следовала запись о соответствующем лечении. Для этого могли использовать различные травы или минералы различными способами. Их могли смешивать с чем-нибудь, вроде пива, а затем глотать, или их применять в виде целительного бальзама, или мази, или даже клизмы.

Подробности хирургических операций, которые умели проводить вавилонские и ассирийские врачи, видимо, никогда не записывались писцами, и нам мало что известно об этом.

Важной частью школьной программы в школах писцов была математика, и в древневавилонский период, в который мы наилучшим образом осведомлены о школах писцов, математика Вавилонии достигла вершины своих успехов, на которую она взлетела вновь не раньше чем по прошествии еще полутора тысячелетий.

Когда только зарождалась письменность, шумеры уже разработали символы для цифр и две системы счисления: одна (десятичная) основывалась на десятке как базовой единице, а другая (шестидесятиричная) основывалась на числе 60. Эти две системы не были взаимоисключающими и обычно использовались вместе, не вызывая никакой путаницы, точно так же, как и мы (англичане. - *Ред.*) наряду с десятичной системой (для денег и линейных измерений) используем систему, основанную на числе 12.

К древневавилонскому периоду имелись следующие символы для обозначения чисел:

В некоторые отрезки времени и в некоторых текстах 60 изображали при помощи значка

. Это, конечно, тот же самый значок, что и для 1, и можно было бы подумать, что это приводило к бесконечной путанице. Сравнение с нашей собственной системой цифр покажет, что это необязательно было так. Наш символ для обозначения «десяти» точно таков, как и наш символ для обозначения «один», а именно «1». Да, если мы хотим обозначить именно десять, то мы ставим после единицы ноль, но символ ноля не встречается ни в одной цифре на «-надцать». Любая из этих цифр представляет собой «1» (стоящую на определенном месте), которая является существенной частью символа для обозначения десяти, а вовсе не «10» целиком. Если бы «0» был необходимой частью символа «десять», то тогда для обозначения «пятнадцати» нам пришлось бы писать 105 (что и делают маленькие дети, прежде чем поймут нашу систему цифр). У нас в числах «пятнадцать» и «пятьдесят один» используются одни и те же символы, но в разном

порядке. Использование соответствующей системы (фактически, предка нашей собственной) спасало вавилонян от путаницы, вызванной наличием значка

для обозначения чисел «один» или «шестьдесят». Условность состояла в том, что значок

означал «шестьдесят плюс десять» (то есть семьдесят), тогда как значок

означал «десять плюс один» (то есть одиннадцать).

«Сто» можно было представить как «шестьдесят плюс сорок», согласно вышеизложенной системе, или написать значок

произносимый как «ме», который является просто формой семитского слова для обозначения «ста». Имелся специальный значок для обозначения «1000» и еще один для обозначения «3600», что представляет собой $60 \cdot 60$ и является, таким образом, высшим элементом шестидесятиричной системы.

Математические методы вавилонян были в основном алгебраическими, и вавилонские математики древневавилонского периода умели вычислять такие значения чисел, как квадратные и кубические корни, таблицы которых были найдены, и решать квадратные уравнения.

Далее приводится пример реальной задачи, написанной на глиняной табличке древневавилонского периода, вместе с решением. Текст гласит:

«Я сложил поверхности двух квадратов: 28;20.

«Сторона одного квадрата равна четверти «стороны» другого квадрата.

Записываем 4 и 1.

Умножаем 4 на 4 = 16.

Умножаем 1 на 1 = 1.

Складываем 1 и 16 = 17.

Величину, обратную 17, решить нельзя. Что я должен поставить к 17 [то есть на что я должен умножить 17], чтобы получить 28;20? 1;40. Это квадрат десяти.

Увеличим 10 в четыре раза и получим 40 - «сторона» одного квадрата.

Увеличим 10 в 1 раз и получим 10 - «сторона» второго квадрата».

Вавилонское решение этой задачи гораздо проще, чем на первый взгляд говорит дословный перевод. Его можно объяснить при помощи современных алгебраических символов, хотя нужно подчеркнуть, что, хотя оно и следует, вероятно, логике мышления вавилонянина, оно не придерживается того способа, каким он его записал.

Число 28;20 записано в шестидесятиричной системе, то есть «20» представляет собой 20 раз по одному, а «28» представляет собой 28 раз по шестьдесят. «Поверхность» квадратов означает их площадь.

Давайте назовем длину стороны большего квадрата «x», длину стороны меньшего квадрата «y». Следовательно, исходя из всех данных, мы имеем уравнения:

$$\begin{aligned}x^2 + y^2 &= 28;20 \\ x &= 4y\end{aligned}$$

Обозначим «y» как ln. Тогда

$$\begin{aligned}
 x &= 4n \\
 x^2 &= 16n^2 \\
 y^2 &= 1n^2 \\
 \therefore x^2 + y^2 &= 17n^2 = 28;20 \\
 \therefore n^2 &= \frac{28;20}{17} = 1;40 \\
 n &= 10 \\
 \therefore x &= 10 \times 4 = 40 \\
 x &= 10 \times 1 = 10
 \end{aligned}$$

Что же касается знания геометрии, то можно сказать, что вавилонские математики знали величину «пи» с большой точностью, принимая ее за $3\frac{1}{8}$. Были найдены клинописные таблички, на которых исчислялись площади геометрических фигур.

Еще одной областью деятельности писца, имевшей отношение к математике, была астрономия. У вавилонян было две причины для того, чтобы обращать особое внимание на движение небесных тел. Одной причиной была необходимость регулировать календарь, чтобы эффективно планировать сельскохозяйственные работы. Другая же представляла собой теорию, согласно которой все события на земле являются либо отражением событий на небе, либо, по крайней мере, имеют прямое к ним отношение. Вавилоняне на самом деле думали, что могут реально видеть, что делают боги на небе. Еще в древнеавилонском периоде мы находим сводки наблюдений за Венерой, охватывающие несколько лет. Затмения Солнца и Луны не могли пройти незамеченными и записывались, по крайней мере с перерывами, с очень давних времен. С середины VIII в. до н. э. (а именно, в 747 г. до н. э., по утверждению греческого астронома девять веков спустя) велось систематические записи затмений, и эти записи, ведшиеся веками, в конце концов дали возможность вычислить перемещение (или видимое перемещение) Солнца, Луны и планет относительно друг друга и в небе вообще. Однако подробности этого слишком сложны и трудны, чтобы обсуждать их здесь.

Из всего наследия писцов, вероятнее всего, найдет отклик в современном человеке литература Древней Месопотамии (слово «литература» употребляется здесь в узком смысле, для обозначения чего-то, что стоит прочесть, а вовсе не того, что оказалось записанным). Многие из нее сохранилось для нас в огромной библиотеке, собранной в Ниневии Ашшур-банапалом и его предшественниками, но и в ряде других мест были найдены значительные произведения как на шумерском, так и на аккадском языках; причем некоторые из этих мест находятся далеко за пределами Древней Вавилонии и Ассирии.

Наиболее известным из этих древних литературных произведений является «Эпос о Гильгамеше», который неоднократно переводился на современные языки. Качество этих переводов неравноценно. О том, кто сочинил это произведение, мы знаем не больше (возможно, за одним исключением), чем мы знаем об авторе любого другого произведения месопотамской литературы. На самом деле существовали по крайней мере четыре или пять более древних шумерских историй о Гильгамеше. В основе шумерских историй лежат отдельные сказания, связанные с различными аспектами преданий о Гильгамеше. Вавилонский поэт слил воедино эти шумерские сочинения и создал трагедию, единую историю, которая неуклонно движется вперед к финальному выводу о том, что людской жребий предопределен богами и человек бессилен сопротивляться порядку, предписанному свыше.

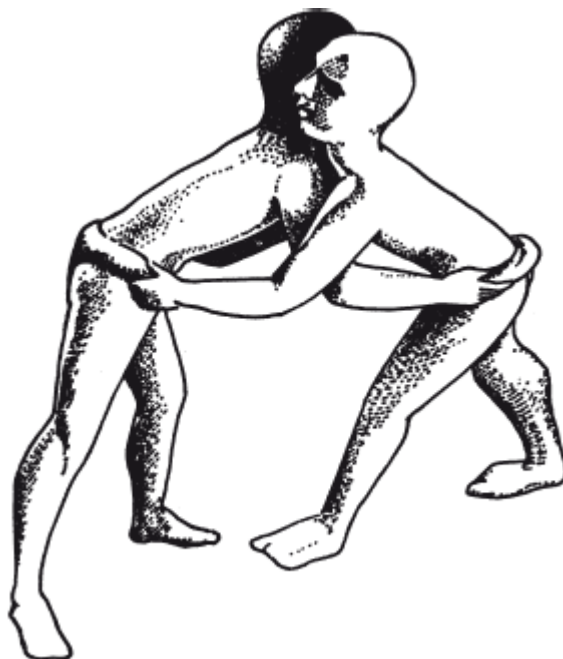

Рис. 30. Борющиеся шумеры

Гильгамеш был царем-жрецом города Урука (библейский Эрех) в раннединастический период (приблизительно 2600 г. до н. э.). Этот период скрыт в волшебном мире легенд, а до него был период богов, так что сам Гильгамеш считался на две трети богом.

Согласно отрывку этой поэмы на хеттском языке, Гильгамеш был великаном: его рост был около шестнадцати футов, и ширина его грудной клетки была пропорциональна росту (рис. 31). В самом начале поэмы Гильгамеша, который деспотически обращается со своими согражданами, сравнивают с диким быком и называют пастухом Урука.

Боги обдумали ситуацию и приказали богине Аруру сделать ему соперника. Она выполнила приказ и создала дикого человека Энкиду, которого поселила в степях, где он жил вместе с дикими зверями. Там его увидел охотник и рассказал своему отцу, что из-за этого страшного существа он не может поймать дичь. Эта история, в конце концов, дошла до Гильгамеша, который решил послать к Энкиду блудницу, чтобы та заманила его в ловушку. Охотник отвел женщину к водопою в степи, где она стала ожидать прихода Энкиду вместе с животными. Когда этот дикий человек пришел, она появилась перед ним. Энкиду влюбился в нее, и они занимались любовью шесть дней и семь ночей. Но когда Энкиду, утолив, наконец, свое желание, захотел опять вернуться к диким животным, они убежали от него. Волей-неволей Энкиду пришлось возвратиться к женщине, которая уговорила его вернуться с ней в Урук. Она описала великолепие городской жизни и вселила в него желание встретиться с Гильгамешем. Тем временем в Уруке бог Солнца наслал на Гильгамеша сон, предсказывающий приход из степей существа, похожего на него, которое должно стать его товарищем. Энкиду пришел в город, бросил Гильгамешу вызов и начал с ним бороться:

Встретились они на широкой дороге -
Энкиду двери преградил ногою,
Гильгамешу войти он не дал.
Схватились они, как быки, сцепились.
Косяк сокрушили, стена содрогнулась.
.....
Преклонил Гильгамеш на землю колена,
Успокоил он гнев, унялося сердце.

Когда унялось его сердце, Энкиду вещает Гильгамешу:

«Над Мутами главою ты высоко вознесся;
Энлилль над людьми судил тебе царство»[1].

И они стали лучшими друзьями.

И вот Гильгамешу пришла в голову мысль пойти в кедровый лес, чтобы убить чудовище Хувава (или Хумбаба), которому бог Энлилль поручил защищать лес от людей. (Говоря экономическими терминами, это можно истолковать как начало широкомасштабной эксплуатации лесов на горах Загрос.) Энкиду попытался отговорить своего друга, но безуспешно, и они оба, вооруженные огромными топорами и мечами, которые ни один обычный человек не мог даже поднять, отправились в путь, испросив должным образом знамений.

Рис. 31. Гильгамеш (?), укрощающий льва

Наконец герои достигли леса, который внушил им благоговейный страх:

Остановились, дивятся лесу;
Кедров высоту они видят,
Леса они видят проходы,
Где Хумбаба, бродя,
Протоптал тропинки.
Дороги прямы, пути удобны.

Гору кедра зрят,
Жилище богов,
Престол Ирнини.

Ночью герои отдохнули, а утром вошли в лес и начали рубить кедры. Это разбудило и рассердило стража Хумбабу, но с помощью своего покровителя бога Солнца Гильгамешу удалось одолеть его.

В этом месте текст прерывается. Он возобновляется в том месте, в котором местом действия вновь является город Урук, где Гильгамеш, отмывшись после своего путешествия, надел свои самые лучшие одежды. Иштар, богиня любви (рис. 32), была покорена видом его мужской красоты и предложила ему себя, пообещав роскошь, богатство и первенство среди правителей. Гильгамеш отверг это предложение, грубо намекнув на судьбу предыдущих любовников Иштар. Отвергнутая богиня в ярости отправилась к своему отцу Ану, самому главному богу, и пожаловалась ему:

Отец, поношенья Гильгамеш учинил мне.

Рис 32. Иштар богиня любви

Посредством угроз она вынудила своего отца создать Небесного Быка, чтобы тот уничтожил Гильгамеша. Но каким бы ужасным этот бык ни был для простых людей, Энкиду перепрыгнул через быка, опираясь на его рога (точно так же, как это часто изображается на произведениях искусства минойской цивилизации), и схватил его за хвост. Смысл этого, очевидно, состоял в том, чтобы заставить быка занять такое положение, чтобы Гильгамеш мог его прикончить. Гильгамешу удалось всадить свой кинжал в верхнюю часть шеи чудовища и убить его. Иштар, наблюдавшая с городских стен, выкрикнула проклятие и собрала всех храмовых женщин, которые начали стенать и плакать. Однако для Гильгамеша и Энкиду это было время триумфа, и они проехали (очевидно, на ослах, так как лошади еще не были известны в Месопотамии) сквозь ряды восхищенных горожан, выстроив-

шихся на улицах Урука. Последовало большое празднество. Но ночью Энкиду увидел сон, в котором боги собрались на совет. Три верховных бога - Ану, Энлиль и Эа - вместе с богом Солнца Шамашем, покровителем Гильгамеша, обсудили положение вещей и, несмотря на противодействие Шамаша, постановили, что за убийство Хумбабы и Небесного Быка Энкиду должен умереть. Энкиду заболел, и, когда его конец стал близок, он пожалел обо всем, что увело его из степей, и призвал проклятия на головы охотника и блудницы. Но бог Солнца указал ему на блага цивилизации, к которой привела его блудница, и Энкиду успокоился и обратил свое проклятие в благословение. Перед смертью Энкиду увидел еще один сон, в котором ему открылась сущность преисподней, места загробной жизни. Во сне, сказал Энкиду, его встретило создание, которое так изменило его, что его руки покрылись перьями, как у птицы. Его проводник привел его к дому мрака, из которого вошедший в него человек никогда не выходит, из которого нет дороги назад. Здесь все люди были как птицы и жили во мраке, а прах и грязь служили им пищей.

Рис. 33. Человек-скорпион

И вот Энкиду умер. Гильгамеш сильно горевал о своем друге и совершил для него все положенные последние обряды. И тогда на Гильгамеша снизошло понимание того, что он тоже должен будет в конце жизни умереть, как и Энкиду. Как и каждый человек, впервые осознающий эту истину, Гильгамеш не мог принять ее и стал искать средство избежать человеческой участи. В те времена еще жил самый первый предок - Утнапиштим, который избежал смерти, и к нему решил пойти Гильгамеш, чтобы узнать его секрет.

Гильгамеш пошел к горам Машу, которые, по мнению шумеров, кольцом опоясывали землю, и достиг одних из многих ворот на краю мира, предназначенных для восхода и захода солнца. Люди-скорпионы (рис. 33), поставленные охранять ворота, признали в нем полубога и позволили Гильгамешу пройти. В течение одиннадцати часов он шел в сплошной темноте, а затем, наконец, занялась заря. Еще через два часа он вышел на дневной солнечный свет и оказался в саду, в котором на деревьях висели драгоценные камни. Здесь он встретил дружелюбно расположенного к нему бога Солнца, который предупредил его, что его поиски будут бесполезными. Но Гильгамеш пошел дальше и некоторое время спустя пришел к женщине по имени Сидури, которая содержала постоянный двор на краю морской пучины. Она тепло приняла его, но предупредила, что никто, кроме бога Солнца, не может пересечь это море. Тем не менее, у Утнапиштива был паромщик Уршанаби, ко-

торый находился в то время поблизости, в лесу, и с его помощью Гильгамеш мог пересечь пучину. Гильгамеш встретился с Уршанаби, который научил Гильгамеша, что надо делать. Нужно было плыть через море при помощи шеста, но его воды были водами смерти, так что ни одна их капля не должна была коснуться Гильгамеша. Поэтому Гильгамешу было велено срубить 120 деревьев и сделать из них шесты. Гильгамеш и Уршанаби сели в лодку, и, когда они достигли опасного места, Уршанаби приказал Гильгамешу отталкиваться шестом, используя каждый шест только один раз, чтобы избежать соприкосновения с водами смерти. Когда был использован последний шест, лодка достигла безопасных вод и предстала перед глазами Утнапиштива, который с удивлением смотрел на нежданного гостя. По приезде Гильгамеш рассказал о себе и о своем желании избежать смерти. В ответ Утнапиштим указал ему на скоротечность человеческой жизни и общественных институтов, но Гильгамеш сказал:

Гляжу на тебя я, Утнапиштим,
Не чуден ты ростом - таков, как и я, ты,
И сам ты не чуден - таков, как и я, ты.

.....
Скажи, как ты, выжив, в собранье богов
Был принят и жизнь обрел в ней?

И тогда Утнапиштим рассказал Гильгамешу историю о Всемирном потопе, в результате которого ему была дарована вечная жизнь. До этого он жил в городе Шуриппаке на реке Евфрат. Боги решили позволить Энлилю уничтожить человечество посредством великого наводнения, но бог Эа открыл этот секрет Утнапиштиву, прошептав его тростниковой хижине, в которой спал герой, и научил его, как сделать корабль. Утнапиштим построил корабль, снабдил его провизией и заполнил его не только экземплярами всех живых существ, как в библейской истории о Ное, но и ремесленниками: шумеры понимали, что без ремесленников цивилизация будет невозможна. Наконец разверзлись небеса, и открылись подземные водные каналы, и случилась великая буря, и вся земля и все, что было на земле, погрузилось в воду и утонуло. Даже боги устремились и перебрались на самое высокое небо. Когда опустошение закончилось, шторм утих, и днище корабля село на гору. Утнапиштим, как и Ной, послал птиц искать твердую землю и, наконец, узнал, что вода спала достаточно, чтобы он мог выпустить на волю свой живой груз и покинуть корабль. Он сам совершил жертвоприношение на горе, и голодные боги, которые уже забыли, как пахнет дымок жертвоприношений, с тех пор как началось наводнение, пришли и столпились вокруг. Энлиль рассердился оттого, что его план всеобщего уничтожения людей не удался. Но богу Эа удалось успокоить разгневанного бога, указав ему, что существуют и другие способы управления людьми, помимо тотального уничтожения. Разве не существуют дикие звери, голод и болезни, чтобы контролировать численность населения? Гнев богов не должен быть неразборчивым, а должен иметь нравственную основу:

На совершившего грех возложи ты,
На виноватого вину возложи ты.

Энлилю эти доводы показались разумными; он ушел на корабль и позвал к себе Утнапиштива и его жену. И тогда, как описал это Утнапиштим,

К нашим лбам прикоснулся, встал между нами,
благословил нас:

«Доселе Утнапиштим был человеком.
Отныне ж Утнапиштим нам, богам, подобен,
Пусть живет Утнапиштим при устье рек, в отдаленье».
Увели меня вдаль, при устье рек поселили.

Утнапиштим стал говорить о том, что никто не сделает этого для Гильгамеша, и бросил ему вызов: пусть он покажет, что может победить свою человеческую слабость хотя бы в таком незначительном деле, как умение побороть сон в течение шести дней и семи ночей. Но, усевшись после своих скитаний, Гильгамеш, усталый, провалился в тяжелый сон. Утнапиштим понял, что Гильгамеш скажет, что это была всего лишь краткая дрема, и поэтому наказал своей жене каждый день печь хлеб и класть его рядом со спящим героем. Так она и сделала, и, когда Гильгамеш проснулся и начал извиняться за свой, как он полагал, короткий сон, Утнапиштим указал ему на горы хлеба. Хлеб лежал на земле и был различной степени свежести, от буханок, еще пекущихся на углях, до хлеба, который уже начал покрываться плесенью, и до высохших корок недельной давности. Гильгамеш был вынужден признать поражение и принять свой жребий смертного человека. Утнапиштим велел перевозчику Уршанаби помыть Гильгамеша и дать ему новую одежду, а затем отвезти его назад в Урук. Но как раз когда скиталец собрался уезжать, жена Утнапиштира уговорила своего мужа не отпускать его домой с пустыми руками, после чего Утнапиштим открыл ему секрет волшебного растения с колючками, которое называлось «старик становится молодым» и росло на дне морском. Это растение дало бы Гильгамешу вечную молодость. Подобно ловцам жемчуга, Гильгамеш привязал к себе тяжелые камни, которые потащили его на дно вод. Там он нашел это растение и, обрезав веревки с камнями, которые удерживали его внизу, выплыл на берег, где и продолжил свое путешествие по суше, по-прежнему сопровождаемый Уршанаби. Но даже получив волшебное растение, Гильгамеш чувствовал разочарование. По дороге домой герой остановился, чтобы искупаться в водоеме с прохладной водой, и в его отсутствие приползла змея и украла растение. Гильгамеш стал горько сетовать на то, что ему не удалось изменить свой человеческий жребий, несущий ему старость и смерть, и возвратился вместе с Уршанаби в Урук с пустыми руками. Но если Гильгамеш и потерял возможность избежать своей человеческой судьбы, то он все еще мог радоваться при виде человеческих достижений. И в конце мы видим, что он показывает Уршанаби великолепие Урука, крупного центра древней шумерской цивилизации.

Среди других хорошо сохранившихся эпических поэм на аккадском языке, дошедших до наших дней, - «Поэма об Адапе» и «Поэма об Этане». Адапа был рыбаком на службе у бога Эа, бога воды, который также был богом мудрости и покровителем города Эриду. Некоторые ученые пытались - не очень убедительно - соотнести имя «Адапа» с библейским именем «Адам». Однажды Адапа рыбачил на лодке, когда южный ветер заставил лодку перевернуться. В отместку Адапа при помощи магического заклинания, которому он, без сомнения, научился на службе у бога Эа, сломал крыло южному ветру, и тот больше не мог дуть. Спустя неделю главный бог Ану заметил отсутствие южного ветра и стал расспрашивать. Узнав все, он приказал Адапе явиться к нему на небо. Но бог Эа принял меры к тому, чтобы Адапа не ушел без его совета и тайных знаний. Адапа должен был облачиться в траур, а когда его начали бы спрашивать об этом стражи небесных ворот, он должен был ответить, что он горюет о двух богах, которые исчезли с земли. Так как эти двое стражей небесных ворот и были этими богами, то Адапа тут же завоюет их расположение. Более того, Ану станет предлагать Адапе хлеб и воду, которые будут хлебом и водой смерти; и их Адапа не должен есть ни в коем случае.

Первая часть плана Ану прошла успешно. Адапа объяснил, что так как южный ветер перевернул его лодку без предупреждения, то у него есть серьезная причина для недовольства. Два бога-привратника, которым польстило уважительное отношение Адапы к их памяти, также замолвили слово за Адапу, и Ану сдался. Решив даровать Адапе бессмертие, он предложил ему не хлеб и воду смерти, как предполагал Эа, а хлеб и воду жизни. Не зная

об истинной природе угощения, предложенного богом Ану, и помня совет Эа, Адапа отказался есть и пить. Ану, поняв, что было на уме у Адапы, посмеялся над ним и рассказал ему, что своим отказом тот потерял шанс стать бессмертным, а затем отослал его назад на землю.

Другая поэма, упомянутая нами - «Поэма об Этане», - связана с пониманием древними шумерами необходимости передачи царского сана по наследству, которая является одной из ценностей цивилизации. Чтобы обеспечить людям безопасную жизнь, боги послали им с небес царский сан и возложили его на праведного Этану. Но у Этаны не было наследника, хоть он и совершал ежедневные жертвоприношения богу Солнца Шамашу. Шамаш сделал так, что Этана подружился с орлом, на которого напала змея, и благодарный орел вознес Этану на небо в поисках растения зарождения жизни. В настоящее время мы не знаем, как закончилась поэма, но новое издание ее текста сейчас подготавливается Дж. В. Кинньер Уилсоном из Кембриджского университета, который нашел некоторые, очень важные, новые ее части.

Рис. 34. Этана верхом на орле

В этой главе есть возможность лишь мимоходом упомянуть другие поэмы и мифы, известные нам более или менее полностью в аккадской или шумерской версиях. Например, есть много отрывков мифов о создании мира. Другой небольшой необычный миф объясняет происхождение зубной боли: она возникла благодаря червяку, который во время создания мира не захотел питаться фруктами и попросил богов позволить ему сосать десны у корней зубов. Другой миф, известный по имени своего героя как «Атрахасис», является отчасти повторением истории о Потопе. В «Мифе о Зу» рассказывается о попытке второстепенного бога птиц по имени Зу (или, возможно, Анзу) добраться до вершины божественного пантеона посредством кражи символа власти, который назывался Таблички Судьбы: сначала у Зу (или Анзу) все получилось, но потом за ним погнался другой бог и победил его. Миф, известный как «Миф об Эрре», имеет особое отношение к Вавилону, и декламация этого мифа служила, согласно поверьям, тому, чтобы оградить город от эпиде-

мий. Существуют также интересные поэмы, рассказывающие о традициях династии Аккаде, включая ту, в которой говорится о рождении и воспитании самого Саргона из Аккаде.

Чисто шумерские мифы, хоть и очень интересны сами по себе, лежат за рамками этой книги. Интересующийся читатель найдет наиболее читабельное и авторитетное их изложение в книге С.Н. Крамера «История начинается в Шумере».

Род литературы, совершенно отличающейся от той, которую мы сейчас обсуждали, нам известна как литература мудрости. Эта категория литературы знакома большинству читателей, так как ее образцы можно найти в Библии, в Книге притчей Соломоновых, Книге Иова и Книге Экклезиаста. Литература мудрых мыслей имела широкий диапазон: от житейских пословиц и поговорок, которые передавались из уст в уста среди крестьян, до замысловатых дискуссий на темы, которые мы назвали бы философскими или богословскими проблемами. На обсуждение выносились вопросы такого рода: какова цель человеческой жизни и почему человеку даются на первый взгляд незаслуженные страдания? На эти темы было написано три основных произведения на аккадском языке, а на шумерском таких сочинений пока не обнаружено. Самым поразительным произведением этого жанра была поэма, названная на аккадском языке «Ludlul bel nemeqi» («Я воздам хвалу Богу Мудрости»), которую часто называют «Поэмой о праведном страдальце». Ее основная тема та же, что и в Книге Иова, то есть в ней речь идет о человеке, которого не по его вине покинули боги, и он попал во власть злых сил.

Упомянутые пословицы иногда имеют не очень ясный смысл и (как и наши пословицы) часто трудны для понимания, если неизвестно, как именно они употреблялись. Тем не менее, некоторые из них понятны сами по себе, например, такие:

Не ешь жирного, и у тебя не будет кровавого поноса.

Скорпион ужалил человека. Что он получил «за это»?
Доносчик стал причиной смерти человека.
Какая ему была от этого польза?

Говорят, что она беременна, не переспав с мужчиной;
Не от еды она так потолстела!

Если мне суждено умереть, дайте мне проесть
«мои сбережения»;
Если мне суждено жить, я буду копить «деньги».

Одним из самых интересных произведений аккадской литературы является произведение, совершенно отличающееся от всех уже упомянутых. Фактически это юмористическое сочинение. Оно было не так давно найдено при раскопках и пока является уникальным литературным произведением в своем роде, написанным клинописью.

В нем рассказывается о «бедном и скромном» человеке по имени Гимиль-Нинурта, который жил в городе Ниппуре. У него не было ни золота, ни серебра, и его лицо было сморщенным от нехватки еды и питья. В конце концов он решил продать свою одежду и купить козу. Он мог бы сам съесть эту козу, но пировать одному было серьезным нарушением общепринятых правил, да к тому же у него не было пива, которого ждали бы гости к угощению. Обдумав все, он пришел к выводу, что лучше всего будет подарить козу правителю города, памятуя, без сомнения, о том, что, завоевав расположение градоначальника, он во много раз больше выгадает, так как получит ответный подарок. Но все вышло сов-

сем не так. Правитель города оставил у себя козу, но затем впал в ярость, обвинив Гимиль-Нинурту в попытке подкупа, и велел выставить его за дверь. Гимиль-Нинурта, понятное дело, был раздосадован и через привратника передал правителю, что тот заплатит ему за это оскорбление трижды. Но это показалось пустой угрозой, и, как говорится в тексте, «когда правитель города услышал это, он смеялся целый день».

Гимиль-Нинурта пошел прямо к царю, поцеловал землю перед ним и изложил свою просьбу. Он попросил царя одолжить ему на один-единственный день колесницу, в обмен на что он даст ему мину золота. Царь согласился, и Гимиль-Нинурте дали колесницу и платье, как будто он был знатным господином. Затем Гимиль-Нинурта отправился назад к дому правителя Ниппура, прихватив с собой пустой сундук для казны. Правитель вышел из дому поприветствовать мнимого царского посланца, который заявил, что везет золото в храм для царя. Среди ночи Гимиль-Нинурта встал, открыл свой сундук и поднял крик, что его ограбили. Он так яростно наседал на правителя города, что последний, в конце концов, дал ему две мины золота в уплату за то, что якобы было украдено в стенах его дома. Когда Гимиль-Нинурта уезжал в своей колеснице, он сказал привратнику: «Скажи своему господину: «Я отомстил тебе один раз».

Потом Гимиль-Нинурта пошел и побрил себе голову и, замаскировавшись таким образом, вернулся в дом правителя города и выдал себя за врача из города Иссина. Его впустили в дом, и правитель показал ему синяки, которые он получил от мнимого царского посланца. Манеры фальшивого врача, очевидно, внушили доверие, и, когда он сказал правителю, что его лечение дает наилучшие результаты в темноте, тот отвел его в отдельную комнату. Гимиль-Нинурта, который принес с собой в качестве медицинского оборудования в том числе сосуд с водой и огонь (в каком-то виде), залил водой огонь и в образовавшейся темноте связал правителя по рукам и ногам и поколотил его. Затем он ушел, заметив привратнику при уходе, что он отомстил второй раз.

Но теперь правитель Ниппура сделал очевидный вывод и понял, что за его недавними бедами стоит человек, подаривший ему козу, и приказал всем своим слугам следить, не появится ли этот человек. Зная это, Гимиль-Нинурта спрятался под мостом рядом с домом правителя и попросил какого-то человека крикнуть: «Вот здесь человек с козой». Все слуги кинулись ловить «человека с козой», оставив правителя одного. Гимиль-Нинурта выскочил из засады, схватил его и поколотил в третий раз. Удовлетворившись тем, что теперь правосудие свершилось, Гимиль-Нинурта ушел из этой страны, оставив несчастного правителя Ниппура ни живым ни мертвым.

Глава 5

УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ

Среди всех аспектов жизни Древней Месопотамии мало найдется таких, которые бы чаще неправильно понимали и представляли бы в ложном свете, чем природа ассирийского империализма. Мало кто из историков или других писателей, которые вкратце касаются истории Ассирии в период между 900 г. до н. э. и ее окончательным падением незадолго до 600 г. до н. э., могут устоять перед искушением в очередной раз упрекнуть ассирийцев в варварстве, жестокости и беспримерной беспощадности. Редко можно встретить попытку взглянуть на ведение войн ассирийцами и их империалистические устремления как на единое целое в своей перспективе. И все же, как мы надеемся показать далее, когда рассматриваешь функционирование всей Ассирийской империи и особенно когда судишь по стандартам не нашего времени, а по стандартам людей Древнего мира, вырисовывается совершенно другая картина. Ассирийская империя была очень хорошо организована и не мирилась с теми, кто хотел нарушить цивилизованный порядок, но она не была исключи-

тельно кровавой или варварской. Количество людей, убитых или покалеченных в среднем ассирийском военном походе в интересах эффективного администрирования, даже в пропорции ко всему населению было, вероятно, не больше, чем количество убитых и калек, которое большинство западных стран ежегодно приносит в жертву автомобилю якобы в интересах эффективности перевозок.

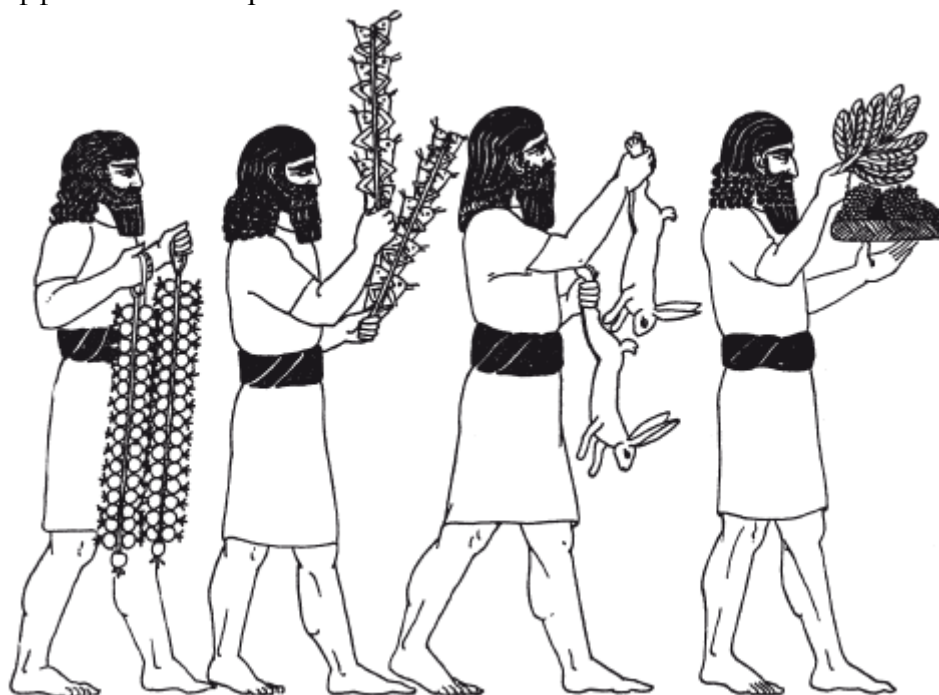

Рис. 35. Мужчины, несущие зайцев, цикад и фрукты

Рассказ об общей исторической ситуации, в которой росла, процветала и, в конце концов, рухнула Ассирийская империя, можно найти выше (глава 2). Эту историческую канву можно заполнить большим количеством подробностей повседневной работы различных имперских чиновников. Почти во все времена существовал очень плотный контроль за ведением дел со стороны центральной власти в столице, так что царь (или его советники) требовал от провинциальных чиновников частых и подробных докладов по всем аспектам управления. В настоящее время уже найдено почти две тысячи писем, которыми обменивались провинциальные чиновники и столичные власти; и письма, подобные этим, часто дают нам возможность заполнить голую схему событий, которую дают нам царские летописи и схожие с ними документы.

Чтобы бросить беглый взгляд на империю в действии, было бы поучительно проследить карьеру какого-нибудь одного типичного чиновника. К сожалению, нет ни одного чиновника, о котором у нас имеется достаточно подробностей, чтобы дать нам полную картину жизни человека из управленческого аппарата. С другой стороны, есть много чиновников, из жизни которых нам известны один или два отдельных эпизода, и, взятые вместе, эти отдельные эпизоды дают возможность составить сравнительно законченную сложную картину. Составить такую картину мы попытались ниже. Нужно подчеркнуть, что предлагаемый далее рассказ - не биография какого-то известного нам человека, и в этом смысле может считаться придуманным. Но если даже он и придуман, его нельзя считать фантастическим, так как каждое значительное событие, упомянутое ниже, реально случилось в жизни того или иного чиновника.

Наш типичный чиновник, которого мы станем называть Курди-Ашшур-ламур, родился от отца-ассирийца, который владел полученной от царя землей в окрестностях древнего города Ашшура, бывшего когда-то столицей. Его семья жила там на протяжении поколений, и каждый новый наследник получал в дар новые поместья (после расплаты за них солидными подарками) от правящего монарха. Все члены семьи верой и правдой служили

царю, а на семейном кладбище регулярно делались жертвоприношения в виде пищи и пива у могил предков, которые погибли, сражаясь за царя.

Мать Курди-Ашшур-ламура была единственной женой его отца, так как моногамия была обычной формой брака в Ассирии в то время. При рождении Курди-Ашшур-ламура ей помогала бабка-повитуха, которая старалась облегчить боли при родах практическими приемами и магическими обрядами, в одном из которых упоминается о двух добрых духах, сошедших с небес со святой водой и маслом. Во время обрядов повитухе мог помогать жрец. После того как необходимые практические меры и магические фокусы-покусы были выполнены, в спальню впустили отца. Он взял на руки сына, тем самым признав его законнорожденным. Мать кормила сына грудью почти два года; возможно, по этой причине в это время у нее не было других детей.

Рис. 36. Ассирийский мальчик, стреляющий в цель

Как только Курди-Ашшур-ламур смог встать на ноги и поспевать за отцом, его стали учить сидеть на коне. Чуть позже ему показали, как надо обращаться с луком, и после этого он проводил большую часть своего детства, соревнуясь с друзьями в стрельбе по мишеням или развлекаясь погоней за мелкой дичью (рис. 36). В какое-то время до того, как ему исполнилось десять лет, он с неприятным удивлением обнаружил, что его свобода ограничена: его вверили заботам скучного старого жреца или местного писца, чтобы он научился основам клинописи. Никто не ожидал от него, что он овладеет вершинами мастерства писца, но для его будущей карьеры было необходимо, чтобы он, по крайней мере, умел писать письма и заниматься счетами. Но одно только формальное образование ни в коем случае не было решающим фактором в обеспечении успешной карьеры, и отец Курди-Ашшур-ламура, сам имеющий достойный уважения послужной список на службе царской семьи, предусмотрительно поддерживал свои связи при дворе. Воспользовавшись удобным случаем, его отец послал достойный подарок и попросил, чтобы в нужном месте замолвили нужное словечко: подарки или деньги находили дорогу к нужному чиновнику, и, в конце концов, Курди-Ашшур-ламур получил место пажа при царском дворе.

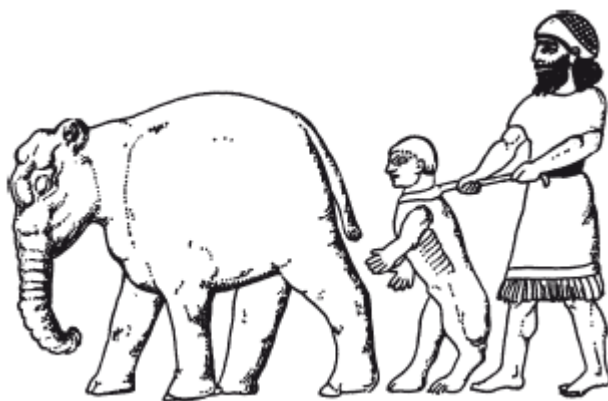

Рис. 37. Чужеземец платит дань Ассирии

Если Курди-Ашшур-ламур не нашел много интересного для себя при дворе, то он должен был быть либо очень глупым, либо очень неприветливым молодым человеком. Хотя все его обязанности вращались вокруг царя, было много чего такого, что он делал вместе с другими молодыми людьми вроде него. Периодически зависимые правители и их представители наносили визиты ассирийскому царю, и в этих случаях Курди-Ашшур-ламур и некоторые другие молодые люди могли на этом присутствовать. Часто это были скучные мероприятия, но иногда случались и волнующие моменты, когда, например, правитель из далекой страны присылал в подарок необычных зверей, таких, как слон, крокодил или двухгорбые верблюды.

Другим волнующим событием было возвращение победоносной ассирийской армии из военного похода с добычей. Через столицу к главному храму проходила процессия, и после того как царь представлял свой отчет богу и передавал храму часть награбленного, другая ее часть размещалась во дворце: возможно, это были прекрасные золотые или бронзовые сосуды из Урарту (Армения) или резная мебель из слоновой кости из Сирии. Во времена Ашшурбанапала из Египта однажды привезли два обелиска, которые были выставлены на обозрение в столице.

Вероятно, во дворце, помимо выполнения своих других обязанностей, пажи прислуживали царю за едой, но на самом деле важной их задачей было, как выразился один царь, «просветлять царский ум». Мы не знаем, что именно они делали, дабы просветлить царский ум, но, очевидно, их присутствие и живость служили нейтрализующим средством тому гнетущему воздействию, которое оказывали на царя нудные придворные церемонии и торжественность главных жрецов и советников. Безусловно, царь, должно быть, часто нуждался в том, чтобы его веселили, так как, не говоря уж о нудности, которая, вероятно, была характерна людям, прошедшим полный курс обучения писца, царю часто доставляли личные неудобства. Бывали случаи, когда жрецы заявляли, что видели угрожающие знамения, и царю тогда приходилось поститься несколько дней, или воздерживаться от общения с женщинами, или даже подвергаться обриванию с головы до ног.

Одна из религиозных обязанностей царя - что бы ни думал о ней он лично, - уж конечно, не вызвала у него скуку. Это - царская охота на львов. Во время этого мероприятия львов выпускали из клеток в огороженный парк, с тем чтобы царь их ритуально застрелил или даже убил при помощи кинжала (рис. 38). Нечего и говорить, что поблизости стояли опытные стрелки, чтобы предотвратить любой серьезный несчастный случай с царем, но такая ответственность вряд ли выпадала таким зеленым молодым людям, как Курди-Ашшур-ламур и его товарищи. Они вполне могли оказаться среди загонщиков или даже в безопасном месте среди зрителей за линией копьеносцев. Некоторые львы были дикими зверями с гор, тогда как другие на самом деле были пойманы и присланы в столицу специально для этого еще львятами и выросли в неволе. Львы были не единственными животными, которых содержали в ассирийской столице, - у некоторых царей были целые зоопарки с такими зверями, как газели, олени, дикие ослы, леопарды, медведи, дикие быки и

слоны, посмотреть на которых допускалась публика. Вполне вероятно, хотя и не наверняка, что некоторых из этих животных тоже выпускали в парк на отстрел, как и львов.

Рис. 38. Ашшурбанапал убивает льва

Параллельно этим развлечениям образование Курди-Ашшур-ламура продолжалось, хотя скорее неформально, нежели официальным путем. Он мог присутствовать при обсуждениях каких-либо вопросов царскими министрами и услышать совет, данный царю придворными астрологами после толкования знамений; и какими бы скучными и напыщенными ни могли показаться эти вещи в то время, они во многом открывали молодому человеку глаза на более широкое видение как государственных дел, так и религиозных вопросов. Вероятно, это не осознавали даже те, кого это напрямую касалось, но царем правили знамения, а знамениями управляли жрецы; так что в результате группа самых умных, знающих и уравновешенных людей царства обладала властью наложить вето на любой плохо продуманный план, выдвинутый царем.

Дальнейшее расширение умственных способностей Курди-Ашшур-ламура происходило в его повседневном общении с другими мальчиками при дворе. Некоторые из них были ассирийцами, как и он, другие были сыновьями зарубежных вассалов, присланными ко двору в качестве заложников. От последних молодой ассириец мог приобрести некоторые поверхностные знания какого-нибудь иностранного языка, на котором говорили в империи. Потом, если он обнаруживал в себе достаточный интерес и желание идти дальше, он мог получить и более официальное образование, подружившись с одним из придворных переводчиков.

К двадцати годам Курди-Ашшур-ламуру могли позволить сопровождать царя в военном походе. Он мог либо бежать за его колесницей вместе с другими молодыми людьми, занимавшими такое же положение, либо, возможно, служить в кавалерии. Он впервые видел войну. Как описывается позже в этой главе, армия продвигалась вперед по территории, незнакомой Курди-Ашшур-ламуру, пока не достигла долины, из которой, наверное, и поступили донесения о том, что там не все ладно. Местный правитель этой долины вместе со своими придворными и сыновьями спешил низко поклониться царю, предлагая подарки в знак верности. В честь местного правителя давался пир, и ассирийский владыка утверж-

дал его права на небольшую, но власть, а его министры рассказывали ассирийскому царю, что они знают о событиях у своих соседей. Они, в частности, могли упомянуть о ряде беспокоящих набегов горцев, которые не так давно с большим воодушевлением принимали посланников из Урарту, могущественного царства в Армении. В то же самое время вассальный князь мог также представить царю своего наследника в надежде получить от ассирийского царя обещание поддержать его как законного преемника, если предательство или нападение извне приведут к смерти самого вассального князя.

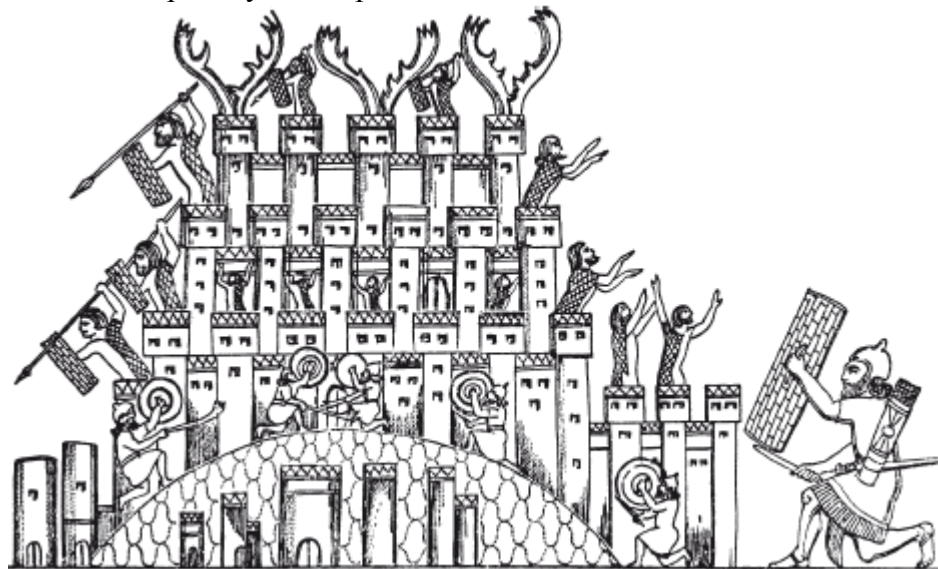

Рис. 39. Осажденный город в огне

В такой ситуации было обычным делом, если часть армии посылали в горы для расследования жалобы на антиассирийские действия, и Курди-Ашшур-ламур мог сопровождать ее. Когда войска подошли к первой горной деревушке, они, вероятнее всего, нашли ее покинутой жителями, за исключением нескольких стариков и старух, неспособных уйти, - явное доказательство того, что обвинения против горцев были небезосновательны. Высоко над собой ассирийцы видели жителей всех нижних деревень, которые несли узлы со своими пожитками, карабкаясь с ловкостью горных козлов к почти недоступным пещерам возле горных вершин. В погоню посылалось подразделение ассирийских скалолазов в надежде схватить местного вождя, но у того было преимущество во времени и знании местности. В деревнях из того, что можно было унести, мало что оставалось, и ассирийским солдатам мало что доставалось для грабежа. Но там и сям в хижинах продолжал гореть огонь в очагах, и солдаты, сделав из хвороста факелы, поджигали все, что могло гореть, и вскоре все хижины нижних деревень уже были охвачены пламенем. Горцы будут слишком заняты отстройкой заново своих деревень, чтобы причинять дальнейшее беспокойство жителям долины своими набегам в течение года или пары лет.

Вся военная кампания вполне могла состоять из повторяющихся инцидентов, подобных этому, и продлиться месяца два или больше. Ведь крупные сражения с иностранными армиями, сравнимыми по величине с ассирийской, были скорее исключениями, нежели правилами. В продолжение всех кампаний Курди-Ашшур-ламур обычно оставался рядом с царем, выступая в роли телохранителя в опасные моменты, в роли прислужника во время лагерных стоянок и даже в роли носильщика, когда на гористой местности было необходимо переносить царскую колесницу через валуны (рис. 40).

Рис. 40. Служители несут колесницу ассирийского царя Саргона II

Повидавшего кое-что на действительной службе Курди-Ашшур-ламуре могли на следующий год назначить младшим офицером над кавалерийским отрядом в составе воинского контингента, посланного на укрепление северной границы. Непосредственной причиной такого передвижения войск могли быть донесения разведки о скоплении сил урартцев в этом регионе. В результате небольших стычек, возможно, были взяты одна или две ключевые горные деревушки, удерживаемые силами Урарту, а их вооруженные отряды были выбиты с этой территории, откуда они угрожали безопасности Ассирии. Позже, когда приблизились зимние холода и продолжение военной кампании стало невозможно, главные ассирийские силы вернулись на свою базу, хотя несколько офицеров, одним из которых, как мы можем предположить, был Курди-Ашшур-ламур, остались для сохранения «статус-кво» на границе и отправки донесений о любом развитии событий. Во время зимней непогоды Курди-Ашшур-ламур мог заметить, что население его деревень постепенно растет, так как некоторые местные жители, которые спаслись бегством при приближении ассирийцев и с тех пор жили в горах, либо были вынуждены вернуться в свои дома и подчиниться ассирийским властям, либо оставаться в горах и, вероятно, умереть от голода и холода. Этим крестьянам давали разрешение заниматься своими делами, что часто оказывалось полезным для Курди-Ашшур-ламуре, так как это был способ доставлять разведывательные донесения о действиях Урарту по другую сторону гор. Такие донесения должным порядком переправлялись в столицу для анализа. Если в них говорилось, что жители Урарту готовят новое нападение весной, то посылались более мощная ассирийская армия, чтобы удержать этот район, давая возможность Курди-Ашшур-ламуру вернуться в столицу вовремя к празднику Нового года в конце марта.

Мы можем себе представить, как вскоре после этого конный гонец галопом скачет в столицу с вестью о том, что целый участок на северной границе поднял восстание, местный правитель, который до этого дал клятву верности Ассирии, переметнулся к врагу. Ситуация могла развиваться так: этот правитель тайно принял посланцев от царя Урарту, которые убедили его в том, что армия Урарту вскоре выгонит ассирийцев из всего этого региона, и склонили его на свою сторону обещанием не облагать его данью в будущем, если он поможет Урарту теперь. Поддавшись на уговоры, правитель повел своих соотечественников в неожиданную атаку на местный гарнизон ассирийцев. Но разведка и система связи Урарту были слабее ассирийских, и если ситуация, которую мы себе представили, раз-

вивалась по обычному пути, то ожидаемое нападение сил Урарту, вполне возможно, так и не началось, пока местный мятеж не был подавлен, а вождь восставших не был схвачен, преданный кем-нибудь из своего окружения, чтобы получить в награду крупную сумму золотом, предложенную ассирийским военачальником. С несчастного правителя, как это было принято, заживо содрали кожу и вывесили ее на видном месте на горе как предупреждение, а деревни, принимавшие активное участие в мятеже, сожгли дотла. Когда ожидаемое нападение урартцев все же началось, то было уже слишком поздно, и с помощью отрядов, присланных сюда ассирийскими военачальниками с других участков фронта, и подкрепления с родины, включая, быть может, и Курди-Ашшур-ламура с его кавалерией, оно было с легкостью отражено.

Восстание и казнь местного правителя, который был ассирийским вассалом, поставили перед царем и его советниками в столице административные вопросы. Вероятно, рассматривалась возможность назначения сына или брата предыдущего правителя, но если предположить, что это был не первый случай, когда этот регион становился источником смуты, то могли принять решение, - особенно потому, что этот регион имел некоторое стратегическое значение, - что настала пора ввести здесь прямое правление. Наш воображаемый район, - быть может, десятка два деревень в окружении гор - не был завидным назначением, и ради общих административных целей его можно было присоединить к провинции губернатора, который имел резиденцию в крупном городе на расстоянии около тридцати миль оттуда. Однако неотложные повседневные проблемы управления делали желательным непосредственное присутствие ассирийского чиновника. У него была бы возможность отслеживать появление дальнейших признаков неверности по отношению к Ассирии, поддерживать безопасность в этом регионе вообще и - что, быть может, было самым важным - собирать и переправлять в столицу разведывательные донесения. В конечном счете военная и административная эффективность Ассирийской империи в значительной степени покоилась на действенной системе связи и разведке. Один ассирийский царь, с благодарностью принимая разведывательное донесение о передвижении племен в Вавилонии, говорит: «Человек, который любит дом своих господ, открывает уши своих господ ко всему, что он видит или слышит. Хорошо, что ты послал сообщение и открыл мои уши».

Предположим, что для данного назначения было предложено имя Курди-Ашшур-ламура. Это было приемлемо для царя, но было важно также, чтобы кандидатуру одобрили и боги. Поэтому в благоприятный день был проведен ритуал, в ходе которого выяснилось, что думает по этому поводу бог Солнца. На табличке написали имя Курди-Ашшур-ламура и вопрос: «Что касается человека, чье имя здесь начертано, нужно ли его назначать на такую-то должность?» Эту табличку положили перед изображением бога Солнца, пока жрецы-прорицатели тщательно отбирали ягненка без пятен. Они его зарезали и, вырвав его печень и легкие и сверившись с глиняными моделями этих органов (см. рис. 23), составили перечень благоприятных и неблагоприятных предзнаменований. Первый подсчет дал в результате явное большинство «за», хотя если бы результат был неблагоприятный, то была бы возможность провести второй или даже третий цикл толкований.

В качестве раб алани (правитель городов) этого района Курди-Ашшур-ламур постоянно поддерживал связь при помощи гонцов не только с губернатором провинции, но и со столицей. К городу, в котором жил губернатор провинции, вела проселочная дорога, тогда как между городом губернатора и равнинами имелись постоянные почтовые станции, где всегда были наготове мулы для гонцов, везущих депеши в столицу или из нее. От края долины дорога вела прямо в столицу.

Курди-Ашшур-ламур отвечал не только за военную и политическую безопасность этого района, но также и за сбор налогов, которые брались главным образом натурой. В помощь себе он имел штат помощников, в который входил писец, служивший в качестве сборщика налогов и ведший записи о собственности или аренде земли, отмечавший количество осадков и делавший прогноз о том, хороший или плохой ожидается урожай, а также оценивавший землю каждого крестьянина, чтобы определить количество зерна, положенного

к сдаче в качестве налога. Когда налоги были определены и собраны, нужно было организовывать транспортировку продукции в столицу провинции, где ее либо хранили для нужд армии на случай боевых действий в этом регионе, либо переправляли в центральные города Ассирии. Каждая деревня в этом регионе также должна была каждый год поставлять определенное поголовье крупного рогатого скота, овец и лошадей, которые большими стадами перегонялись в Ассирию. Какая-то часть молодых людей, вероятно, отправлялась вместе с лошадьми, так как регион, в котором мы представили себе Курди-Ашшур-ламур, славился умелыми наездниками, и эти дикие горцы находили в кавалерийских отрядах на службе ассирийского царя - вполне добровольно - выход для своего воинственного духа.

Сборы налогов, как всегда это бывает с налогами, были источником недовольства местного населения, и неумелое администрирование или пропаганда агентов Урарту из-за границы могли иногда приводить к тому, что местные жители или убегали в горы, или поднимали восстание. Но твердое прямое ассирийское правление не всегда означало только потери. Налогообложение было неизбежным злом, и в этом отношении почти не было разницы, правят ли селянами их соотечественники или представители другого народа: уж если так, то ассирийское налогообложение было легче вынести, так как центральная власть держала в кулаке своих чиновников в провинциях. Поэтому они гораздо реже имели возможность вымогать некоторые суммы в собственный карман сверх того, что требовало правительство. Более того, этот район был гораздо более безопасен при правлении ассирийцев, так как центральная власть ожидала, что Курди-Ашшур-ламур будет принимать суровые меры по пресечению попыток жителей одной горной деревушки совершать набеги на другую. В случае неурожая, что вполне могло быть в гористом районе, Курди-Ашшур-ламур обращался в столицу провинции, чтобы его людям было выдано зерно, хранящееся на складах в этом городе. Вероятно, крестьянам приходилось возвращать это зерно с большими процентами, когда на следующий год они получали хороший урожай, но, по крайней мере, они не были вынуждены смотреть на то, как их дети умирают от голода, как это было в прежние годы. Курди-Ашшур-ламур также пытался сохранять урожай, запруживая некоторые из местных горных речек и вводя тем самым систему орошения. Но хотя теперь это стало возможным в результате безопасной обстановки, обеспечиваемой ассирийской администрацией, эта идея была не нова в тех местах, и в некоторых более заселенных гористых районах по ту сторону границы власти Урарту предпринимали схожие меры.

Рис. 41. Депортация пленных

Часто случалось так, что, когда на северо-восточной границе Ассирии устанавливалась стабильная ситуация, волнения начинались в западной части империи, у Средиземноморского побережья. Мы можем представить себе такую ситуацию и на этот раз. Вследствие этого объявлялась всеобщая мобилизация; от Курди-Ашшур-ламур, как и от многих других офицеров в его положении, требовалось оставить свой регион под ответственность своего подчиненного с ограниченным удерживающим контингентом и двигаться без про-

медления с кавалерийским эскадром и столькими рекрутами из числа местного населения, сколько ему удастся набрать, в столицу. Там он увидел бы, что собралась огромная армия, насчитывающая около 200 тысяч человек, готовых выйти в поход и воевать в Сирии.

Ассирийская армия должным образом провела военные действия и подавила волнения в Сирии. Так как рассказ о реальном сражении ассирийской армии приводится в этой главе чуть дальше, то здесь уже не нужны никакие подробности. По окончании военной операции в качестве меры предосторожности против возможных волнений в будущем ассирийские власти угоняли из некоторых наиболее беспокойных городов их выдающихся граждан и ремесленников с семьями, расселяя их в других частях империи, а на их место в сирийских городах присылали такое же население из других краев (рис. 41-42). Такая политика депортации широко применялась в Ассирийской империи в отношении воинственных этнических групп, а в недавнем прошлом ее так же применяли в Советском Союзе со времен Второй мировой войны.

Рис. 42. Пленные на отдыхе в пути

В главных городах подчиненного региона ассирийские власти оставляли управляющих, поддерживаемых значительными вооруженными силами, для контроля за политикой местных властей. Среди таких управляющих мы можем представить себе и Курди-Ашшур-ламуре, поселившегося в городе у подножия Ливанского хребта. Жизнь местного населения уже более тысячи лет основывалась на том, что люди рубили кедры в горах и подготавливали бревна для отправки их либо кораблями в Египет, либо сухопутным и речным путем в Ассирию и Вавилонию. Бревна, предназначенные для отправки в Египет, привозили на пристани готовыми к погрузке, как было заведено, но теперь Курди-Ашшур-ламур приказал своему сборщику налогов пройтись по пристаням и произвести необходимую оценку, чтобы определить, каков должен быть налог на эту торговлю. Это отнюдь не вызвало восторга у местного населения, причем настолько, что, несмотря на вооруженный эскорт, сопровождавший налогового инспектора, толпа схватила его и убила. Это был опасный прецедент, и Курди-Ашшур-ламур предпринял немедленные меры. Он отправил сообщение в ближайший гарнизон с просьбой прислать воинский отряд, состоящий из представителей определенного племени, которых часто использовали для исполнения полицейских функций в городах. Такой отряд прибыл в город и заставил мятежников уважать закон и порядок. Затем Курди-Ашшур-ламур издал указ о том, что в дальнейшем вся торговля с Египтом будет контролироваться и древесину можно будет отправлять только под надзором ассирийских властей.

Надеемся, что мы рассказали достаточно, чтобы дать некоторое представление о работе ассирийской имперской администрации. Что же касается самого Курди-Ашшур-ламуре, если он произвел хорошее впечатление на своих предыдущих управленческих должностях, то его впоследствии могли повысить до губернатора провинции. Таких высоких постов было около тридцати; было также непостоянное число номинальных губернаторских

должностей, которые не были настолько значимыми, чтобы давать их владельцам право на высшую привилегию руководить церемонией на празднике Нового года.

Рис. 43. Две вавилонские женщины

Очень мало было сказано о личной жизни Курди-Ашшур-ламуре. Некоторые царские чиновники из числа ассирийцев были евнухами, но, допустив, что Курди-Ашшур-ламур избежал этой участи, можно предположить, что он женился, когда ему еще не было двадцати лет, а организацией этого брака занимались его родители и родители его невесты. Девушка, вероятно, жила в доме своего отца, где он мог навещать ее во время отлучек от своих придворных обязанностей, пока не стал достаточно взрослым, чтобы завести свой собственный дом, или пока не умер его отец, и царь не подарил поместье ему самому. Во время своей военной службы Курди-Ашшур-ламур, вероятнее всего, время от времени находил среди пленниц из числа местного населения особ, привлекавших его внимание, и ничто не могло помешать ему взять такую девушку в свой дом в качестве наложницы для себя и рабыни для своей жены.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО АССИРИЙЦЕВ

Ассирия, как иногда говорят, была государством, устроенным главным образом для ведения войны. Это не совсем так, но, безусловно, война была одной из сторон жизни ассирийцев, о которой нам известно больше всего. Особенно это касается века Саргонидов (722-626 гг. до н. э.).

В этот период религия, видимо, обязывала царя предпринимать по крайней мере одну небольшую военную кампанию почти каждый год. Далекое не каждая военная кампания требовала всего военного потенциала Ассирийской империи; часто военный поход бывал едва ли не демонстрацией для возможных возмутителей спокойствия или даже просто тренировочными маневрами, а с этим вполне справлялась постоянная армия.

Первой причиной существования регулярной армии в Ассирии была необходимость охранять царя от восстания собственных губернаторов провинций, которые могли стать очень могущественными людьми. В регулярной армии были специальные подразделения, которые служили исключительно телохранителями царя; часто царь называл их так: «Вой-

ска, которые во враждебном ли, в дружественном ли месте всегда у моих ног». Были и другие специальные постоянные подразделения, не приданные прямо царю, а разбросанные по всей империи под командованием офицеров, которые имелись в его распоряжении для принятия немедленных действий в любой горячей точке. Некоторые из них были кавалерийскими эскадронами по сотне всадников в каждом, подобно тем, что были даны под командование Курди-Ашшур-ламуру при его первом назначении. Другие были постоянными гарнизонами на пограничных заставах. Такие войска необязательно состояли из ассирийцев (и действительно, в некоторых случаях можно доказать, что они ими и не были), но их верность Ассирии и храбрость, вероятно, так же не подвергались сомнению, как верность и храбрость гурков и сикхов в британской армии в Индии до 1947 г.

В критические для всей нации времена регулярную армию пополняли войска, набранные губернаторами провинций по всей империи. Эти отряды из провинций состояли большей частью из местных рекрутов. Армию, устроенную таким образом, можно назвать огромной. Существует большое расхождение во мнениях в отношении цифр, касающихся величины армий в древности, но факты указывают на то, что такая огромная армия могла достигать сотен тысяч человек. Доказательством, на котором основывается такой вывод, служит тот факт, что в одном большом сражении с Эламом потери врага выражаются цифрой 150 тысяч человек, а в других случаях пленные исчисляются сотнями тысяч.

Во многих странах Древнего мира военные действия были сезонными действиями, повторяющимися регулярно, почти как летние каникулы, с конца сбора урожая и до возобновления сельскохозяйственных работ в начале зимы. В Библии, например, в связи с царем Давидом, такой сезон определен как «время, когда выходят цари в походы» (Вторая книга Царств, 11: 1). В какой-то период это, вероятно, относилось и к Ассирии, но в период Саргонидов все уже было не так. Тогда ассирийская армия могла вести войну в любое время года, и в ней всегда была ударная группа, готовая к немедленным действиям.

Ассирийская армия, как и любая другая армия, зависела в своих передвижениях от того, насколько сыты ее солдаты, и отчасти репутация несомненно эффективной армии была у нее благодаря системе продовольственного снабжения. Обычно армия брала с собой в качестве основных продуктов питания зерно и растительное масло для солдат, а в районы боевых действий (таких, как южная Вавилония), где, вероятнее всего, будет ощущаться нехватка хороших пастбищ, брали также солому или сено для лошадей. Зерном лошади должны были обеспечиваться в любом случае, так как действенность кавалерии и боевых колесниц зависела от того, содержатся ли лошади в наилучших условиях. Обычно провиант для армии делили на ежедневные рационы, но время от времени, когда в результате захвата вражеской житницы возникал временный переизбыток зерна, царь мог позволить войскам брать все самим. Когда армия проходила через ассирийскую провинцию, долгом местного ассирийского правителя было обеспечить армию пропитанием, и, конечно, в других местах армия старалась питаться за счет сельской местности как можно дольше.

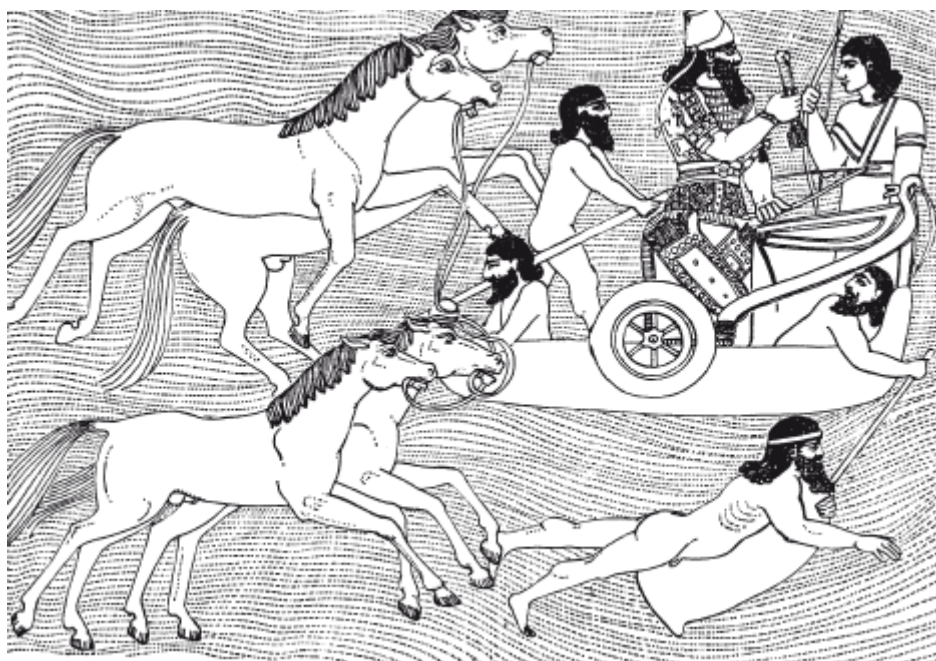

Рис. 44. Ашшур-нацир-апал переправляется через реку

Маршевые порядки ассирийской армии, должно быть, представляли собой впечатляющее зрелище. Первыми двигались штандарты богов, которые, очевидно, представляли собой деревянные или металлические символы на шестах, в сопровождении прорицателей и других служителей культа. Затем ехал царь в колеснице, окруженный пешими телохранителями из числа знатных молодых людей и отрядом кавалерии. По обоим флангам двигались части легкой пехоты, готовые развернуться веером и стать разведчиками или снайперами, если это было необходимо по роду местности. Также вместе с двигавшимся в центре царским отрядом ехали и штабные офицеры, а также офицеры разведки, переводчики и писцы.

За этой группой следовала основная часть армии, состоявшая, главным образом, из рекрутов различных племен под командованием губернаторов провинций или кого-нибудь из их подчиненных. Вооружение этих рекрутов было различным в соответствии с регионом, откуда они прибыли; некоторые из них были пращниками, другие лучниками, третьи кавалеристами, и все они были в характерных национальных одеждах.

За рекрутами шел транспорт, вероятно, в сопровождении и под управлением инженеров. Задачи, стоявшие перед инженерами, были различны: в их обязанности входило строительство мостов через реки или паромов (рис. 44), прокладывание дорог по горам, уничтожение вражеских укреплений и строительство пандусов для их использования при ведении осады. Такие пандусы состояли из деревянных каркасов, заполненных землей и камнями, и их главным назначением было дать возможность ввести в дело стенобитные орудия в том месте, где городские стены были выше и тоньше. Упомянутые стенобитные орудия стоят в ряду военных приспособлений, которые чаще всего можно увидеть на ассирийских барельефах (рис. 45). В основном они представляли собой металлический (или обитый металлом) кол, торчащий впереди бронированного колесного средства передвижения. Такое бронированное средство передвижения давало защиту нескольким воинам внутри него, которые обеспечивали движущую силу тарана и управляли им. По крайней мере, на нескольких моделях такой машины таран был подвешен на цепях, и его можно было раскачивать назад и вперед для придания ему большей кинетической энергии и обеспечения бесперебойного долбления стены. Такие механизмы вместе с другим военным снаряжением и мешками с зерном в качестве армейского провианта, вероятно, требовали изрядного количества транспорта в виде повозок и вьючных ослов для подтягивания тыла.

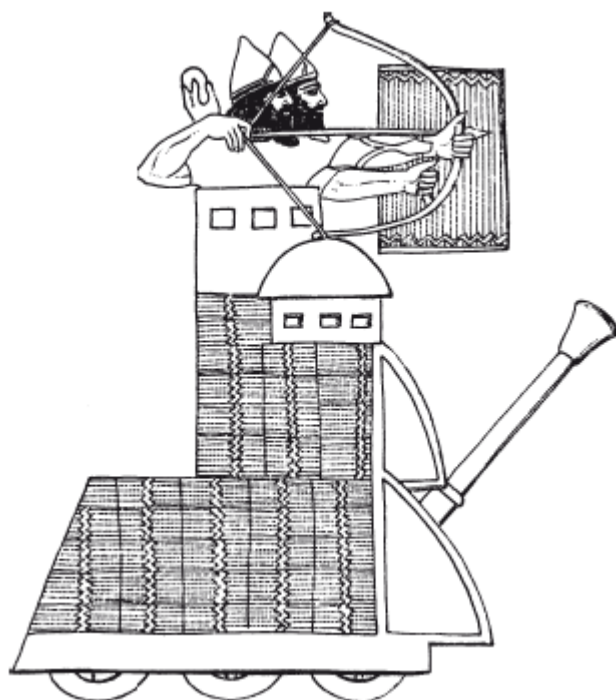

Рис. 45. Стенобитное орудие

Следует отметить, что вопреки тому, что можно подумать, прочитав произведения некоторых современных авторов, ассирийские военные кампании не были просто цепью массовых убийств и пыток. Как правило, с только что завоеванным городом или государством не поступали жестоко, и во многих случаях его местный правитель оставался на своем месте и становился вассалом, который обязан был платить дань, поддерживать дружеское отношение к Ассирии и иметь при дворе представителя Ассирии. Такого правителя зачастую заставляли заключить с Ассирией официальный договор, и ассирийские цари очень подробно регламентировали в таких договорах, что могут и чего не могут делать их вассалы. Так, в договоре с царем Тира Асархаддон пишет: «Ты не должен открывать присланное мной письмо без кипу [представителя Ассирии]. Если кипу нет поблизости, ты должен подождать его и «только тогда» открыть «его». Только тогда, когда такой вассал нарушал свою клятву верности, с ним и его страной, вероятно, поступали жестоко. Но и даже в таких случаях пыткам и увечьям подвергались лишь руководители города или государства. Смерть или увечья не были неизбежной судьбой, ожидавшей тех, кто поднял восстание против Ассирии. Об одном городе Асархаддон повествует: «Я заковал их царя Асухили в кандалы и привез его в Ассирию. Я заставил его сидеть связанным возле ворот внутреннего города Ниневии вместе с медведем, собакой и свиньей». Вообще самое худшее, что могло случиться с основной массой населения, - и то только тогда, когда оно неоднократно продемонстрировало свою непокорность, - это его депортация в другую часть Ассирийской империи, как это было в хорошо известном примере с израильтянами при взятии Самарии. Конечно, можно сказать, что ассирийцы виновны уже в том, что являлись империалистами, но империализм не обязательно означает зло: бывают обстоятельства, при которых он может быть как морально оправдан, так и необходим. Так и обстояло дело на Ближнем Востоке в начале 1-го тысячелетия до н. э. Если бы не Ассирийская империя, все достижения предыдущих двух тысяч лет цивилизации могли исчезнуть в хаосе, так как множество маленьких государств (как Израиль, Иудея и Моав) воевали между собой, или ее могли затопить орды диких народов, которые постоянно предпринимали попытки силой проникнуть на юг из-за Кавказских гор.

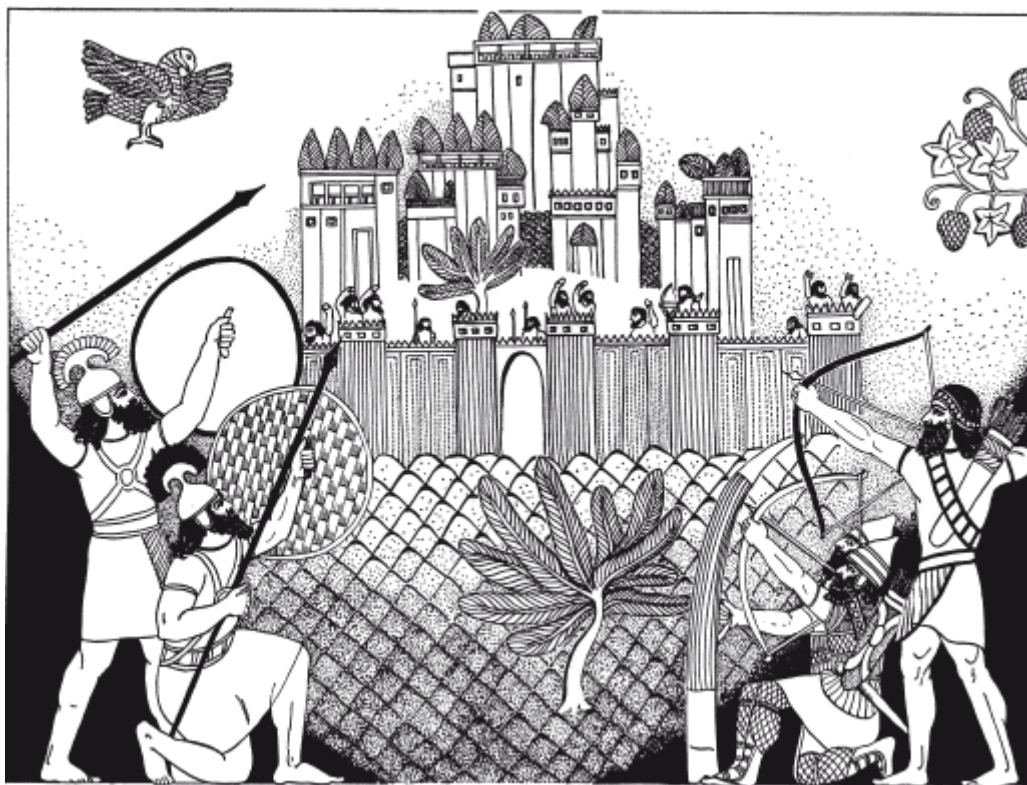

Рис. 46. Осада города

Возможно, будет интересно узнать подробности, которые имеются у нас об одном конкретном сражении ассирийцев. Выбранный пример был не карательной экспедицией против непокорных вассалов, а нападением на опасную коалицию, возглавляемую северным соседом Ассирии - государством Урарту (расположенным в регионе, позднее известном как Армения).

Летом 714 г. до н. э. царь Саргон отправился в регион, расположенный к северо-востоку от Ассирии, с целью (как он ее сформулировал) «надеть намордник на наглецов, взнуздать слишком дерзких». Проще говоря, он намеревался устранить угрозу, которую представляли два растущих царства, Зикирту (иранский народ) и Урарту (народ, отдаленно родственник хурритам), безопасности Ассирии и ее контролю за торговыми путями, идущими из Ирана далее на запад. Предприняв некоторые незначительные действия среди своих вассалов и данников в восточных горах, Саргон вступил в контакт с царем Зикирту, который отвел свои основные силы, чтобы соединиться с царем Урарту, оставив небольшие отряды на горных заставах, чтобы изнурять армию Саргона в его погоне. Местность была очень труднодоступная, и к тому времени, когда Саргон достиг региона, удерживаемого Русой, царем Урарту, боевой дух в его армии был очень низок, и у него уже не было полного тактического контроля над всем своим войском. Он откровенно говорит:

«Я не мог облегчить их усталость, я не мог дать им воду для питья, я не мог разбить лагерь, и я не мог организовать оборону штаб-квартиры. Я не мог направлять свои передовые отряды, «в результате чего я не мог собрать их у себя; мои отряды с левого и правого флангов не вернулись ко мне, и я не мог дожидаться арьергарда».

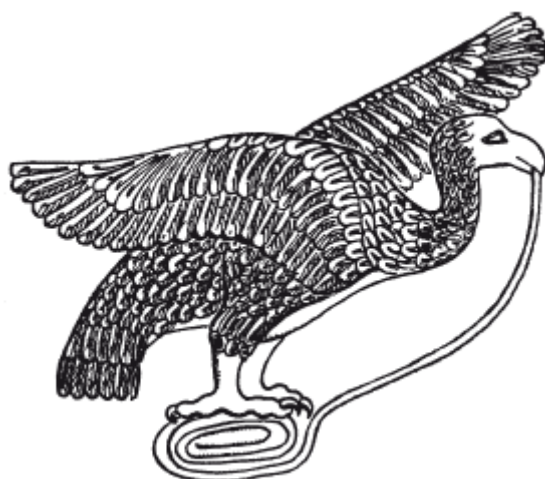

Рис. 47. Коршун находит себе пищу (деталь сцены на поле боя)

Царь Урарту Руса и царь Зикирту Метатти выстроили свои боевые порядки в горном труднодоступном ущелье и ожидали там прихода Саргона. Без сомнения, они предвидели, что характер местности вызовет у Саргона затруднения при поддержании тактического контроля над всем своим войском. На самом деле, хотя данное место - горное ущелье - казалось Русе, несомненно, отличным местом для того, чтобы заманить в ловушку и прикончить ассирийскую армию, с его стороны было весьма серьезной тактической ошибкой задействовать всю свою армию в оборонительном сражении при таких обстоятельствах. Великий немецкий стратег и тактик фон Клаузевиц в своей книге «О войне» подробно пишет о том, что хотя небольшие воинские отряды и могут оказать мощное сопротивление в гористой местности, тактической ошибкой является участие всей армии в оборонительных действиях на такой территории. Саргон, очевидно, понял, что в таких обстоятельствах тактическая ошибка.

Русы сулит ему победу, несмотря на развал системы связи в его собственной армии. Поэтому, хотя большая часть его войска не могла немедленно вступить в бой, он сразу же начал наступление, которое возглавил его личный кавалерийский эскадрон, правда, сам Саргон - очевидно, из соображений соблюдения церемонии - был в легкой колеснице. Кавалерия, состоявшая из конных лучников и копьеносцев, врезалась прямо в центр противостоящих сил, убивая вражеских лошадей, запряженных в колесницы, и направляясь прямо к штабу Русы. Неправильная тактика Русы лишила его колесницы возможности маневра, и бешеная атака кавалерии вызвала опустошение. Большая часть штабных офицеров и кавалерии Русы были вынуждены сдаться, хотя самому Русе удалось ускользнуть на кобыле, что сделало его объектом насмешек ассирийцев, которые считали, что уж если царь сел на коня, то это должен быть жеребец. Капитуляция кавалерии Урарту подчеркивает слабое полководческое искусство Русы. Саргон особенно выделяет то, что в армии Урарту были самые лучшие обученные кони в мире. Фактически его слова, относящиеся конкретно к Урарту, звучат так:

«Что же касается народа, живущего в стране Урарту... не существует равных ему в умении обращаться с боевыми лошадьми. Жеребята, молодые жеребцы, рожденные на просторах страны этого царя, которых выращивают для армии царя и ежегодно отлавливают, а потом отправляют в край Суби, где выявляются их качества, никогда не потерпят седока на своей спине; но в наступлении, маневрировании, отступлении или боевом порядке они никогда не выходят из-под контроля».

Нанеся поражение и полностью деморализовав армию Урарту, Саргон обратился к армии Зикирту. Здесь были другие боевые порядки, и это требовало иной тактики. Армия Зикирту была сформирована по племенному или территориальному принципу. Здесь тактика Саргона состояла в том, чтобы сломать боевые порядки, отделив данников от их господина (царя Зикирту), а затем разбить дезорганизованные части войска.

Рис. 48. Сражение с ассирийцами

Поражение армий Зикирту и Урарту не обязательно означало окончательное поражение Урарту, потому что, как подчеркивает фон Клаузевиц, на этой стадии завоеватель теперь находится в таком же невыгодном положении, в каком до этого был обороняющийся. Если обороняющиеся возьмутся за оружие и предпримут решительную партизанскую войну в горах, нападающий все еще может потерпеть поражение.

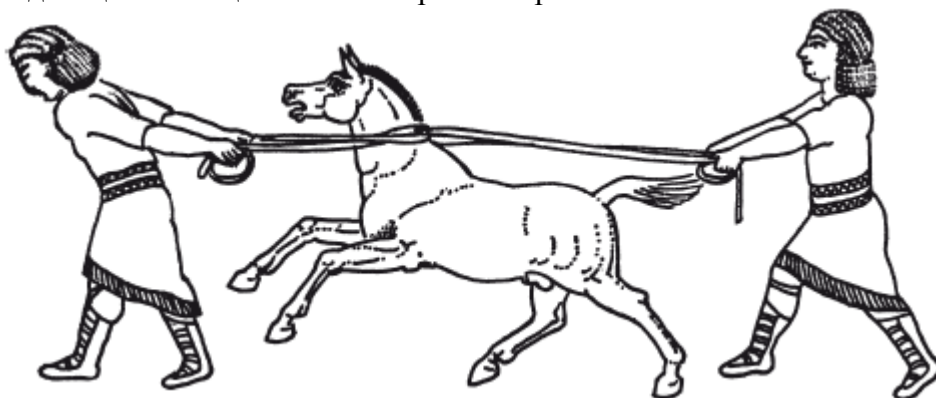

Рис. 49. Дикого коня приучают к поводьям

Но здесь сказались психологические стороны ведения войны ассирийцами. Саргон находился в глубине враждебной территории и вполне мог подвергнуться партизанским нападением, наносящим урон его армии. То, что этого не случилось, было отчасти следствием его собственной пропаганды. Ассирийские цари часто упоминают о том, что они сеяли ужас на вражеской территории, и это представляло собой не акт садизма, как об этом часто пишут, а использование терроризма с целью ведения психологической войны. В отсутствие средств массовой информации единственным средством сломить сопротивление вражеского населения еще до появления самой армии было использование террора, слухи о котором распространялись от деревни к деревне, от города к городу, сообщая о жестокости ассирийской армии. Именно это защитило ассирийскую армию от партизанской войны после ее победы над главными силами Урарту и Зикирту. Саргон особенно упоминает, что после того, как он нанес это поражение, «остальных людей, которые бежали, чтобы спасти свои жизни, я отпустил, дабы они прославляли победу бога Ашшура, моего господина». Некоторые из этих несчастных умерли от голода и холода в горах, но другие добрались до дома, где их наводящие ужас рассказы об опустошающей ударной мощи ассирийской армии возымели необходимое действие. Саргон продолжает: «Их вожди, люди, которые умели воевать и убежали при виде моего оружия, приблизились к ним и, покрытые ядом смерти, рассказали им о славе Ашшура... так что они стали почти что мертвыми». Методы ведения ассирийцами психологической войны, возможно, кажутся нам отвратительными в наше время, но, кроме этих слов Саргона, больше ничего не нужно, чтобы увидеть,

что они были очень ценны с точки зрения ведения войны и не были проявлениями какого-то садистского начала, свойственного характеру ассирийцев.

Глава 6

ДРЕВНИЕ РЕМЕСЛА И ПРОИЗВОДСТВА

В III в. до н. э., когда цивилизация Вавилонии, за исключением нескольких жрецов и астрономов, была практически мертва, вавилонский жрец по имени Берос написал труд о традициях своего народа. Этот труд, написанный не на шумерском или аккадском языках, а на греческом, включал в себя описание предполагаемого возникновения цивилизации. Согласно Беросу, «в первый год [существования мира] из Персидского залива появилось существо по имени Оаннес. Все его тело было рыбьим. Под рыбьей головой у него была другая голова, а к рыбьему хвосту были присоединены ступни, как у человека... Это существо обычно проводило день среди людей и научило их создавать письменные документы, давало разнообразные знания и учило ремеслам. Оно научило их строить города, закладывать храмы, составлять законы и измерять землю; оно открыло им, как использовать семена и собирать плоды. Короче, оно обучило их всему необходимому в повседневной жизни. С тех пор больше ничего не было открыто».

За две тысячи лет до этого у шумеров существовал миф, рассказывающий о том, как бог воды Энки (также бог мудрости) создал мировой порядок. Этот бог создал овечьи пастбища, ввел выращивание крупного рогатого скота и дал миру такие вещи, как орошение, рыболовство, вспашка и обработка земли, использование зерна, изготовление кирпичей и обработка металлов, а также такие земские ремесла, как прядение и ткачество.

Рис. 50. Энки, бог мудрости

Несмотря на интервал в две тысячи лет, в основе лежит явно та же самая идея. Было признано, что в основе цивилизации лежат в первую очередь определенные, самые первые успехи человека в овладении окружающей средой и подручными материалами такого основополагающего характера, что их можно считать божьим откровением. Попросту гово-

ря, народ Вавилонии, весь как один, придерживался (правильно ли, нет ли) такой точки зрения: то, что лежит в основе цивилизации, имеет не просто духовную ценность, но включает в себя в значительной степени то, что мы в наши дни могли бы назвать технологией.

Мы видим, что Берос, оглядываясь назад из того времени, когда вавилонская цивилизация имела только прошлое и не имела будущего, полагает, что после самых первых открытий тайн людям, сделанных Оаннесом, ничего больше не было открыто. Его предки две тысячи лет назад прекрасно это понимали.

Рис. 51. Медная львиная голова, 2900 г. до н. э.

Более древний миф об Энки и мировом порядке описывает главным образом состояние человеческих достижений в тот отрезок времени, когда шумеры пришли в Месопотамию. Шумеры конечно же не появились внезапно, чтобы создать цивилизацию из ничего, и многое было достигнуто в области развития культуры на Ближнем Востоке (необязательно в Месопотамии) вообще до того, как на сцене появились шумеры. Большая часть этих первых успехов на Ближнем Востоке была в одинаковой степени основополагающей как для нашей собственной цивилизации, так и для образа жизни шумеров. Наши основные домашние животные, дающие нам пищу, овца и бык, были одомашнены здесь; в этом же регионе стали впервые возделывать ячмень и пшеницу. Именно в какой-то области Ближнего Востока, возможно в самой Месопотамии, впервые стали широко применять орошение и впрягать в плуг быков. Гончарное ремесло и технологии обработки металлов зародились недалеко от Месопотамии. Прядение и ткачество, широко известные в доисторические времена, также были ремеслами, которыми занимались в Месопотамии до шумеров. И хотя все эти достижения были известны до прихода сюда шумеров, именно они были первым народом, познакомившимся с ними со всеми одновременно. И с тех пор жизнь для них (и для нас) стала немыслима без этой материальной основы. Все эти достижения, существовавшие еще до того, как шумеры достигли Месопотамии, они считали основой мирового порядка, установленного богом Энки.

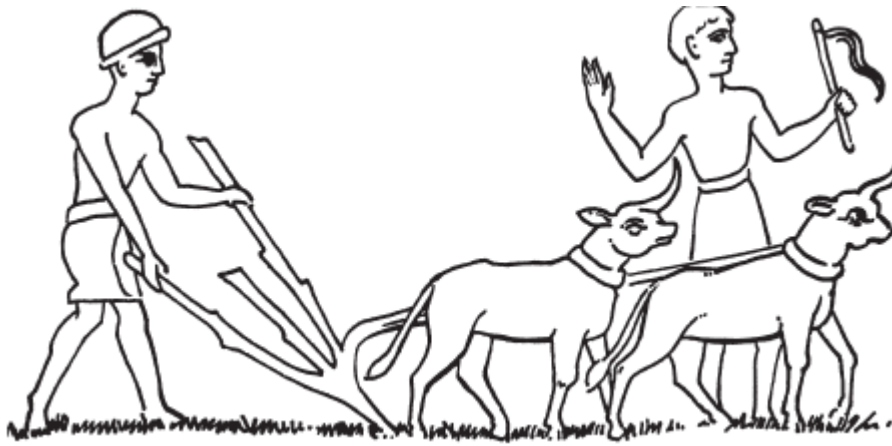

Рис. 52. Пахота

Самые первые шумеры не пассивно принимали мировой порядок как неизменный во всех своих нюансах, а добавляли свои собственные изобретения и открытия к доисторическому наследию, которое дошло до них. На некоторые такие успехи в области техники нас наводят археологические находки, хотя один-два из них отражены и в шумерских мифах. Есть, например, миф о возникновении теневого садоводства, деревья сажали для того, чтобы дать овощам какую-то защиту от палящих лучей солнца Месопотамии и уменьшить эрозию почв.

Нам кое-что известно о сельском хозяйстве шумеров в 3-м тысячелетии до н. э. из одного древнего шумерского текста, который, подобно многим другим, был собран по кусочкам известным шумерологом С.Н. Крамером из Филадельфии. В этом тексте содержатся наставления в форме советов отца сыну. В основе следующего рассказа лежит самое последнее всестороннее исследование и перевод этого сочинения профессором Крамером, помещенный в его книге «Шумеры».

Когда человек начинал работать в поле, ему сначала надо было оросить его, но он должен был позаботиться о том, чтобы вода не поднялась слишком высоко. Когда вода уходила, на поле пригоняли быков в некотором подобии обуви, чтобы вытоптать сорняки. Эти быки, топчущие землю, оставляли ее поверхность очень неровной, и поэтому нужно было, чтобы на ней сначала мужчины поработали мотыгами, а затем при помощи волокуши, похожей, очевидно, на борону, выровняли бы ее.

Затем поле пахали при помощи двух видов плугов, затем боронили и рыхлили граблями. И в завершение все комки, которые еще оставались, разбивались молотками. Все это, очевидно, требовало значительного количества рабочей силы и тяжелого труда, и крестьянину в нашем следующем тексте советуют постоянно приглядывать за своими работниками. Эта часть работ должна была занимать полные десять дней, продолжаясь не только днем, но и при свете звезд.

Теперь поле было готово к севу. Сев осуществлялся при помощи плуга-сеялки, приспособления с вертикальным растробом над плужным лемехом, установленным таким образом, чтобы семена могли попадать прямо на дно борозды. Рядом с таким плугом шел человек с мешком ячменя и должен был бросать семена через равные промежутки времени, удостоверившись, что они попадают на глубину приблизительно одного дюйма с половиной. По окончании сева поле еще раз разравнивали и разбивали все оставшиеся комки.

Как только ячмень начинал прорастать, крестьянину нужно было вознести молитву богине сельскохозяйственных вредителей и принять собственные меры к тому, чтобы отгонять птиц. Из всех возможных неприятностей на этом этапе - хотя в шумерском тексте нет упоминания об этом - для древнего крестьянина наихудшей была саранча. По мере роста всходы нужно было поливать три раза на стадиях, которые четко определялись высотой ячменного стебля. Третий полив должен был состояться, когда ячмень достигал своего полного роста. Это было несколько беспокойное время, и крестьянину приходилось вни-

мательно отслеживать любые признаки появления грибкового заболевания, которое мы обычно называем «ржа» и которое отмечается покраснением пораженного растения. Если крестьянина эта опасность благополучно миновала, он теперь мог в четвертый раз полить свои посевы, что, как было подсчитано, увеличивало окончательный урожай на десять процентов.

Существовали также подробные инструкции для сбора урожая. Его нужно было начинать, как только ячмень полностью созреет: его нельзя было оставлять до той поры, когда колосья начнут клониться к земле. Команда сборщиков урожая состояла из трех человек. В ней был жнец, второй человек вязал снопы, а третий человек ставил снопы в кучи. На поле допускались люди для сбора упавших колосков, но им, конечно, не было разрешено трогать снопы.

Молотьба и провеивание были следующим этапом; они проходили на специальном току. Как пишет профессор Крамер, молотьба проходила в два этапа. Сначала в течение пяти дней по кучам ячменя прогоняли повозки, и зерно извлекалось из колосьев при помощи специального молотильного приспособления. Но похоже, что в первой части такой операции нет смысла. Поэтому есть предположение, что эта часть текста просто означает, что повозки с ячменем стояли поблизости и подъезжали для разгрузки на току по мере необходимости.

В любом случае совершенно ясно, что настоящая молотьба производилась при помощи молотилки. Это устройство представляло собой деревянную раму с каменными или металлическими зубцами, насаженными снизу на битум-основу и закрепленными при помощи кожаных ремней. Быки таскали это приспособление кругами по колосьям с зерном, а возница сидел на нем, чтобы увеличить давление. Точно такой же способ молотьбы можно было увидеть в окрестностях Иерусалима даже в 1947 г.

Последняя стадия - провеивание - осуществлялась двумя мужчинами, называвшимися «люди, поднимающие ячмень». Способ отделения зерна состоял, очевидно, в том, чтобы бросать в воздух смесь зерна, мякины и пыли, когда дул сильный ветер. Он уносил легкий мусор, оставляя кучу чистого зерна.

В вышеприведенном тексте речь шла о ячмене. Были упоминания о том, что пшеница была известна в Месопотамии еще до прихода шумеров, и на протяжении всей истории Месопотамии ее обычно выращивали в некоторых количествах, но всегда в меньших, чем ячмень. И в Шумере 3-го тысячелетия до н. э., начиная приблизительно с 2700 г., как подчеркнул ботаник Ханс Хельбек, стали выращивать чуть ли не один ячмень, почти исключая пшеницу. Это было, вероятно, следствием ирригации. Хельбек указывает, что частое орошение постепенно увеличивает соленость почвы, а так как пшеница менее стойкая культура к солености почвы, чем ячмень, то земля становилась непригодной для пшеницы быстрее, чем для ячменя. В конце концов урожаи ячменя тоже уменьшались, и это, возможно, объясняет тот факт, почему некоторые из ранних шумерских поселений становились необитаемыми.

Третьей важной культурой в Древней Месопотамии был кунжут, который выращивали как источник масла; название этого растения и на шумерском, и на аккадском языках означает «масличное растение». Среди других сельскохозяйственных продуктов, как уже где-то говорилось, были финики и различные овощи.

Животноводство также играло большую роль в экономике страны Шумер с древнейших времен. И быков, и мелкий скот (овцы и козы) разводили с начала истории, но мелкого скота всегда было значительно больше, и было известно много разных пород. Со времен Третьей династии Ура (около 2100 г. до н. э.) у нас есть записи о том, что стада овец достигали десятков тысяч голов; в этот период значительное поголовье баранов подвергали кастрации, но эта практика почти перестала существовать в последующий древневавилонский период.

Овцы и козы ценились, конечно, не только как источник пищи и объекты для жертвоприношений в храмах (рис. 53), но и за их шерсть. Первоначально овечью шерсть собирали, выщипывая, и этот метод не был полностью заменен на стрижку к 1400 г. до н. э.

Профессор Т. Якобсен из Гарвардского университета опубликовал интересную работу о текстильной промышленности непосредственно перед 2000 г. до н. э. Его данные почерпнуты из архива, найденного неподалеку от храма Нанны в Уре. В этом архиве находились документы, касавшиеся экономических интересов царя, в частности те, что имели отношение к шерсти и текстильной промышленности.

Рис. 55. Шумер несет ягненка для жертвоприношения

Пастухи, отвечавшие за царские стада, отправляли шерсть на центральный склад, где имелись отдельные отсеки для хранения шерсти курдючных овец, овец других пород и козьей шерсти. В конце каждого года все запасы шерсти выносили на открытый воздух для инвентаризации и попутно, как можно предположить, для проветривания.

Время от времени шерсть раздавали. Иногда это делалось с культовыми целями (для облачения богов и т. д.), в других случаях шерсть выдавали рабам, рабыням и другим работникам на службе у царя. Цифры, отражающие количество выданной шерсти, позволили попутно подсчитать, что в это время число рабов на службе у царя составляло около 9 тысяч человек.

Выданная со складов шерсть отправлялась по деревням и городкам вокруг Ура, где ее пряли и ткали матерью.

Первоначально прядение и ткачество были преимущественно женскими занятиями; таковыми они и оставались в этот период. Ткань, произведенная ткачихами, отправлялась к сукновалам, которые вымачивали ее в щелочном растворе, приготовленном из золы определенного растения. Затем шерсть могли покрасить различными красками растительного происхождения или, если ткань была очень ценная, знаменитым пурпуром, полученным из моллюсков, собранных на побережье Сирии.

Производимая из шерсти ткань была весьма разного качества: от такой, что подходила для царя, до такой, которая годилась лишь рабу. Помимо шерстяной ткани, производилось также и полотно, хотя и в меньших количествах; лен (сырье для изготовления полотна) также упоминается в архиве, о котором шла речь.

Другим материалом, широко использовавшимся в древности, - а равно и в наше время, - была кожа, и профессия кожевников упоминается довольно часто. Излишне будет говорить, что источником этого материала были шкуры коров или быков, а также овец и коз. Свиные шкуры тоже использовали. Шкуры дубились посредством вымачивания их в растворе квасцов с добавлением настоя чернильных орешков (то есть галлов или наростов на листьях дуба). И квасцы, и чернильные орешки нужно было привозить с севера, и во все времена они были важными статьями торговли. Среди вещей, которые изготовлялись из кожи, были предметы одежды, башмаки и сандалии, щиты и шлемы, конская упряжь, ремни, шины для колесниц, сидения для стульев и балдахины для колесниц, сумки и различные сосуды, мехи для жидкостей и мембраны для барабанов.

Одной из самых важных отраслей промышленности Древней Месопотамии была технология выплавки металлов, хотя Месопотамия не играла никакой роли на самом раннем этапе применения металлов.

Медные руды широко встречаются в горах на севере Месопотамии, от Анатолии до Каспийского моря, и археологические находки свидетельствуют о том, что где-то в этом регионе, вероятнее всего в Иране, после 4000 г. до н. э., зародилась настоящая технология выплавки меди. Под словами «настоящая технология выплавки меди» мы подразумеваем сначала плавку и литье меди, встречающейся в природе в чистом виде, а затем уже расплавление медных руд. Подробности развития этих процессов выходят далеко за рамки периода и региона, рассматриваемого в этой книге, но можно упомянуть, что старое предположение, что медь впервые была выплавлена из руды случайно на костре, сейчас отвергнуто, так как при этом вряд ли можно было достичь необходимой температуры. Более вероятно, что процесс выплавки медных руд впервые был открыт в печах того типа, что использовались для изготовления керамики. В таких печах, которые были в ходу в северной Месопотамии и Иране к 4000 г. до н. э., можно было получить температуру до 1200 градусов по Цельсию, а этого было вполне достаточно не только для того, чтобы выплавлять медь из руды (требуемая температура 700-800 градусов по Цельсию), но и выплавлять чистый металл (точка плавления 1085 градусов по Цельсию). Медь в виде металла часто встречается в природе в соединении со своими рудами, которые имеют вид синих камней, и первый металлург вполне мог положить такой смешанный кусок породы в печь с целью выплавить медь из камня. Если он обнаруживал, что в результате он получил гораздо больше меди, чем то количество, с которого он начал, и что большая часть камня исчезла, то он мог прийти к правильному выводу о том, что он может «вытапливать» медь из таких синих камней. Вполне возможно, что именно таким способом и был открыт процесс выплавки меди.

Выплавка меди началась конечно же не в Месопотамии, но использование этого металла (чрезвычайно ограниченное вначале) вскоре распространилось и в этом регионе. Приблизительно к 2900 г. до н. э. он применялся относительно широко в таких изделиях, как вазы, чаши, зеркала, баночки для косметики, рыболовные крючки, резцы, кинжалы, мотыги и топоры (рис. 54).

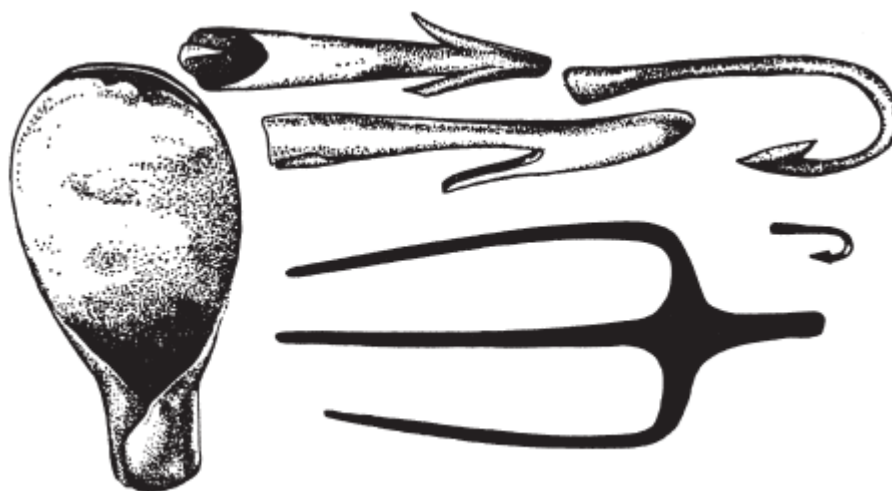

Рис. 54. Инструменты: бронзовый трезубец для ловли рыбы, рыболовные крючки и мотыга

Вскоре после этого периода - по крайней мере, что касается Месопотамии, - повсеместно стали использовать бронзу. Бронза - это сплав меди и олова и имеет то преимущество, что она и тверже чистой меди, и из нее легче отливать изделия. Производить ее можно, либо расплавляя смесь медных и оловянных руд, либо сплавляя вместе чистую медь и чистое олово. Весьма разнообразный состав древней бронзы наводит на мысль о том, что этот сплав сначала получали из смешанных руд, и только позже ее стали делать, смешивая металлическую медь и олово. Несколько предметов из бронзы - вазы, мечи и топоры - встречаются в знаменитых царских усыпальницах Ура, которые относят приблизительно к 2600 г. до н. э. Одним из самых прекрасных образцов древней работы по бронзе является голова, которую обычно считают головой Саргона из Аккаде (2350 г. до н. э.), находящаяся в настоящее время в Иракском музее.

Медную руду, которую использовали в южной Месопотамии в 3-м тысячелетии до н. э., привозили либо по суше откуда-нибудь из Ирана, или по водам Персидского залива из стран под названием Маган и Мелукка, местонахождение которых до сих пор не определено, несмотря на бесконечные споры. Анализ медных и бронзовых предметов этого периода показывает, что во времена шумеров использовали поверхностно залегающие руды, а не глубоко залегающие (которые встречаются в виде сульфидов); таким образом, подземной добычи руды не было. У нас есть некоторое представление о том, как выглядели печи, в которых плавил руду, так как были найдены не только остатки печей, но также было обнаружено, что одна из шумерских идеограмм со значением «печь» имеет очень древнюю форму, в которой можно узнать изображение печи:

Топливом, которое использовали в такой печи, был хворост и вязанки тростника. У кузнецов имелись мехи для увеличения тяги и поднятия температуры.

Медь, полученная при выплавке, была с большими примесями и требовала дальнейшей обработки, чтобы ее можно было использовать для производства бронзы или для литья в качестве чистой меди. Эта вторая операция происходила, вероятно, в другой печи меньших размеров, но прямых доказательств этого у нас нет. Однако есть египетские рисунки с изображениями металлургов, использующих трубку для подвода воздуха к горну в маленькой печи, и такие рисунки, вероятно, представляют собой последний этап очистки неочищенной меди перед литьем. Технические приемы, использовавшиеся в Месопотамии, возможно, были похожими.

Для литья меди или бронзы существовали три способа. Перечислю их в порядке возникновения: способ открытой литейной формы, закрытой литейной формы и способ *cire perdue* («утраченного воска», или способ литья по выплавляемым моделям). Первые два способа вполне понятны, а третий способ нуждается в кратком описании. В основном он состоял в следующем. Из глины или песка делалась сердцевина и покрывалась воском, внешней поверхности которого придавали необходимую форму. Затем поверх воска клали слой глины, оставляя отверстия сверху и внизу. Если это было необходимо, то от сердцевины к внешнему покрытию из глины могли подводить проволоку, чтобы сохранять их положение относительно друг друга. Когда глина высыхала, всю эту конструкцию помещали в песок и нагревали. Воск вытекал снизу, а расплавленный металл заливали на место воска. Когда металл застывал, то внешний слой глины и внутренний сердечник откалывали.

Другими техническими приемами работы с металлами, использовавшимися уже в первой половине 3-го тысячелетия до н. э., были: клепка, паяние, ковка и отжиг, а если это были драгоценные металлы, то еще филигрань и гранулирование.

Железо не использовалось в Месопотамии (или где-либо еще на Ближнем Востоке) до гораздо более позднего времени, хотя несколько образчиков в виде бусин и амулетов все же встречаются начиная с 3000 г. до н. э. Большинство этих образчиков были сделаны из железа метеоритного происхождения, хотя есть несколько образцов, сделанных из железа, произведенного человеком, которые датируются 3-м тысячелетием до н. э. Кто-то может задать вопрос: почему, если в 3-м тысячелетии до н. э. люди умели делать железо, они его не использовали? Дело в том, что не было стимула его использовать, разве что для украшений, потому что его не только было труднее обрабатывать, чем бронзу, но и оно было менее прочным (при тех методах, которые тогда существовали). Ситуация заметно не менялась, пока где-то после 1500 г. до н. э. не было обнаружено, очевидно в области хеттов, что железо можно сделать чрезвычайно твердым посредством процесса, который известен нам как науглероживание. В те времена этого можно было добиться, подержав железо долгое время на огне из раскаленных углей. Эта новая методика постепенно распространилась по всему Ближнему Востоку и стала применяться в Месопотамии начиная приблизительно с 1300 г. до н. э.

Рис. 55. Кровать

На протяжении 2500 лет истории Древней Месопотамии существовало много других ремесел и производств, но у нас есть место, чтобы только упомянуть некоторые из самых важных. Были плетельщики корзин, которые занимались своим ремеслом с доисторических времен и плели свои изделия из тростника, пальмовых листьев и схожих материалов. Вероятно, именно такой плетельщик делал верхнюю часть кровати, на которой спал вавилонянин, так как глиняные модели кроватей говорят нам о том, что эта их верхняя часть представляла собой род циновки (рис. 55). Каркас кровати, разумеется, делал плотник. Он также изготавливал такие вещи, как стулья и столы, двери для домов, лодки, повозки и колесницы, клетки для животных, деревянные части плугов, сундуки и короба и многое дру-

гое. Его основными инструментами были: молоток, долото, пила, а позднее лучковая дрель. Твердые породы дерева, которые были необходимы плотнику, он должен был доставать либо через торговлю, либо в военном походе в Персидское нагорье или Ливан, так как единственной древесиной, имевшейся в его распоряжении в Вавилонии, была пальма, ива и евфратский тополь. Но ни одно из этих деревьев ни на что не годилось, кроме как для самой грубой работы, хотя все они были хороши для топлива, либо в виде дров, либо пережженные на угли.

Рис. 56. Ассирийские ремесленники

Еще одним очень древним ремеслом было гончарное, и гончару мы, возможно, обязаны изобретением колеса, которое впервые было использовано для изготовления гончарных изделий вскоре после 3500 г. до н. э. Гончар был ремесленником, на чей статус неблагоприятно повлияли технические успехи, достигнутые приблизительно в 3000 г. до н. э. До этого времени изделия гончаров красиво украшались, так что некоторые из дошедших до нас образцов очень нравятся большинству людей даже в наши дни. К сожалению, ситуация для гончарного искусства, учитывая технологические успехи древних шумеров, сложилась так, что все по-настоящему красивые сосуды делались из металла или камня, и изделия гончара стали считаться чисто утилитарными и недостойными более изящных украшений. Тем не менее, часто изделия вавилонского или ассирийского гончара имеют очень изысканные формы (рис. 58).

Рис 57. Вавилонская ваза, 2100 г. до н. э.

Рис. 58. Глиняная посуда из Нимруда

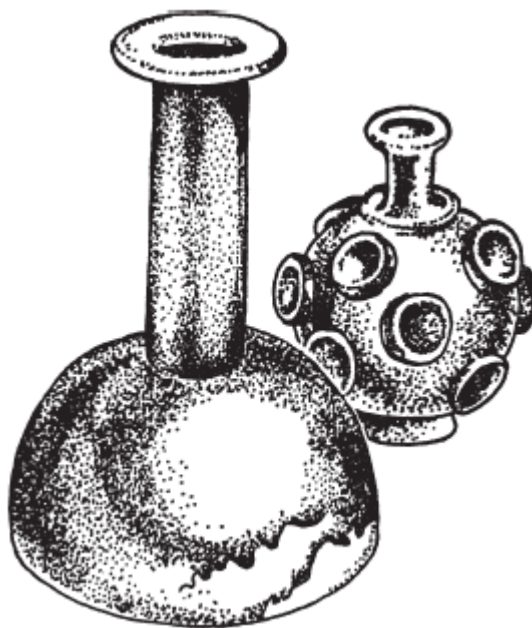

Рис. 59. Изделия из стекла

Другое ремесло, о котором можно упомянуть мимоходом, было ремесло скульптора. Были скульпторы, которые изготавливали изделия из слоновой кости или дерева, а другие работали по камню. У нас нет прямых доказательств того, что они образовывали две отдельные группы, но их приемы, вероятно, были настолько различными, что разумно заключить, что так оно и было. Их работа в основном предназначалась для приношений храму. Также можно упомянуть резчиков по драгоценным камням, которые, помимо прочих вещей, изготавливали цилиндрические печати, столь широко использовавшиеся знатными шумерами, вавилонянами и ассирийцами.

Ремесла, о которых шла речь выше, были лишь немногими из ремесел, известных уже до 3000 г. до н. э. А несколько веков спустя после появления в Месопотамии шумеров появилось и ремесло стекольщика. Некоторые читатели, которым известно, что глазурованные предметы и маленькие стеклянные бусины находили в Древнем Египте, могут захотеть оспорить это утверждение, но следует подчеркнуть, что ни один сосуд из обработанного стекла из найденных в Египте не датируется раньше чем 1500 г. до н. э. Это приводит экспертов в этом вопросе к заключению, что египтяне научились ремеслу стекольщиков от жителей Месопотамии, где кусочки хорошо сделанного стекла находят еще в середине 3-го тысячелетия до н. э.

Известен ряд клинописных текстов, в которых даются реальные рецепты изготовления стекла или глазури. Самый ранний из них датируется 1700 г. до н. э., хотя в самых древних текстах отражена уже продвинутая стадия этого процесса, что говорит о том, что традиции изготовления стекла существовали уже давно. Стекло изготавливалось не наугад; стекольщик в Месопотамии знал, как изготовить стекло различных типов и цветов путем добавления разнообразных ингредиентов. Современные технологи выполнили инструкции древних текстов и успешно изготовили с их помощью глазурованные сосуды.

Когда стекло было получено, метод изготовления из него сосудов состоял в том, чтобы размягчить стеклянные прутья на жару и обвить ими сердечник соответствующей формы. Затем поверхность законченного сосуда укреплялась при помощи дальнейшей тепловой обработки, и можно было добавить украшения, если это требовалось (рис. 59). Техника выдувания стекла была изобретена не раньше I в. до н. э.

ЗАКОН

В декабре 1901 г. и январе 1902-го были найдены три больших куска диорита (черного камня), на которых были нанесены надписи, перевернувшие существующий взгляд на цивилизацию древнего Ближнего Востока. Оказалось, что эти три каменных обломка, обнаруженных французскими археологами при раскопках Суз (в древности это была столица Элама в южной Персии), образуют единый монумент. Это была знаменитая ныне стела с начертанными на ней законами Хаммурапи, относящаяся к периоду непосредственно перед 1750 г. до н. э. Ее присутствие в Сузах, вероятно, объясняется тем, что в какой-то момент эламиты забрали ее вместе с военной добычей во время одного из своих набегов, так как из ее содержания ясно, что первоначально изготовлена и установлена она была в Вавилонии, возможно в самом Вавилоне, хотя некоторые ученые доказывают, что она пришла из Сиппара.

Стела Хаммурапи, находящаяся в настоящее время в Лувре, имеет в высоту около 7 футов 6 дюймов. В верхней части монумента находится изображение бога Солнца (он же бог правосудия), которому царь Хаммурапи оказывает почести. Ниже выгравирован текст надписи: письма идут сверху донизу полосами, разделенными по горизонтали. В этой надписи сами законы размещаются посередине, между прологом и эпилогом. Пролог начинается с утверждения, что боги призвали Хаммурапи «сделать правосудие видимым на земле, искоренить плохих людей и злодеев, чтобы сильный не мог обидеть слабого». Пролог содержит ряд строк, в которых Хаммурапи хвастается своей верностью богам и своей заботой об их городах и святынях. В эпилоге говорится о цели, с которой были записаны эти законы; она состоит в том, чтобы «было хорошо и сироте, и вдове... и потерпевшему». Далее в нем рекомендуется последующим правителям почитать слова Хаммурапи под страхом навлечь на себя проклятия богов, к которым взывает Хаммурапи. Сами законы первоначально состояли приблизительно из 280 статей, из которых около 35 были стерты со стелы в древности, очевидно, завоевателем, который перевез монумент в Сузы. К счастью, около половины пропавшего текста в настоящее время можно восстановить частично по некоторым диоритовым фрагментам, принадлежащим, вероятно, другому, похожему на этот, памятнику, а частично по глиняным табличкам различных периодов, содержащим некоторые законы Хаммурапи.

Публикация этих законов вызвала бурную полемику, последние слабые волны которой еще заметны в некоторых учебниках по истории Священного Писания. Несомненно, эти законы существовали уже в течение нескольких веков до того времени, когда жил Моисей, великий еврейский законодатель. Также, вне всякого сомнения, законы Хаммурапи часто касались тех же самых обстоятельств, иногда даже в почти одинаковых формулировках, что и законы якобы божественного происхождения, связанные с именем Моисея. Кажется явным прямое заимствование. Ортодоксальные богословы, мысленно поживаясь от неловкости, старались подчеркнуть, что там, где нельзя было отрицать сходства, еврейские законы содержали больше этики. (На самом деле это не всегда верно.) Противники религии радостно доказывали, что еврейский законодатель (то ли Моисей, то ли какой-нибудь другой законодатель более позднего периода, прикрывшийся уважаемым именем) просто перенял - от имени своего бога - столько из существовавших вавилонских законов, сколько ему было нужно, приспособив их к более примитивному общественному устройству еврейского народа. Один такой писатель догматически утверждал: «Если и есть какая-то связь между еврейским и вавилонским сводами законов [а остальная часть небольшой книжки ясно дает понять, что у автора нет никаких сомнений по этому вопросу], то из этого можно сделать лишь один вывод, а именно: евреи заимствовали свои законы из более ранних вавилонских».

Более поздние открытия и исследования показали, что, хотя есть множество проблем, связанных как с законами Моисея, так и с законами Хаммурапи, споры о связи между ними были основаны на недоразумении. Со времени обнаружения стелы Хаммурапи было найдено несколько других сводов законов древнего Ближнего Востока; четыре из них, безусловно, старше законов Хаммурапи, и они демонстрируют, исключая всяческие сомнения, что существование письменных законов было далеко не исключением, а обычным и, вероятно, необходимым элементом цивилизованной жизни. Так, существование двух сводов законов в различные времена и в различных местах не обязательно означает, что более поздний является прямым заимствованием из более раннего. Более того, любые сходства в деталях можно соответствующим образом объяснить знакомством с обычной юридической практикой и существованием схожей в основном структуры общества, которая вызвала необходимость в законодательном регулировании схожих вопросов.

Так как более ранние споры уже не имеют значения, то теперь внимание переключилось на другой вопрос: происхождение и цель законов Хаммурапи в той форме, в которой они нам известны. Прежде чем начать обсуждение, кажется целесообразным частично изложить содержание самих законов.

Расположение законов свидетельствует о хорошо продуманной попытке систематизировать материал: законы, касающиеся схожих сторон жизни, сведены вместе. Так, первые пять статей, содержащие законы о ложных обвинениях, лжесвидетельстве и продажных судьях, имеют общее связующее их звено - отправление правосудия. Вкратце все законы можно сгруппировать следующим образом:

Отправление правосудия (5 статей).

Преступления против собственности (20 статей).

Землевладение (около 50 статей).

Торговые и коммерческие сделки (почти 40 статей).

Семья как социальный институт - 68 статей раздела охватывают такие вопросы, как супружеская неверность, брак, внебрачное сожитие, уход из семьи, развод, кровосмесительная связь, усыновление, наследование.

Наказание за нападение (20 статей).

Профессиональные услуги - 16 статей раздела касаются размеров платы за удовлетворительное исполнение служебных обязанностей и наказаний за неудовлетворительное их исполнение.

Тягловые быки - 16 статей раздела регулируют такие вопросы, как плата за наем, несчастные случаи с быками, сданными внаем, опасные быки.

Сельское хозяйство и пастухи - 11 статей раздела включают в себя такие вопросы, как размер оплаты труда работников и пастухов и случаи нечестности.

Наем животных, повозок или лодок: оплата труда работников и ремесленников (10 статей).

Владение рабами и продажа рабов (5 статей).

Едва ли нужно указывать, что цитирование отдельных законов без учета общественной ситуации, в которой они появились, может ввести в заблуждение, но с учетом этого предостережения предлагаем следующие законы в качестве образцов законов, написанных на стеле Хаммурапи. Заглавия являются объясняющими комментариями автора этой книги, а не частью оригинального текста.

Параграфы 3, 4. ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Если человек выступает в суде в качестве свидетеля того, чего не было, и не может доказать свои слова, и если по этому делу предусмотрена смертная казнь, то этого человека следует предать смерти. Если он свидетельствовал о чем-то, что касается зерна или серебра, то он должен понести наказание, «которое применяется в таком случае».

Параграф 16. КРАЖА ПРИ НАХОДКЕ

Если человек скрыл в своем доме потерявшегося раба или рабыню, принадлежащую царю или какому-нибудь гражданину, и не привел его (или ее) к глашатаю, чтобы тот объявил о находке, владельца дома следует предать смерти. [Для тех, чье отношение к рабству окрашено воспоминаниями о «Хижине дяди Тома», следует подчеркнуть, что человек, скрывший раба, безусловно, и не собирался выражать свой протест «активными действиями» против рабства как общественного института. Это был просто жулик, который надеялся, помалкивая о своей находке, заполучить себе задаром чужого раба.]

Параграф 25. МАРОДЕРСТВО

Если в доме какого-нибудь человека вспыхнул пожар, а другой человек, который пришел тушить его, позарился на собственность хозяина дома и вынес ее из дома, то того человека следует бросить в огонь.

Параграф 48. ОТСРОЧКА ПО ПЛАТЕЖАМ В СЛУЧАЕ ЗАТРУДНЕНИЙ

Если человек должен отдать долг с процентами, а Адад (бог погоды) перенасытил его поле, или наводнение смыло его урожай, или из-за недостатка влаги у него не уродилось на поле зерно, то в тот год он не должен возвращать зерно своему кредитору. Он должен стереть [буквально: «намочить»] свою табличку и не платить проценты за этот год.

Параграф 128. СТАТУС ЖЕНЫ ЗАВИСИТ ОТ КОНТРАКТА

Если мужчина взял себе жену, но не оформил для нее контракт, то эта женщина не является его «законной» женой. [Контракт, о котором идет речь, не обязательно должен был иметь какую-то сложную форму. Один контракт, относящийся к периоду Третьей династии Ура, более двух веков до Хаммурапи, гласит: «Пузурхайя взял Убартум себе в жены. Поклялся царем в присутствии (четырех свидетелей таких-то). В год, когда Энамгаланна стал жрецом-представителем божества Инанны на земле».]

Параграфы 129, 132. СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА

Если жену знатного господина застали лежащей с другим мужчиной, то их обоих следует связать и бросить в воду. Если господин оставляет жизнь своей жене, то тогда и царь должен оставить жизнь своему слуге.

Если на жену знатного господина указали пальцем из-за другого мужчины, но ее не застали лежащей с другим мужчиной, то ради своего мужа она должна броситься в священную реку. [Здесь имеется в виду не обязательное самоубийство, а установление невиновности женщины в испытании водой. Об испытании водой см. ниже.]

Параграф 141. ОБРАЩЕНИЕ С РАСТОЧИТЕЛЬНОЙ ЖЕНОЙ

Если жена знатного господина, живущая в доме своего мужа, решила выйти [вероятно, здесь имеется в виду, что она скорее обустроивает отдельный дом, а не идет за покупками и сорит деньгами], и тратит их деньги, и проматывает их собственность, и уменьшает состояние своего мужа, то это нужно доказать. Если ее муж после этого говорит, что хочет с ней развестись, то он может с ней развестись, а она после развода не получит никаких денег. Если муж не выражает желания разводиться, он может жениться на другой женщине, и та женщина [то есть первая жена] должна оставаться в доме своего мужа в качестве рабыни.

Параграфы 146, 147. ВНЕБРАЧНОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО

Если мужчина женился на жрице-надитум, и она привела своему мужу рабыню, а рабыня родила детей, и затем рабыня стала ставить себя наравне со своей хозяйкой из-за того, что она родила детей, то ее хозяйка может не продавать ее за серебро, а может поставить на нее знак рабыни и причислить ее к другим рабыням. Если она не родила детей, то хозяйка может продать ее за серебро.

Параграф 153. «ВЕЧНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК»

Если муж знатной женщины оказался убитым из-за другого мужчины, то эту женщину следует посадить на кол.

Параграф 157. КРОВОСМЕШЕНИЕ

Если мужчина после «смерти» своего отца имеет сексуальную связь со своей матерью, то их обоих следует сжечь.

Параграф 165. НАСЛЕДОВАНИЕ И ПРАВО ОСТАВЛЯТЬ

собственность в наследство по завещанию

Если человек подарил поле, сад или дом своему любимому наследнику и написал скрепленный печатью документ для него (чтобы подтвердить это), то после смерти своего отца, когда братья начинают делить имущество, он (любимый наследник) должен взять подаренное ему отцом, и кроме этого, он должен получить равную с братьями долю от собственности в отцовском имении.

Параграфы 188, 189. УСЫНОВЛЕНИЕ И ПРИЕМ В УЧЕНИКИ

Если ремесленник взял на воспитание ребенка и научил его своему ремеслу, ребенка нельзя потребовать назад. Если он не научил его своему ремеслу, то такой ученик может возвратиться в дом своего отца.

Параграфы 195-199, 205, 206. НАПАДЕНИЕ

Если сын ударил своего отца, ему следует отрубить руку.

Если человек выбил глаз знатному господину, ему тоже следует выбить глаз. Если он сломал кость знатному господину, ему тоже следует сломать кость. Если он выбил глаз простолюдину или сломал ему кость, то он должен заплатить мину серебра. Если он выбил глаз или сломал кость рабу знатного господина, он должен заплатить половину цены «раба».

Если раб знатного господина бьет по щеке знатного человека, то рабу следует отрезать ухо.

Если знатный господин ударяет другого знатного господина в драке и наносит ему телесное повреждение, то этот человек должен поклясться: «Я ударил его не нарочно» - и заплатить хирургу [то есть ответственность этого человека ограничивается платой врачу].

Параграфы 215-218. ПЛАТА И НАКАЗАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ

с хирургическим вмешательством

Если хирург нанес серьезную рану [очевидно, имеется в виду «глубокий разрез»] знатному человеку бронзовым ножом и тем самым спас жизнь знатного человека... то он должен получить десять сиклей серебра. Если «пациент» простолюдин, то тогда он должен получить пять сиклей серебра. Если «пациент» раб знатного господина, то его хозяин должен заплатить хирургу два сикля серебра.

Если хирург нанес серьезную рану знатному человеку бронзовым ножом и тем самым стал причиной смерти знатного господина... то ему [хирургу] должны отрезать руку.

Параграфы 229-230. КАК ОБРАЩАТЬСЯ СО СТРОИТЕЛЯМИ, ВОЗВОДЯЩИМИ ПОСТРОЙКИ ИЗ НЕПРОЧНОГО МАТЕРИАЛА

Если строитель возвел для человека дом, оказавшийся настолько непрочным, что он развалился и стал причиной смерти его владельца, то наказание такому строителю - смерть. Если из-за этого погиб сын владельца дома, то следует убить сына этого строителя.

Параграфы 250-252. БОДЛИВЫЙ БЫК

Если бык, шедший по улице, забодал человека до смерти, то в таком случае нет оснований для претензий. Если бык какого-либо человека постоянно бодается, а местные власти уже уведомили его о том, что его бык подвержен этому, и он не обезопасил его рога (рис. 60) «и не ограничил «передвижение» своего быка, и если тот бык забодал до смерти знатного господина, то хозяин должен заплатить половину мины серебра. Если «убитый человек» является рабом знатного господина, то владелец быка должен заплатить одну треть мины серебра.

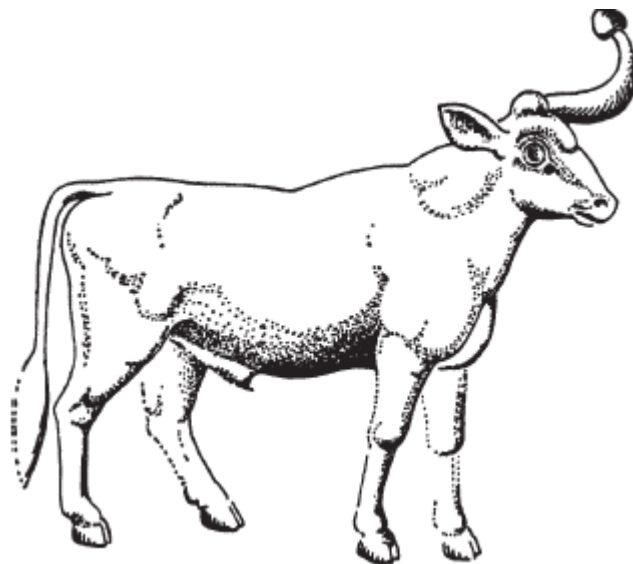

Рис. 60. Бык с одним спиленным рогом, на втором роге надет колпачок, чтобы не бодался

Можно заметить, что пока мы избегали слова «кодекс» в связи с содержанием законов со стелы Хаммурапи. Это было сделано намеренно, чтобы не создавать предвзятое мнение по вопросу о том, что на самом деле представляла собой работа по составлению законов. Термин «кодекс», который «Краткий Оксфордский словарь» определяет как «свод законов, составленных таким образом, чтобы избежать противоречивости и наложения одного на другой», подразумевает систематическую доработку законов на базе особой юридической теории. Может ли этот термин правильно применяться в отношении законов Хаммурапи? Самое недавнее большое исследование этого вопроса было сделано профессором Ф.Р. Краусом из Лейдена, и то, что будет изложено далее, основывается главным образом на его опубликованной статье.

Из процитированных примеров законов становится ясно, что каждое юридическое утверждение в законах Хаммурапи дается в форме «если случилось то-то и то-то, то таким-то и таким-то будет результат». Сама их форма предполагает, что они могут некоторым образом отличаться от законов, составленных по типу «не убий, не укради» и т. п., которые явно являются общими запретами. То, что мы называем «законами» Хаммурапи, на самой стеле не названо словом, обозначающим «законы», и на самом деле в языке рассматриваемого нами периода не существует даже слова для понятия «закон». «Законы» в действительности называют словом со значением «приговор» или «решение суда». Это была одна из самых важных обязанностей древнего семитского правителя - выносить справедливое решение в спорных вопросах, а использовавшийся термин указывает на то, что «законы» царя Хаммурапи и замыслились как такие решения. Но это не означает, что средняя часть текста, написанная на стеле, является простым сводом царских вердиктов. У нас есть много примеров записей конкретных судебных процессов, и обычно у них мало общего со статьями «законов» Хаммурапи. Есть и другие причины считать юридическую часть текста на стеле Хаммурапи чем-то большим, чем просто сборником решений по де-

лам, которые действительно были предложены вниманию царя. Существуют группы законов, в которых некоторые статьи, видимо, являются решениями по реальным делам, представленным на суд царя, тогда как другие статьи, похоже, были придуманы в качестве уточнений или аналогий. Группа «законов», которые ясно показывают это, - это часть, в которой говорится о последствиях того, что мужчина ударил женщину и тем самым вызвал у нее выкидыш. Первое «решение» касается простого случая, когда мужчина ударил свободную женщину, у которой вследствие этого случился выкидыш. Вслед за этим идут уточнения, в которых пострадавшая женщина является особой низкого происхождения или рабыней, а в других рассматриваются случаи, когда женщины, принадлежащие к трем различным социальным слоям, умирают вследствие удара. Если не считать, что избивание беременных женщин было популярным времяпрепровождением в Вавилонии, то Хаммурапи едва ли пришлось бы принимать отдельное решение в каждом из этих шести происшествий, что приводит нас к выводу: по крайней мере, некоторые из этих отдельных решений касались гипотетических случаев. В такой мере применение термина «кодекс» к содержанию надписей на стеле Хаммурапи может быть оправданным.

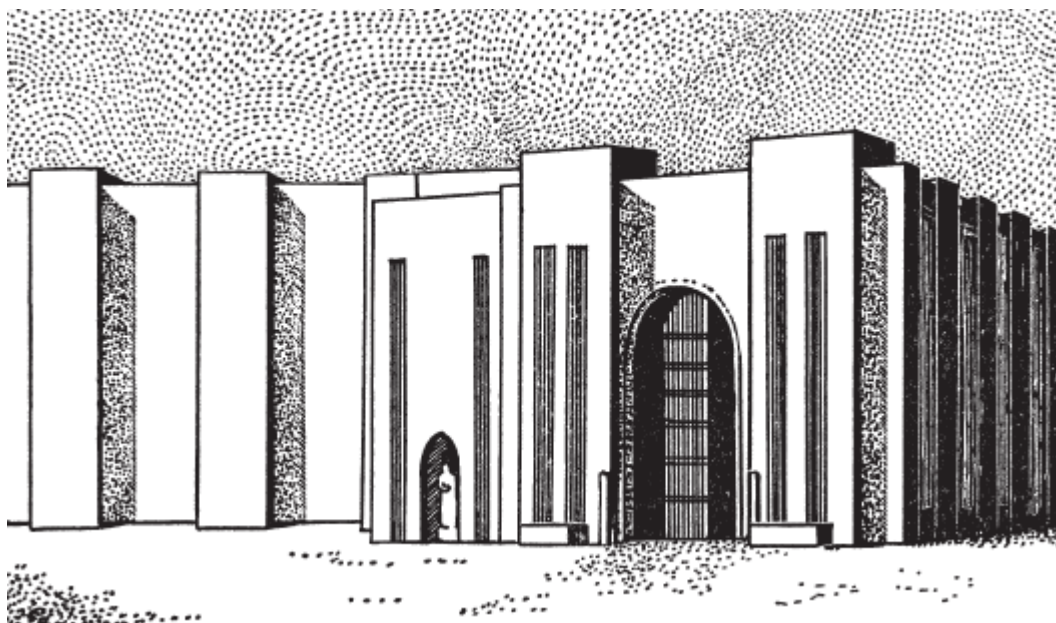

Рис. 61. Зал приемов царя Эшнунны

Каждая статья «законов» была не просто решением по какому-то особому делу, но была предназначена служить основой для принятия решения по всякому похожему делу, которое могло возникнуть в любом уголке страны как во время правления Хаммурапи, так и после него. Законов, служивших прецедентами, было не так уж и много, хотя даже некоторые случаи и были вымышленными. Как пишет профессор Краус, так называемые «законы» были «образцами решений, моделью хорошего отправления правосудия». Это становится ясно из одного совета, который Хаммурапи предлагает своим преемникам:

«До скончания дней, вечно, пусть царь, который окажется правителем этой страны, твердо придерживается правосудия, слова которого я начертал на своей стеле; «... если у того человека будет поддержка богов, и он сможет дать справедливость своей земле, пусть он с уважением отнесется к словам, которые я написал на своей стеле, и пусть эта стела показывает ему знакомый путь, которым он должен следовать, приговоры, которые я вынес в этой стране, и решения, которые я принимал».

Представляло ли собой реформу содержание текста на стеле Хаммурапи? Этот вопрос много обсуждался, и ответ зависит от того, что понимать под словом «реформа». Если подразумевать, что Хаммурапи пытался намеренно изменить социальную структуру общества и осуществление правосудия в своей стране, то ответ, разумеется, состоит в том, что в этом смысле «законы» не были реформой. С другой стороны, в различных уголках

Вавилонии, без сомнения, существовали различия в практическом ведении некоторых дел, и разумно предположить, что Хаммурапи хотел закрепить универсальный образец отправления правосудия по всей своей стране (но на самом деле это еще не доказано). Если это было так, то тогда, по крайней мере, для некоторых регионов страны отдельные решения, вероятно, представляли собой изменения достаточно радикальные, чтобы считаться реформами.

«Законы» Хаммурапи возникли не в вакууме. Уже существовала долгая традиция, согласно которой цари не только выносили решения в отдельных случаях, но и составляли сборники своих решений в письменном виде. Известны четыре основных сборника «законов», более ранних, чем «законы» Хаммурапи. Самый всесторонний и лучше всех сохранившийся из них нам известен как «законы Эшнунны». Эшнунна было царством, центром которого был город с таким же названием. Оно находилось в районе реки Диялы и процветало в течение двух веков до объединения Вавилонии при Хаммурапи (1761 г. до н. э.). Среди городов этого царства был город Шадуппум, который сейчас представляет собой небольшой курган под названием Тель-Армаль на окраине Багдада. В этом месте иракские археологи, проводившие раскопки вскоре после Второй мировой войны, нашли две копии сборника законов на глиняных табличках. Существенные повреждения уничтожили информацию, из которой мы могли бы узнать точную дату первоначальной компиляции этого сборника, но есть веские основания для того, чтобы сделать заключение: эти законы возникли по крайней мере веком раньше до Хаммурапи.

Расположение законов Эшнунны показывает существенные их отличия от законов на стеле Хаммурапи. Здесь нет продуманного пролога, его место занимает дата. За ней следует ценовой тариф в следующем виде:

1 гур ячменя за 1 сикль серебра;

3 сила рафинированного растительного масла за 1 сикль серебра;

.....

6 мин шерсти за 1 сикль серебра;

2 гура соли за 1 сикль серебра.

Некоторые толкователи называют это тарифом максимальных цен, но в этом случае мы лишь опираемся на недоказанные предположения о природе древней экономики. Кажется более вероятным, что это были фиксированные цены, установленные с тем, чтобы дать экономике скорее стабильность, нежели максимальные контролируемые цены с целью защитить потребителей.

Перечень цен также найден в законах Хаммурапи, но там он далеко не так бросается в глаза. В других местах есть другие фрагменты официальных перечней цен. Такие подробности являются важными указателями на происхождение сборников царских «законов». Они заставляют предполагать, что сначала объявлялся официальный перечень цен на основные товары, и постепенно к нему добавлялись записи других решений царя по вопросам, возникающим из типичных экономических и социальных проблем. Законы Эшнунны демонстрируют результат на зачаточной ступени, когда ценовые тарифы только зарождаются; законы Хаммурапи отлиты в рамках изощренной литературной формы и просто сохраняют кое-какие следы ценовых тарифов в самом конце.

Путь, посредством которого решения по отдельным делам могли быть добавлены к первоначальному перечню цен, проиллюстрирован в статьях законов Эшнунны, которые следуют непосредственно за перечнем цен на товары. Эти статьи касаются платы за наем повозок и кораблей, а также жалованья возчика или лодочника. Текст гласит:

«Параграф 3. Плата за наем повозки с быками и возницей составляет 1 пан и 4 сутц ячменя; если серебром, то плата за наем составляет одну треть сикля. За эту плату возница должен возить целый день.

Параграф 4. Прокат лодки стоит 2 сила (ячменя) за 1 тур (объема); 1 сила (ячменя) составляет плату за наем лодочника. За эту плату он должен возить на лодке целый день.

Параграф 5. Если лодочник оказывается нерадивым и утопит лодку, он должен полностью заплатить за весь (груз), который он утопил».

Кажется разумным предположить, что параграфы 3 и 4 первоначально были тесно связаны с перечнем цен на товары. Параграф 5 в таком случае представляет собой решение царя, принятое по заявлению лодочника, когда наниматель какой-нибудь лодки отказался платить предписанную цену на том основании, что лодка попала в беду и нанесла ему убытки.

Другой пример того же рода дается в параграфах 7-9. Здесь прежде всего заложена заработная плата разного рода сельскохозяйственных работников. Далее следует решение по делу, связанному с тем, что рабочий, нанятый на установленных условиях, получил плату вперед, но не появился, чтобы выполнить свою работу.

Здесь нет места, чтобы приводить обширные цитаты из отдельных статей законов Эшнунны, да это и не нужно, так как около трех четвертей законов Эшнунны очень схожи с законами на стеле Хаммурапи. Иногда есть небольшие расхождения в деталях, но за одним большим исключением нет существенных расхождений в подходе. Это исключение встречается в законах, касающихся нападения на человека, за которое в Эшнунне наказание было, на первый взгляд, ближе к современной практике правосудия, нежели к «кодексу» Хаммурапи или законам Ветхого Завета, в которых за основу был принят принцип «око за око». В законах Эшнунны наказание принимает форму штрафа:

«Параграф 42. Если человек откусил другому человеку нос, он должен заплатить одну мину серебра. За глаз - одну мину, за зуб - половину мины, за ухо - половину мины, за удар по лицу он должен заплатить десять сиклей серебра.

Параграф 43. Если человек отрезал другому человеку палец, он должен заплатить две трети мины серебра...

Параграф 45. Если он сломал «другому человеку» ступню, он должен заплатить половину мины серебра».

Однако в конце этих статей есть еще одна статья, текст которой, к сожалению, поврежден на обеих дошедших до нас табличках, но его можно восстановить до приемлемого для чтения вида:

«Параграф 48. И вдобавок, в случаях, когда штраф составляет от одной трети до одной мины серебра, человека должны судить. Если это преступление, за которое может быть назначена смертная казнь, то это должен решать царь».

Это явное указание на то, что плата за нанесенный ущерб не обязательно улаживала все дело. Непонятно, калечили ли или предавали смерти человека, привлеченного к судебной ответственности при таких обстоятельствах и признанного виновным в нападении, но такую возможность нельзя исключать. Также неправильным было бы делать поспешные выводы относительно якобы более гуманного тона этих законов и некоторых других (шумерских) законов, которые предусматривают денежный штраф за нападение. Вполне возможно, что во всех таких делах считалось само собой разумеющимся, что плата за ущерб, причиненный человеком, виновным в нападении, была дополнением к традиционному принятому физическому наказанию.

Стоит процитировать еще один из законов Эшнунны, которому нет аналога в «кодексе» Хаммурапи, так как он отражает практику, известную по одной из самых знаменитых притчей Ветхого Завета. Этот закон гласит (согласно трактовке профессором А. Гетце некоторых слов с неясным значением):

«Параграф 25. Если человек предлагает свои услуги в доме «своего возможного» тестя, а его «потенциальный» тесть берет его в рабство, а затем отдает свою дочь другому мужчине, то «за полученные услуги этого человека» отец девушки должен вернуть ему двукратную цену выкупа, полученного за невесту».

Нельзя не заметить аналогичную этой ситуацию с Иаковом, который служил Лавану семь лет за Рахиль только для того, чтобы тот, в конце концов, его обманул (Бытие, 29: 15-

30). Хотя тут можно добавить, что, по утверждению Лавана (Бытие, 29: 26), согласно общепринятому закону в Харане, его действия в отношении Иакова были оправданны.

Как уже говорилось, помимо законов Эшнунны известны по крайней мере три других сборника законов более раннего периода, чем свод законов Хаммурапи. Два из них, законы правителей Ур-Намму (2113-2096 гг. до н. э.) и Липит-Иштара (1934-1924 гг. до н. э.) соответственно, написаны на шумерском языке. Третья упомянутая группа законов включает в себя несколько статей законов одной ассирийской торговой колонии, которая существовала в Анатолии (восточная Турция) около 1900 г. до н. э.; эти законы, написанные на ассирийском диалекте аккадского языка, касаются коммерческих операций и администрирования.

На Ближнем Востоке в период между Хаммурапи и Моисеем возникают некоторые хеттские законы (которые выпадают за рамки внимания этой книги) и некоторые дополнительные ассирийские законы, датирующиеся между 1450-м и 1250 гг. до н. э. Самая обширная часть, сохранившаяся из этих более поздних законов, касается главным образом женщин. Относящиеся к этой теме вопросы можно в сжатой форме сформулировать таким образом: святотатственная кража; богохульство или подстрекательство к мятежу; незаконная продажа или передача взаймы женщиной имущества ее мужа или кража у другого мужчины; нападение со стороны женщины; нападение на женщину; убийство; изнасилование замужней женщины; супружеская неверность; обвинение в аморальном поведении мужней жены; клевета на замужнюю женщину или женатого мужчину; гомосексуальные связи между мужчинами; нападение мужчины на женщину, приведшее к выкидышу у женщины; принятие замужней женщины на работу в качестве торгового агента; сводничество; укрывательство убежавшей жены; наследование; помолвка; различные формы брака; развод; обязанность замужних женщин носить покрывало; обязанность проституток и рабынь не носить покрывало; процедура бракосочетания при особых обстоятельствах; право кредитора применить физическое наказание к мужчине или женщине, удерживаемым в качестве залога за долги; повторный брак женщины, чей муж считается умершим; обеспечение вдовы; обращение с мужчинами или женщинами, обвиняемыми в черной магии; ограничение прав кредитора в отношении девушки, удерживаемой в качестве гарантии возвращения долга; нападение мужчины на женщин из различных общественных классов, приведшее к выкидышу у женщины; самостоятельно вызванный аборт у женщины; изнасилование девственницы; прелюбодеяние девственницы; процедура произведения телесных наказаний или нанесения увечий замужним женщинам.

Вообще, хотя эти законы появились несколько веков спустя после законов Хаммурапи, в наказаниях виден более варварский дух, во многих случаях завершающийся нанесением увечий. Следующие отрывки дают некоторое представление о тоне и содержании ассирийских законов:

«Параграф 3. Если мужчина заболел или умер, а его жена украла что-либо из его дома и отдала это либо «свободному» мужчине, либо «свободной» женщине, либо кому-то другому, то и жена, и получатели должны быть преданы смерти. А если замужняя женщина, чей муж находится в добром здравии, украла что-либо из дома своего мужа и передала это либо «свободному» мужчине, либо «свободной» женщине, либо кому-то другому, то этот человек должен обвинить свою жену и наложить наказание; а получатель... должен вернуть украденную вещь, и тому наказанию, которому муж подверг свою жену, следует подвергнуть и получателя.

Параграф 15. Если мужчина застал свою жену с другим мужчиной и предъявил ему обвинение и доказал его, то их обоих следует предать смерти, и в этом нет вины. Если он застал «его» и привел «его» к царю или к судьям, и предъявил ему обвинение, и доказал его, если в таком случае муж убивает свою жену, то он должен так же убить и этого человека; если он отрезает у жены нос, то он должен сделать этого человека евнухом и исполосовать ему все лицо; но если он прощает свою жену, то и этого человека он тоже должен простить.

Параграф 27. Если женщина живет в доме своего отца, а ее муж регулярно ходит «к ней туда», то любое имущество, которое приносит ей ее муж, является его «собственностью», он может забрать его. Он не может заявлять претензии на что-либо, принадлежащее ее отцу в доме. [Вероятно, это имеет отношение к древнему типу брака, когда женщина продолжала жить в доме, в котором выросла, а ее муж навещал ее только ночью. До сих пор в мире существуют места, где принят такой тип брака.]

Параграф 34. Если человек взял в жены вдову, но не составил для ее контракт, и если она живет в его доме в течение двух лет, она «становится его женой; ее нельзя «вынуть» уйти.

Параграф 40. Жены, будь то замужние женщины или вдовы... которые выходят на улицу, не должны ходить с непокрытой головой... Женщина из гарема, которая выходит вместе со своей госпожой на улицу, должна носить покрывало. Посвященная богу проститутка, на которой женился мужчина, должна ходить по улице с покрытой головой, но та, у которой нет мужа, должна ходить по улице с непокрытой головой; она не должна носить покрывало. Обычная проститутка не должна носить покрывало; голова ее не должна быть покрыта. Всякий, кто увидит уличную проститутку под покрывалом, должен задержать (?) ее. Он должен взять в свидетели мужчин и доставить ее во дворец. Они не могут взять ее украшения, но задержавший ее человек может взять ее одежду. Ей должны нанести пятьдесят ударов розгами и налить на голову смолу. А если человек увидит обычную проститутку с покрывалом на голове и отпустит ее и не отведет ее во дворец, то тогда этому человеку должны дать пятьдесят ударов розгами; человек, который донес на него, может взять его одежду; этому человеку должны проткнуть уши, продеть сквозь них веревку и завязать ее сзади; он должен отработать на службе у царя полный месяц... [Далее в законе говорится, что рабыни также не должны носить покрывала; наказанием за нарушение рабыней этого закона было отрезание ушей. Человек, не выполнивший свой долг и не донесший на преступившую закон рабыню, подлежал наказанию, изложенному выше.]

Параграф 59. Не говоря о наказаниях, относящихся к замужней женщине, которые написаны на табличке, мужчина может пороть свою жену, вырывать у нее волосы, рассекать и ранить ей уши. По закону в этом нет никакой вины».

В добавление к вышеприведенным законам средне-ассирийского периода есть незначительные фрагменты других групп законов того же самого периода в виде двух основных табличек, на одной из которых - законы, связанные с землевладением, а на другой - с коммерческими сделками.

Практически нет необходимости указывать на то, что средний гражданин Древней Месопотамии обычно был озабочен не теоретическими аспектами закона и его происхождением, а тем, как он действует, чтобы защитить свои собственные интересы. Если, например, человек обнаруживал, что его сосед заявляет свои права на поле, которое он считал своей собственностью, то какие шаги мог он предпринять, чтобы защитить свои права? Мы знаем ответ на этот вопрос, так как есть много документов, в которых рассматриваются проблемы подобного рода. Давайте рассмотрим одно дело времен правления преемника Хаммурапи Самсу-илуны.

Человек по имени Ибби-Шамаш поссорился со жрицей Нарам-тани из-за права собственности на земельный участок. Нарам-тани унаследовала этот земельный участок от своей тетки Ниши-инишу, также жрицы, которая, как всегда считала Нарам-тани, купила его у отца Ибби-Шамаша пятьдесят два года назад. Однако теперь Ибби-Шамаш заявил, что участок земли, который его отец фактически продал Ниши-инишу, был меньшего размера и что Ниши-инишу незаконно вступила во владение данным участком земли большего размера. Ибби-Шамаш и Нарам-тани не смогли договориться по этому вопросу и передали дело судебному распорядителю и судьям своего города - Сиппара. Чиновники должным образом выслушали заявления обеих сторон и, безусловно, выслушали бы и показания свидетелей первоначальной продажи, если бы таковые были, но упоминаний о таких свидетелях нет, что и неудивительно ввиду того, что уже прошло полвека. Поэтому судьи

просто решили этот вопрос: они изучили первичную табличку, в которой были записаны условия продажи более пятидесяти лет назад. Это, как могло показаться на первый взгляд, давало большой простор для подделки со стороны семьи, в чьем владении находилась исходная табличка, но хитроумная процедура составления табличек-контрактов в те времена не допускала этого. Эта процедура состояла в том, чтобы записать на глиняной табличке условия сделки, имена договаривающихся сторон и свидетелей, а затем приложить их печати к незаполненным частям таблички. Затем писец, составляющий этот документ, брал другой кусок глины, расплющивал его и обертывал вокруг исходной таблички, чтобы получился запечатанный «конверт» такой же формы, что и первоначальная табличка. На этом конверте затем записывали условия первоначального контракта и прокатывали по этому документу цилиндрические печати, как и до этого (рис. 62). Текст на конверте, конечно, мог подвергаться намеренной фальсификации или стирался от износа, но первоначальную внутреннюю табличку нельзя было достать, не сломав конверта. Что судьи сделали в данном случае? Они сломали конверт и прочли нетронутую табличку внутри. Они обнаружили, что земельный участок, купленный Ниши-инишу пятьдесят лет назад, был - это четко определялось - такого же размера, что и участок, на который в данный момент заявляла свои права ее племянница Нарам-тани; поэтому она и выиграла это дело. Был составлен документ с изложением подробностей дела и решения по нему; в конце его был записан параграф, запрещающий Ибби-Шамашу вновь открывать это дело против Нарам-тани. Именно из этого документа, составленного по завершении этого дела, мы познакомились со всеми предшествующими подробностями.

Рис. 62. Оттиск цилиндрической печати

Естественно, было много случаев, когда граждане ссорились между собой, и правду нельзя было установить таким простым способом, сославшись на документы. В таких случаях заинтересованные стороны представляли перед судьями, и каждая сторона рассказывала свою версию и приводила своих свидетелей, которые были готовы поклясться в том, что это правда. Бывали времена, когда свободные граждане вообще могли заседать вместе с судьями, образуя орган, известный как Собрание, которое, возможно, было чем-то вроде примитивного суда присяжных. Там не было ни обвинителя, ни защитника и не было перекрестного допроса свидетелей; правдивость слов гарантировалась, насколько возможно, тем, что свидетелей и судящиеся стороны заставляли клясться именем богов. Если возникало непримиримое противоречие между показаниями двух сторон, то тогда судьи прибегали к испытанию, когда обвиняемого должен был судить бог реки. Это означало, что от

него требовалось прыгнуть в реку, которая утопит его, если он виновен в том, что дал ложную присягу. Может показаться, что весь риск падал на обвиняемого, но на самом деле если обвиняемый проходил это испытание (на которое он, очевидно, отваживался, только если он был убежден в своей невиновности) и благополучно возвращался на берег, то обвиняющего его человека предавали смерти. Среди писем царства Мари есть одно, которое дает это ясно понять. Один царь написал другому, что он посылает под конвоем двух человек, обвиняемых в каком-то преступлении, и просит подвергнуть их испытанию водой. Царь, выступивший с такой просьбой, объяснил, что он задержал и жалобщика, и если двое обвиняемых благополучно вернутся назад, он прикажет сжечь его. Если же, с другой стороны, обвиняемые утонут, то их поместья будут переданы человеку, выдвинувшему против них обвинение.

То, как страх перед последствиями дачи ложной присяги может породить правду, показано в следующем, дошедшем до нас документе из города Нузи в восточной Ассирии; он датируется 1400 г. до н. э.:

«Техип-тилла, сын Пухишени, предстал перед судьями, выдвинув судебный иск против Тиллия, сына Тайи.

Тиллия, пастух, освежевал трех быков Техип-тиллы в городе Катири. Свидетели Техип-тиллы сказали в связи с этим судьям: «Тиллия освежевал трех быков Техип-тиллы без «разрешения надсмотрщика за скотом (?), и его застали как раз в тот момент, когда он сдирал с них шкуры».

И судьи сказали Тиллии: «Иди! Поклянись перед богами против слов свидетелей и надсмотрщика (?)». Но он не выражал желания дать клятву богам. Тиллия не захотел «передать дело на суд богов. Так что Техип-тилла выиграл судебный процесс, а на Тиллию наложили штраф «уплатить Техип-тилле за трех быков.

Печать А, печать В, печать С, печать D, печать E; написано рукой X, сына У [эта последняя запись обозначает писца]».

Что касается наказаний за преступное поведение, то наказание смертью часто упоминается в законах Хаммурапи, тогда как ассирийские законы упоминают в качестве наказаний различные виды увечий. В одном тексте подводится итог всяческим наказаниям и говорится, что человека, совершившего преступление, либо казнят, либо ослепляют, либо заковывают в кандалы, либо бросают в тюрьму, либо сдирают с него кожу. Однако часто на практике судебная система была не так жестока, как можно предположить. Вместо наказания можно было заплатить деньги, и мы находим упоминания о таких расчетах, вроде «получено серебро взамен того, чтобы у такого-то и такого-то отрубить руку, и вместо заключения в тюрьму такого-то». Вообще длительное тюремное заключение строгого режима было редкостью, вероятно, не из-за каких-либо гуманных соображений, а главным образом потому, что если у какого-то человека было право ограничивать свободу другого человека, то было более эффективным сделать его рабом и приставить его к работе.

Глава 8

ВАВИЛОН ПРИ НАВУХОДНОСОРЕ

Периодом наибольшего процветания и величия Вавилона, который отражен в более поздних преданиях о Вавилоне, было время правления Навуходносора (605-562 гг. до н. э.). Нам посчастливилось иметь значительное количество информации об этом городе в этот период не только из библейских и греческих преданий, но также из собственных строительных надписей Навуходносора и из торговых, юридических и административных документов периода его правления. Важная информация также была получена при раскопках самого города, в особенности при раскопках, которые проводил немец Роберт

Кольдевей между 1899-м и 1917 гг. Взятые все вместе, эти находки дают нам довольно ясную картину жизни в столице Вавилонии при Навуходоносоре II, хотя, конечно, есть много деталей, которые нам еще не известны, а некоторые мы, возможно, и не узнаем никогда.

Во времена Навуходоносора город Вавилон простирался по обоим берегам Евфрата. То, что мы можем назвать Старым городом, располагалось на восточном берегу реки, и эта часть города была несколько больше, чем Новый город на противоположном берегу. Ближе к восточному берегу и в центре города вообще стоял Этеменанки, «Дом основания Небес и Земли», огромный семиэтажный зиккурат или храмовая башня, уже очень старая, но великолепно перестроенная в это время. Возможно, именно она имела в виду в библейской истории о Вавилонской башне (Книга Бытия, 11: 1-9), хотя, конечно, библейское предание относится к периоду свыше двух тысяч лет до Навуходоносора. Эта огромная башня с маленьким храмом наверху поднималась на высоту почти 300 футов и, возвышаясь над равниной, была видна на много миль вокруг. Ее размеры были разными при различных перестройках, но раскопки показывают, что ее основание при своих максимальных размерах образовывало квадрат со стороной около 300 футов. Основная часть зиккурата была построена из утрамбованной глины, хотя была и облицовка из обожженного кирпича почти 50 футов толщиной. Лестница шириной около 30 футов вела на первый и второй этажи; как добирались до более высоких этажей, неясно, но, очевидно, выше также вели лестницы или пандусы.

Этеменанки стояла на огороженном пространстве, окруженном непрерывным рядом построенных из кирпича помещений или двойных стен. Некоторые из этих помещений были, безусловно, складскими. Другие были, вероятно, домами жрецов и других лиц, занятых при богослужениях, или, быть может (как предположили некоторые), жильем для паломников.

К югу от огражденной территории Этеменанки, тесно связанный с ней, располагался храмовый комплекс Эсагилы, «Дома Поднятия Головы». Здесь находились не только главное святилище бога города Мардука (иначе называемого Бэл, «Бог»), но и святилища сына Мардука Набу и ряда других божеств. У нас есть рассказы об Эсагиле и Этеменанки, почерпнутые как из древнегреческих авторов, так и из клинописных табличек; на одной из самых поздних табличек приводятся точные размеры обеих построек.

Внутри Эсагилы находилось главное святилище бога Мардука, которое представляло собой зал 66 на 132 фута. Вероятно, она была ослепительно роскошным помещением, так как если привести всего лишь одну деталь из самоличных записей Навуходоносора, то мы узнаем, что он приказал покрыть всю ее изнутри, включая балки, золотом. На возвышении внутри капеллы стояли золотые идолы Мардука и его супруги Царпаниту, а золотые изображения слуг богов располагались по обеим сторонам божественной пары. Среди них были парикмахеры Царпаниту, дворецкий, пекарь, привратник, собаки. Статуи крылатых существ под названием керубу (откуда и пошло наше слово «херувим») охраняли вход. Все эти статуи были богато украшены золотом и драгоценными камнями и облачены в роскошные одежды, но за исключением беглых взглядов, брошенных из дворика, простому вавилонянину приходилось принимать это на веру с чужих слов, так как было маловероятным, что во времена Навуходоносора кто-то, кроме царя, наследного принца и определенных жрецов, когда-либо входил внутрь святилища.

В городе были другие храмы, совершенно отличные от Эсагилы. Внутри храмы обычно (хотя и не всегда) были распланированы следующим образом. Статуя бога стояла посередине одной длинной стены овального святилища, а в стене напротив был портал, который вел в переднюю. Передняя имела схожую форму с основным святилищем и была ей параллельна. В самой дальней от святилища стене передней был другой портал, через который можно было попасть в главный двор, так что, когда двери в переднюю и двери в святилище были открыты, простой народ мог увидеть статую самого бога. Двери в святилище Мардука открывались до определенной точки чуть к северо-востоку, как и подобало богу

Солнца, хотя в некоторых других храмах все было сориентировано иначе. По сторонам и позади передней и святилища, а также вокруг дворика находились другие помещения, использовавшиеся, без сомнения, как кладовые для вещей, которые были нужны для отправления культа. Одни только храмовые комплексы не знаменовали собой всю набожность вавилонян, так как вдоль многих улиц, особенно на подступах к храмам, у городских ворот и на перекрестках можно было найти небольшие алтари. Число их доходило, если верить клинописным текстам, содержащим такие перечни, до четырехсот, и некоторые из них были найдены при раскопках. В добавление к ним, согласно тем же текстам, по городу было разбросано около тысячи придорожных святынь.

В северной части Старого города сразу за внутренними стенами стоял главный дворец Навуходоносора. Как было принято в древности на Ближнем Востоке, это была не только царская резиденция, но также и гарнизонный и административный центр. По существу, этот дворец (который относился к периоду еще задолго до Навуходоносора) был возведен вокруг пяти двориков, которые использовались соответственно (если идти с востока на запад) для размещения гарнизона, секретариата, парадных покоев, личных покоев царя и комнат женщин или гарема. В женской части дворца жила не только супруга Навуходоносора, но и наложницы, присланные царю со всех уголков империи. Конечно, это было обычным делом у монархов Древнего Востока. Можно вообразить, что, когда так много женщин живут взаперти без какого-либо общества, за исключением себе подобных, и большинство из них испытывают сексуальную неудовлетворенность, тогда в царском гареме иногда вспыхивают соперничество и ссоры - и так оно и было. Мы знаем это совершенно точно, так как в нашем распоряжении имеется клинописный текст (более раннего периода, чем период правления Навуходоносора), устанавливающий правила, применяемые для решения таких проблем в царском гареме.

Рис. 63. Висячие сады Вавилона. Реконструкция Р. Кольдевея

Едва ли возможно обсуждать Вавилон времен Навуходоносора, не упомянув знаменитые висячие сады, создание которых приписывают ему (рис. 63). Трудность состоит в том, чтобы отделить факты от вымысла. К сожалению, хотя существует много упоминаний о висячих садах у классических авторов, указывающих на то, что в этом городе существовал, вероятно, какой-то поразительный уголок ландшафта, практически нет доказательств их существования в клинописных текстах того времени. Но у классических авторов, вероятно, были какие-то основания для таких сообщений, и от висячих садов нельзя сразу от-

махнуться как от чистой фантазии. Как пишут классические авторы, сады были посажены по приказу царя, чтобы доставить удовольствие персидской наложнице, которую приводила в уныние ничем не нарушаемая монотонность ландшафта и которая тосковала по горам своей родины. Полагают, что сады были разбиты у реки на фундаменте из арочных сводов и они поднимались рядами террас на высоту 75 футов. Все это сооружение затем сделали водонепроницаемым при помощи битума, обожженного кирпича и свинца, чтобы своды под ними оставались сухими. Наконец, на террасы насыпали землю на глубину, достаточную, чтобы могли расти даже большие деревья. Затем посадили деревья и обеспечили постоянный приток воды из Евфрата посредством поливочных механизмов.

Есть некоторые археологические находки, которые можно соотнести с классическими преданиями. В северо-восточном углу дворца, о котором шла речь выше, археологи нашли сооружение, аналогов которому, по-видимому, не было нигде. В сущности, это сооружение состояло из двух рядов по семь сводчатых помещений в каждом ниже уровня земли. В помещениях, расположенных в центре, стены были толще, чем в других, и это могло означать, что центральные помещения были предназначены выдерживать больший вес, чем остальные. Именно так и обстояли бы дела, если эти сводчатые помещения были подземной постройкой, предназначенной нести вес земляного террасированного холма, устроенного так, как описывали классические авторы.

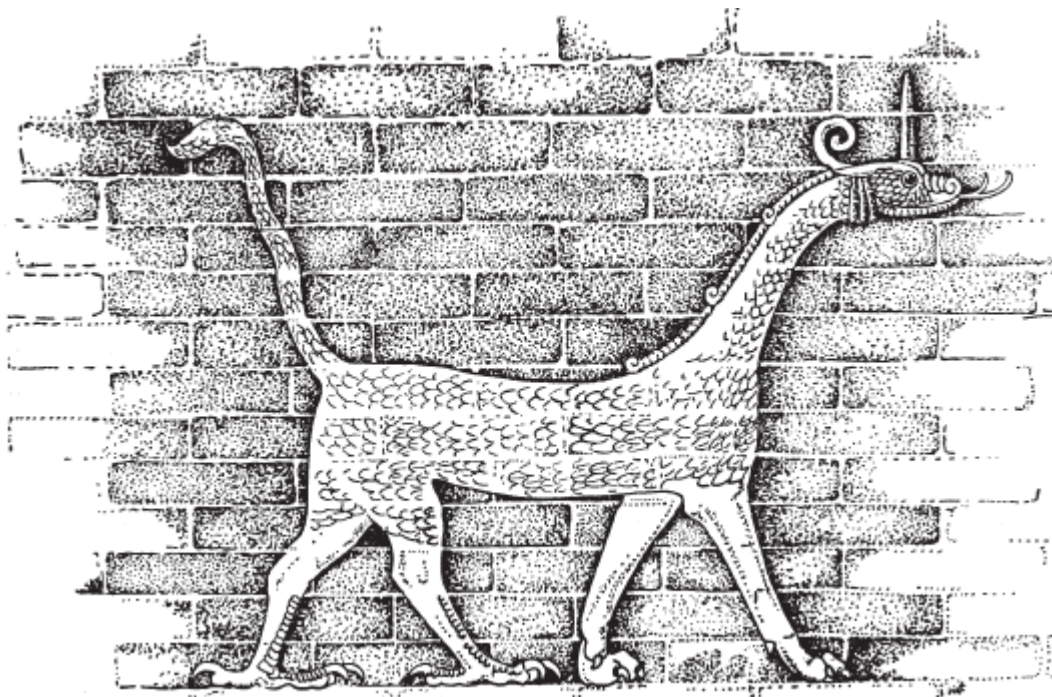

Рис. 64. Дракон с Ворот богини Иштар

Поддерживали ли эти сводчатые помещения висячие сады или нет, но самих их, безусловно, использовали в качестве контор или кладовых, так как в них были найдены таблички, на которых рассматривались разные зерновые вопросы. Среди этих табличек нашлись несколько штук, имевших отношение к взятому в плен царю Иудеи Иехонии, которого Навуходоносор привез в Вавилон (Вторая книга Царств, 24: 15). В связи с этим было высказано предположение, что эти подземные камеры были на самом деле темницей для политических заключенных, но это не совсем логично. Можно было бы ожидать, что перечни рационов питания для пленников найдутся или в секретариате, или на складах, а не в камерах для заключенных.

Подобно любому городу, Вавилон (так думали и сами вавилоняне) состоял из ряда отдельных районов. Названия и характерные особенности некоторых из них нам известны. Грубо говоря, храмы, дворцы и другие общественные здания находились в западной половине Старого города, а жилые кварталы - в восточной его половине и на другом берегу Ев-

фрата в Новом городе (хотя в Новом городе также было несколько храмов) (рис. 65). Его главные улицы пролегали в направлении с северо-запада на юго-восток. Цель этого состояла в том, чтобы город мог извлечь наибольшую пользу из преобладающего северозападного ветра, который уносил запахи и снижал температуру воздуха. Улицы Вавилона - двадцать четыре из них фигурируют в одном тексте - носили названия типа «Мардук - пастух своей земли», «Он слышит издали» и «Пусть враг не победит» (другой вариант перевода: «Пусть не существует тайный враг». - *Ред.*). Последнее - это название части дороги, входившей в город через Ворота богини Иштар в северной стене, к востоку от дворца. Эту дорогу в настоящее время обычно называют Дорогой процессий, потому что это была главная улица, которой пользовался Мардук, когда жрецы проносили его статую по городу во время церемоний. Это был очень качественный образец искусства дорожных строителей: ее ширина местами доходила до 66 футов, у нее была кирпичная основа, покрытая асфальтом, которая образовывала подушку для больших кусков известняка, служащих дорожным покрытием. Подойдя с севера к Воротам богини Иштар, путешественник проходил между высокими стенами, украшенными рядами львов, - по шестьдесят с каждой стороны - выложенными красными, белыми и желтыми эмалированными изразцами. Схожая техника применялась и внутри самих Ворот богини Иштар, где были изображения быков и драконов. От Ворот богини Иштар Дорога процессий шла параллельно Евфрату полпути через Старый город, а затем поворачивала на запад и проходила между Этемнанки и Эсагилой, направляясь в сторону реки, где она шла по мосту в западную часть Вавилона. Остатки этого моста были найдены, и, оказывается, он был построен на сваях, сделанных из кирпичей, скрепленных битумом. Эти сваи имели в ширину 30 футов и отстояли друг от друга на расстояние 30 футов, и только у западного берега пролет был 60 футов, чтобы облегчить проход кораблям. Эти сваи имели грубую форму лодок, с боков они имели вдавленные изгибы, чтобы сократить сопротивление течению. Классические авторы пишут о нем как о каменном мосте, что, очевидно, означает, что сваи были увенчаны каменными блоками, которые несли сам мост, простираясь от одной сваи до другой на тяжелых деревянных балках. О направлении Дороги процессий в западной части Вавилона мы можем только догадываться, так как Евфрат изменил свое русло и течет теперь через центр этой части города.

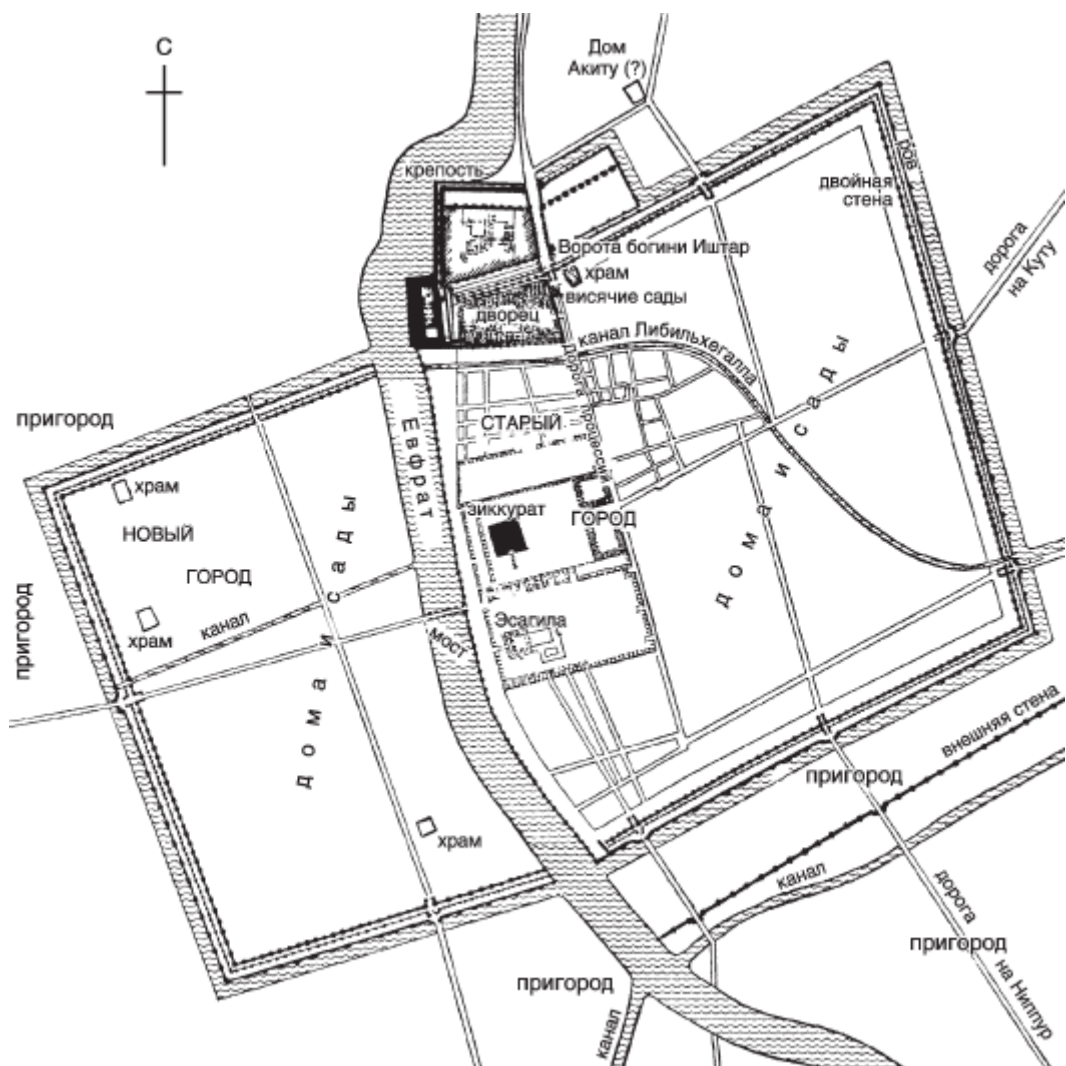

Рис. 65. План Вавилона, VI в. до н. э.

По Старому городу протекал, извиваясь и делая широкий изгиб от своего начала у выхода из Евфрата на северо-западе до той точки, в которой он проходил через внутреннюю стену города на юго-востоке, древний канал Либильхегалла, что означало «Пусть он принесет процветание». Происхождение этого канала, вполне возможно, относится ко временам Хаммурапи, за 1200 лет до рассматриваемого периода. Но именно Навуходоносор восстановил его, приказав выложить его дно битумом и обожженным кирпичом. Другие, менее древние, каналы несли процветание садам и огородам Нового города на западном берегу и пригородам по обеим сторонам.

Весь город защищали грозные, неприступные укрепления. Вокруг главного, состоящего из двух половин по обоим берегам Евфрата, района проходила мощная оборонительная система, состоявшая из двойной стены из необожженного кирпича, которая была опоясана рвом. Внутренняя часть этой двойной стены имела толщину 21 фут; через каждые 59 футов на ней располагались башни. На расстоянии 24 футов от нее находилась внешняя часть стены толщиной 12 футов, башни на которой располагались через каждые 67 футов. С наружной стороны стен тянулся ров, дно которого было выложено обожженным кирпичом и битумом. Источником воды в нем был, естественно, Евфрат. Вход в город проходил через Ворота богини Иштар или через одни из семи других сильно укрепленных ворот огромных размеров, которые представляли собой массивные двери, окованные бронзой. Мосты через ров, которые, вероятно, существовали в обычные времена, без сомнения, убирались во времена опасности.

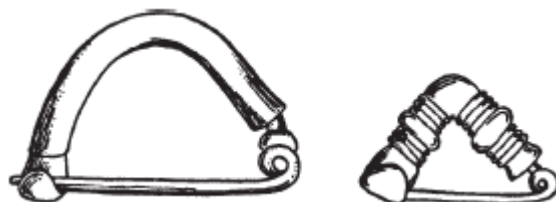

Рис. 66. Изделия кузнецов: безопасные булавки из бронзы

В качестве еще одного средства защиты города Навуходоносор построил огромное внешнее укрепление в виде еще одной двойной стены, которая начиналась у восточного берега Евфрата в полутора милях к северу от Ворот богини Иштар, шла в юго-восточном направлении до точки вровень с Эсагилой, а затем поворачивала на юго-запад и шла опять до встречи с Евфратом, на четверть мили южнее внутренней оборонительной системы. Эта внешняя двойная стена ограничивалась защитой Старого города.

Величина всего населения Вавилона во времена Навуходоносора точно неизвестна, но есть различные подсказки, которые помогают сделать обоснованные предположения. Площадь города в пределах внутренних стен была около одной и двух третей квадратных миль, или чуть больше тысячи акров. Зная цифры населения более молодых городов на Востоке, которые, как оказывалось, обычно имели площадь от 150 до 200 акров, можно прийти к величине населения до 200 тысяч человек. Такая цифра довольно неплохо подходит к отрывку из Библии (Книга пророка Ионы, 4: 11), в котором подсчитано население Ниневии, столицы, которую можно сопоставить с Вавилоном, - 120 тысяч человек. Другим указателем является утверждение одного из античных авторов о том, что Вавилон мог вместить 200 тысяч человек для обороны города; эта оценка, очевидно, основывалась на известной величине населения в обычные времена. Такая численность населения означала, что урбанизации не было, и какими бы густонаселенными ни были части отдельных городов, все они располагались в сельской местности. Городские жители еще не оторвались от нее и от мира дикой природы, и у нас есть (хотя и не именно из Вавилона) упоминания о газелях, созданиях, известных своей боязливостью, которые подходили прямо к городским воротам. В каком-то другом месте есть упоминание о диком быке, который присоединился к домашнему стаду.

Население Вавилона было очень смешанным как по национальному, так и по социальному составу. Что касается национальностей, то Навуходоносор силой пригонял рабочие команды для общественных работ в Вавилоне со всей империи. Многие из них, без сомнения, были рады вернуться в свои родные края, когда заканчивали свою работу, но другие оставались в Вавилоне навсегда, либо поселяясь здесь с женами, которые последовали за ними с их родины, либо беря в жены местных женщин. Такие чужестранные поселенцы были самым свежим притоком иноземной крови. Было много других людей, которые за предыдущие века побывали в этом городе в качестве захватчиков, пленников или просто посетителей достаточно долго, чтобы пережениться на вавилонянках. Среди них были хурриты, касситы, хетты, эламиты, редко египтяне, арамеи, ассирийцы, халдеи и, во время правления самого Навуходоносора, евреи. Вавилон был городом, в котором основательно перемешались крови многих народов.

В социальном плане в городе существовало два больших деления, которые в какой-то степени проникали друг в друга. Одно было деление на свободных людей и рабов, а другое - на служащих храмов и мирян. Храмовые служащие, куда входили люди от рабов самой низшей категории до высокопоставленных жрецов, которые могли оспорить действия самого царя, образовывали почти государство в государстве. В собственности храма Эсагилы находились огромные поместья, которыми управляли его должностные лица. Все вместе храмы Вавилонии в это время имели в собственности, вероятно, по меньшей мере половину всех земель страны и играли главную роль в управлении государственной экономикой. Представители храма отвечали за большую часть внешней торговли Вавилонии.

Из Вавилона они могли отправиться в Сирию для закупок оливкового масла или лесоматериалов или в Малую Азию за квасцами и чернильными орешками для крашения или за рудами металлов. Платили храмы шерстью или ячменем. Товары, купленные в Сирии или Малой Азии, перевозили на вьючных ослах до Евфрата, а затем на кораблях прямо в Вавилон. Между Эсагилой и храмами в других городах Вавилонии также велась торговля, главным образом по реке; в некоторых случаях используемые корабли были собственностью храмов, а в других - принадлежали частным собственникам. Их максимальная грузоподъемность в это время была, видимо, около 60 тонн.

Некоторые фермы, принадлежавшие Эсагиле, сдавались в аренду крестьянам, которые платили ренту в виде части продукции, тогда как на других фермах трудились рабы, бывшие собственностью храма. Большинство храмовых рабов было занято именно крестьянским трудом на сезонных сельскохозяйственных работах: они пахали, сеяли, собирали урожай, молотили, также они пасли стада скота и домашней птицы, принадлежавшие храму, были охотниками и рыбаками или кузнецами и плотниками и чинили плуги и другую технику. И, что самое главное, были бригады как из храмовых рабов, так и из наемных работников, которые прикладывали нескончаемые усилия, чтобы содержать в порядке каналы для ирригации и навигации.

Среди людей, не относящихся к храму, самой низшей категорией с правовой точки зрения был, конечно, раб, хотя уровень жизни раба в зажиточном хозяйстве мог быть гораздо выше, чем свободного бедняка. Была ли судьба раба, принадлежащего одному хозяину, лучше или хуже судьбы такого же раба, находящегося в собственности храма, - это, очевидно, зависело от личных взаимоотношений между рабом и его хозяином. Некоторые хозяева были, без сомнения, очень жестокими людьми, которые приводили своих несчастных рабов в такое отчаяние, что они убегали. С другой стороны, у добродушного хозяина неблагодарный раб мог стать ленивым, нерадивым и неуправляемым, и вот уже мы читаем о том, как одна пожилая супружеская пара была вынуждена передать, очевидно, именно такого раба в руки храмовой администрации.

Обязанности раба мужского пола, находившегося в частной собственности, сводились главным образом к ручному труду и зависели в некоторой степени от занятия или ремесла его владельца. Рабыни молодого возраста, вероятно, исполняли не только обязанности служанки при хозяйке дома, но и были наложницами либо хозяина дома, либо одного из его сыновей-подростков. Любые дети, рожденные рабыней, становились рабами, если только глава семьи официально не признавал их своими собственными детьми, что, вероятно, случалось лишь тогда, когда его жена была бездетна. Когда рабыня старилась и теряла красоту, ее использовали на таких работах, как перемалывание зерна или ношение воды и т. д. Во времена Навуходоносора в среднем доме было два-три раба, хотя, конечно, средние цифры не отражают полноты картины: богатые семьи могли владеть значительно большим количеством рабов, а бедные - не иметь их вовсе. Есть примеры некоторых богатых семей, в собственности которых находилось сто или более рабов, но большинство из них использовались для обработки земли или в мастерских и не включались в число домашних.

Рис. 67. Дом в эпоху Навуходоносора

Свободные люди могли заниматься многочисленными ремеслами, хотя нельзя сказать, что любой отдельно взятый человек имел широкий выбор ремесел или профессий. Принцип наследственности был очень силен, и были очень велики шансы, что человек пойдет по стопам своего отца. В Вавилоне времен Навуходоносора среди ремесел и профессий мы видим плетельщиков циновок, ткачей, каменщиков, прачек, ювелиров, рыбаков, лодочников, кожевников и сапожников, кондитеров, пекарей, пивоваров, маслобойщиков, кирпичников, кузнецов, мельников, птицеловов, плотников, землекопов, стригалей овец - если упомянуть лишь некоторые из них.

Выучиться таким ремеслам и профессиям можно было главным образом пойдя в ученики либо к частному мастеру-ремесленнику, либо в гильдию. Получение официального образования было связано, вероятно, с храмами для тех, кто хотел изучать богословие, право или медицину, в основе чего лежало искусство писца, но какие-то подробности, относящиеся к этому периоду, нам неизвестны.

На вершине общественного устройства находился царский двор и царь, сам Навуходоносор. Навуходоносор нам наиболее известен как блестящий стратег и полководец, но здесь мы ничего не будем говорить о его армии или его военных операциях, так как это будет слишком похоже на все подробности, которые уже приводились в связи с ассирийской армией и рассматривались в главе 5. Помимо того что он был великим полководцем, Навуходоносор был великим строителем, и большая часть дворцов, храмов, укреплений и каналов Вавилона была восстановлена в годы его правления.

Среди придворных Навуходоносора были главным образом губернаторы провинций, военачальники, дипломаты, иностранные принцы, которых держали в заложниках, и члены царской семьи и другие родственники государя. Среди чиновников, которые были особо упомянуты при дворе Навуходоносора, были такие (если давать дословный перевод их титулов): главный пекарь, главный военный начальник (то есть главнокомандующий), человек при дворце (то есть лорд-гофмейстер), секретарь наследного принца и ответственный за гарем. Если только человеческая природа коренным образом не изменилась, то

последний из упомянутых чиновников, вероятно, был евнухом; возможно, некоторые другие чиновники тоже.

Общий план главного дворца Навуходоносора был уже описан, а образ жизни в нем, вероятно, не очень заметно отличался от образа жизни при дворе Мари за 1200 лет до этого. Поэтому мы можем покинуть дворец и посмотреть теперь, как в это время жил простой свободный вавилонянин. Сначала мы можем рассмотреть, в каком доме он жил.

Не стоит ожидать, что частный дом в Древнем Вавилоне был в основном похож на дом в современном английском или американском пригороде. При строительстве дома вавилонянин преследовал две цели. Он хотел уединения (особенно это касалось его женщин) и убежища от палящего вавилонского солнца. Уединения он добивался, построив внешние стены почти без каких-либо проемов и расположив комнаты таким образом, чтобы они выходили только в центральный дворик. Защиту от солнца он получал, сделав стены своего дома из глиняных кирпичей до шести футов толщиной. Они могут показаться излишне массивными, но те, кто жил в Багдаде в домах с тонкими стенами, построенными по европейским стандартам, вместо традиционных для Месопотамии домов, знают, насколько там неэффективны стены обычной толщины для защиты от солнца, если случится так, что сломается электрический воздушный кондиционер.

Думая о частном доме вавилонянина, мы должны представить себе центральный дворик, с каждой стороны которого есть входы в помещения (рис. 68).

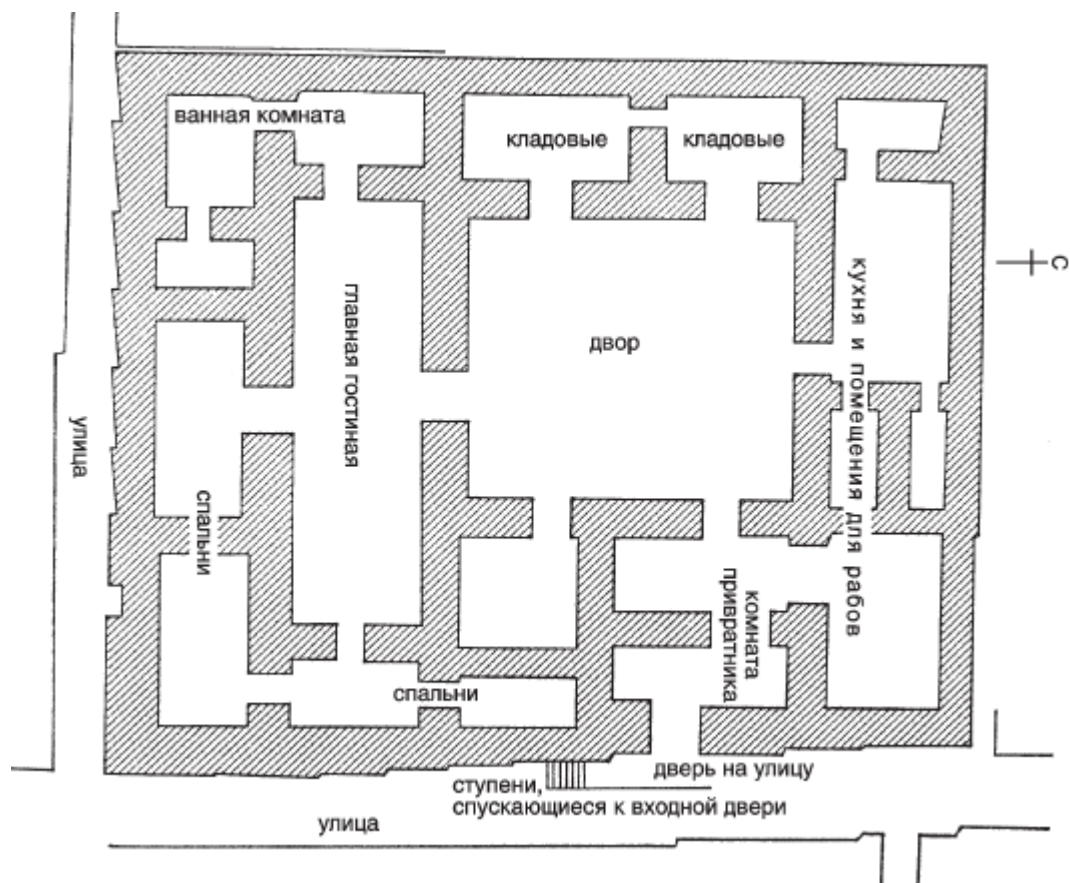

Рис. 68. План дома

Самая большая комната всегда располагалась сразу же за южным выходом из внутреннего дворика. В этом не было ничего символического: просто дело было в том, что вход в главную гостиную (разумеется, со стороны двора, а не улицы) должен был располагаться с северной стороны комнаты, подальше от солнца. Размер такой комнаты мог быть от 18 на 8 футов в самых маленьких домах до 45 на 17 футов в самых больших. Обычно эта большая комната также имела двери и в трех других стенах. Эти двери вели в другие помещения, расположенные позади и по бокам от главной комнаты тремя не связанными

между собой анфиладами. В домах меньшего размера, конечно, могло и не быть некоторых вспомогательных помещений, тогда как в домах большего размера, с другой стороны, могло быть более одного двора, и вокруг каждого - свои комнаты. Такие большие дома были, очевидно, собственностью богатых людей, а дополнительные дворы с комнатами вокруг них, вероятно, служили домами для женатых сыновей.

Дворы и полы в комнатах обычно выкладывали обожженным кирпичом, а иногда покрывали слоем смеси, состоявшей из битума и размолотой извести. Вероятно, такая отделка полов была очень схожа с той, что использовали в послевоенных домах, хотя она была более долговечной, и кое-где она еще крепка спустя 2500 лет. Вполне вероятно, что в более зажиточных домах полы покрывали шерстяными половиками, а в более бедных они представляли собой утоптанную землю, покрытую всего лишь тростниковыми циновками. Потолки, возможно побеленные, как, несомненно, и стены, делались из пальмовых балок, перекрытых тростником, а сверху - для защиты от солнца - был толстый слой глины. Высоко от пола в стенах комнат со стороны двора, где было возможно, но иногда обязательно с выходом на улицу делали небольшие вентиляционные отверстия, закрытые решетками из красной обожженной глины (рис. 69), для защиты от насекомых и змей, насколько это было возможно. Они не всегда помогали, и вавилонянин мог проснуться ночью и увидеть на постели змею, вползшую через вентиляционный ход и упавшую на него с потолочной балки.

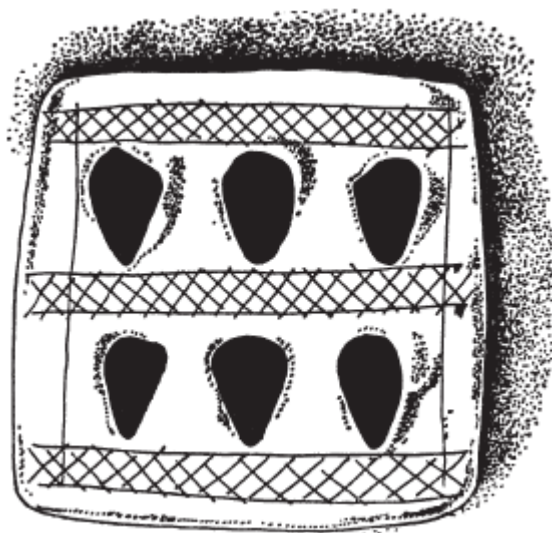

Рис. 69. Терракотовая решетка, служащая окном

Греческий путешественник Геродот век спустя после Навуходоносора писал, что многие дома в Вавилоне имели три или четыре этажа. Если это было правдой или похоже на правду, то во времена Навуходоносора верхние этажи, возможно, представляли собой легкие деревянные конструкции, вероятно предназначенные для того, чтобы обеспечить уединение членам семьи, спавшим на крыше летом. Археологи не нашли следов лестниц на верхние этажи, но это не доказывает, что верхних этажей не было, так как лестницы вполне могли быть сделаны из дерева, от которого вряд ли могли остаться какие-либо следы, нежели от камня или кирпича.

Какова бы ни была форма верхних этажей - если они были, - крыши домов представляли собой в основном горизонтально лежащие балки, покрытые толстым слоем глины. Таким плоским глиняным крышам нужна была какая-то защита от дождя, так как, хотя количество осадков в Вавилоне достигало всего пять дюймов в год, все они выпадали за один короткий сезон и - часто - за два или три очень сильных ливня. Поэтому было необходимо отводить воду с плоских крыш и от оснований стен из глиняных кирпичей, прежде чем она нанесет им серьезный ущерб. С этой целью делали керамические водостоки, установленные вертикально в стенах. По ним вода стекала с крыши вниз на улицу и попадала в

поглотительный колодец или отстойник, который представлял собой нечто вроде рва, выложенного кольцами из терракоты. В Вавилоне сюда также обычно сливали отходы из кухни, ванной и туалета, хотя в других уголках Месопотамии - значительно раньше - существовало нечто вроде центральной канализации.

С внешней стороны стены частного дома обычно, за редким исключением в виде вентиляционной решетки и двери на улицу, не имели никаких отверстий и были, если рассматривать общий план, абсолютно прямыми. Однако такое однообразие часто нарушалось, и стенам придавали как бы «зазубренную» форму. То есть они часто выглядели так:

Таким образом, благодаря яркому солнечному свету на ровных, побеленных или темно-желтых стенах Вавилона появлялась череда контрастных полос света и тени. Двери на улицу (а она была в доме всего одна) придавали форму сводчатой арки в стене где-нибудь в северной части дома. Внутри дома, сразу после входа с улицы, имелась очень маленькая комнатка для привратника, который, разумеется, был рабом, но надежным и достойным доверия, так как безопасность дома зависела от его бдительности. Входившего в частный дом человека должен был впустить привратник, а затем он должен был пройти по крайней мере через две комнаты, прежде чем он попадал во двор дома, и это был единственный способ попасть в главную гостиную в южной части дома. Вавилоняне, очевидно, любили домашнее уединение, и двери комнат, которые вели от выхода на улицу, всегда были расположены так, что даже при открытой входной двери было невозможно заглянуть с улицы во двор дома. Дом вавилонянина был для него крепостью даже в большей мере, чем для англичанина.

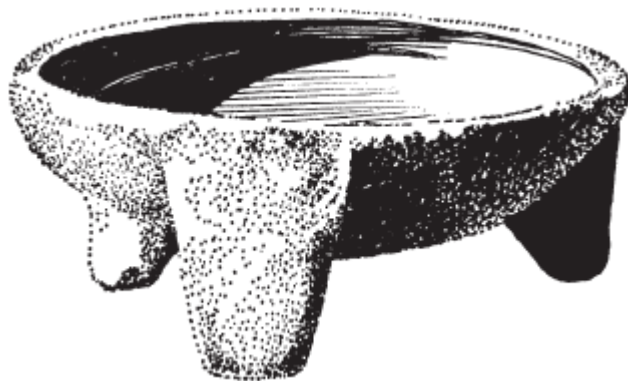

Рис. 70. Базальтовая чаша для вылущивания зерна

О назначении каждой из многих комнат в доме вавилонянина можно только гадать, хотя в некоторых случаях присутствие каких-то предметов или архитектурные особенности помогают решить этот вопрос. Среди комнат, расположенных к северу от дворика, обычно была кухня, кладовые для продуктов и, возможно, помещения для рабов. Кухня имела большие размеры по сравнению с этими другими помещениями. В одном ее углу находился очаг для приготовления пищи, который состоял из двух кирпичных возвышений, отстоящих друг от друга на расстоянии около шести дюймов в нижней своей части и сходящихся наверху до узкой щели, на которую можно было поставить горшки и сковородки (рис. 71). Те, кто мог себе это позволить, пользовались главным образом древесным углем в качестве топлива для такого очага; его получали обычно из пальмовой древесины, так как никакой другой для использования в быту нельзя было легко достать.

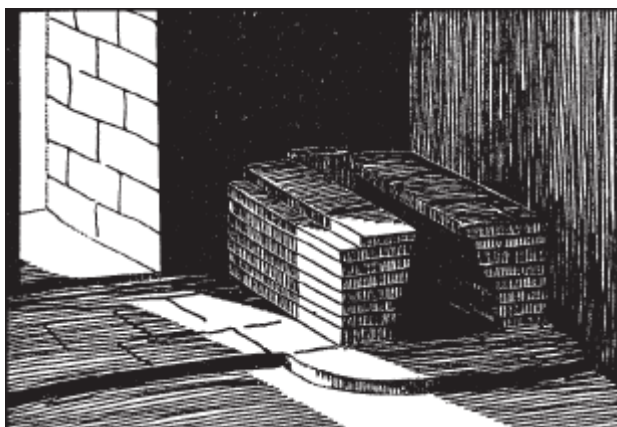

Рис. 71. Кухонный очаг

По соседству с кухней стояли большие глиняные кувшины для хранения воды, которую приносили с реки домашние рабы. Эти кувшины не были покрыты глазурью, так как их стенки должны были быть слегка губчатыми, чтобы последующее легкое испарение оставляло воду освежающе прохладной. Похожие кувшины, часто покрытые слоем битума, использовались для хранения других припасов, таких, как ячмень, пшеница и масло. Вавилоняне так же, как и мы, не любили несвежее пиво и вино и поэтому хранили их в запечатанных кувшинах. Кухонная утварь включала в себя такие вещи, как миски, тарелки, сита и чашки, - все сделанные из терракоты. Иногда им оставляли их желтоватый цвет буйволовой шкуры, иногда покрывали голубой, белой или желтой глазурью (рис. 72). Имелись также терракотовые сундуки для хранения и защиты от крыс различных продуктов. Среди утвари также были: ступки из обожженной глины или камня, которые использовали для дробления специй, каменная ручная мельница для размалывания зерен пшеницы или ячменя и, конечно, ножи.

Рис. 72. Кухонная утварь

Рис. 73. Лампа

В южной части дома одно из помещений позади главной комнаты было ванной. Пол в этом помещении имел наклон к центру. Пол делали из обожженных кирпичей, покрытых обычной смесью из битума и измельченного известняка, а нижняя часть стен также была облицована обожженным кирпичом. В центре комнаты под самой низкорасположенной частью пола находился такой же поглотительный колодец или отстойник, какой уже был описан выше, куда стекала грязная вода из ванной комнаты. Археологи, проводившие раскопки в Вавилоне, не нашли следов ванн, которые бы использовались во времена Навуходоносора. Это кажется странным, так как их, несомненно, использовали в других уголках Месопотамии раньше, но, возможно, вавилоняне довольствовались тем, что просто принимали душ, приказав рабу лить на себя воду, и мылись чем-то вроде мыла, сделанного из золы определенных растений в смеси с жирами.

Другие комнаты, расположенные позади главной гостиной и по ее бокам, были, вероятно, спальнями членов семьи. Кровати в них стояли деревянные, без передней стенки и изножья, очень похожие на диван на коротких ножках, ложе которого было изготовлено, очевидно, из тростника. Кровати обычно ставили изголовьем к стене, чтобы по обеим ее сторонам было свободное пространство. Внутри спален также, очевидно, были сундуки, в которых можно было хранить одежду. Эти сундуки часто делали из терракоты, хотя более состоятельные люди могли позволить себе сундуки из дерева.

На полу в главной гостиной, вероятнее всего, лежали половики, по крайней мере в домах зажиточных горожан. В ней стоял стол и, вероятно, пять или шесть деревянных стульев с сиденьями, сплетенными из тростника, так как в Вавилоне не считалось эталоном комфорта сидеть на корточках на полу во время еды или во время каких-либо повседневных занятий (рис. 74-75). Люди победнее, возможно, сидели на низких скамеечках из глины. Искусственный свет, когда это было необходимо, давали в это время небольшие светильники с фитилями, в которых в качестве топлива использовалось оливковое масло.

Рис. 74. Ассирийский стол

Рис. 75. Стул с сиденьем, плетеным из тростника

Те вавилоняне, которые могли себе это позволить, питались четыре раза в день: основательный завтрак, легкий обед, затем плотный ужин и легкая закуска вечером. Прием пищи начинался с того, что раб поливал водой над тазиком руки тех, кто собрался поесть. Вся семья затем рассаживалась вокруг стола, и глава семьи возносил молитву, взывая к определенным богам. Затем на стол ставили еду, которая в основном находилась в одном большом сосуде; из него каждый обычно брал себе еду сам пальцами, хотя нельзя сказать, что ножи, вилки и ложки были неизвестны в Древней Вавилонии. Еда состояла главным образом из растительных продуктов. Говядина, баранина и козлятина были обычными пунктами в меню богов и часто (в противовес утверждениям в некоторых других книгах) тех вавилонян, которые могли это себе позволить, хотя люди победнее могли изредка есть баранину и говядину, за исключением религиозных праздников. Свинина была под запретом для всех богов, но смертные все же ели ее, а так как полудикие свиньи бродили по улицам и питались отбросами, у бедняков, вероятно, была возможность есть свинину гораздо чаще, чем говядину. В Евфрате в изобилии водилась (и до сих пор водится) рыба различных съедобных пород; некоторые экземпляры ее достигают по весу двухсот фунтов. А так как мы знаем, что в те времена были профессиональные рыбаки, то мы можем заключить, что рыба была распространенным продуктом питания и конечно же ценным источником белка (рис. 76). Из птицы и дичи всегда имелись утки, гуси, голуби и куропатки; а за век до времен Навуходоносора были завезены куры, так что, вероятно, к этому периоду курица уже не была нововведением. Рыбу могли разрезать и зажарить на гриле над костром из углей, а мясо и птицу обычно тушили в горшке и делали рагу.

Мясо, рыба и птица были упомянуты первыми, но они, конечно, за исключением рациона богатых людей, были роскошью. В основном пища - а особенно пища бедняков - состояла из растительных продуктов. Главным источником углеводов был ячменный хлеб, который приготавливали, прилепляя куски пресного теста к внутренней поверхности большого горшка, который нагревали на огне примитивной печи. Способ, который в основе своей остался тем же самым, что и был когда-то в Вавилоне, до сих пор используется в Ираке; в результате получается плоский хлеб, очень вкусный в свежем виде, который выглядит скорее как хрустящий блин. Ячменную муку грубого помола также варили с водой, чтобы получилось нечто вроде каши. На основе таких ингредиентов, как мука, оливковое или кунжутное масло, финиковый сироп и свиной жир, делали различные пудинги и пироги. Финиковый сироп представлял собой выжатый финиковый сок, которому давали стгуститься до полутвердой консистенции. И сироп, и финики в других видах соответственно занимали место готового сахара в нашем рационе питания. Был известен пчелиный мед; медоносная пчела на самом деле была одомашнена в Месопотамии за несколько веков до

времен Навуходоносора, но пчелиный мед играл не такую большую роль в экономике, как пчелиный воск. Среди фруктов и овощей, которые ели вавилоняне, можно назвать лук, чеснок, корнишоны, горох и бобы, латук, редис, гранаты, инжир, виноград и абрикосы.

Главным напитком было пиво, хотя и холодной водой не пренебрегали ни в коем случае. Существовало много различных видов пива в зависимости от способа приготовления и трав, использовавшихся в качестве приправ. Алкогольные напитки делали также и из фиников. Вино, приготовленное из винограда, было известно давно, но оно было дороже вина из фиников, так как лучшие его сорта нужно было ввозить из стран с более прохладным климатом. В одном письме, относящемся к этому периоду, содержится жалоба на то, что партию вина отправили на корабле, который обычно использовался для перевозки битума; вонь от битума, очевидно, дала вину неприятный привкус.

После еды едоки утирали рты столовыми салфетками, и рабы вновь поливали им руки водой. Если это был обед, то затем едоки расходились по спальням на послеобеденный отдых, который был очень необходим, так как в течение большей части года жара в Ираке просто невыносима в начале второй половины дня. Это было настолько общепринято, что одно из вавилонских слов для обозначения середины дня означало на самом деле «время, чтобы прилечь».

Геродот дает нам подробное описание одежды вавилонянина около века спустя после времен Навуходоносора, но мода, вероятно, изменилась, так как это описание не совсем подходит под то, что мы видим на памятниках, относящихся ко времени правления этого царя. Геродот пишет, что вавилонские мужчины пользовались духами, и, хотя для времени Навуходоносора ничто напрямую не подтверждает это, есть множество рецептов для изготовления духов, известных в Ассирии с довольно давних времен. Использование духов вавилонскими мужчинами, конечно, не подразумевает, что они были извращенцами. Вероятно, эта мода возникла из того, что, так как свиньи и собаки были единственными уборщиками мусора, воздух на улицах, вероятно, был несколько тяжел для изнеженных носов в сырую погоду.

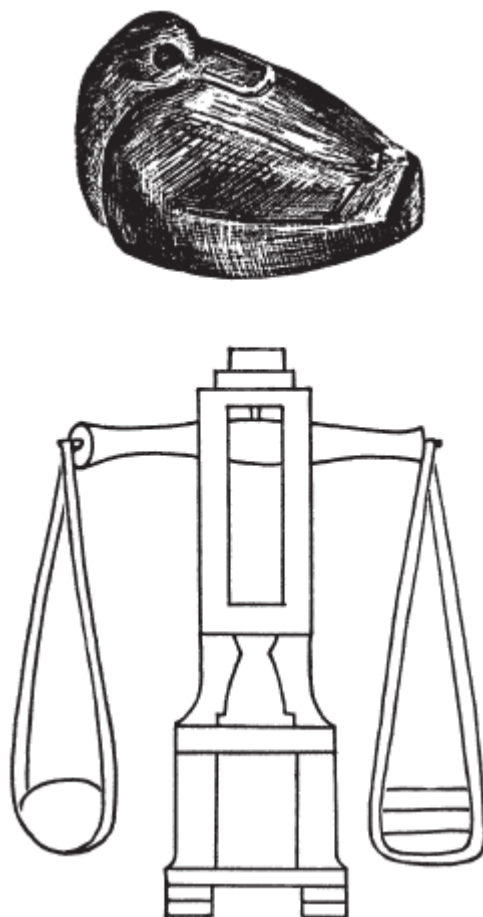

Рис. 77. Ассирийские весы и гиря

Как же на самом деле проводил свой день средний вавилонянин? Многого мы, конечно, не знаем, но можно составить общую схему, в которой все отдельные факты являются подлинными. Давайте возьмем некоего Бел-ибни, который был, как мы можем предположить, искусным ювелиром. Бел-ибни и его жена просыпались до зари, целовали друг друга и своих детей, а затем шли принимать ванну, которая завершалась натираем тела оливковым маслом и ароматическими веществами. Затем жена шла присматривать за тем, как рабы готовят завтрак, а тем временем Бел-ибни с сыновьями уходили на крышу, чтобы пасть ниц перед восходящим солнцем. После завтрака Бел-ибни шел в небольшой храм неподалеку, взяв с собой, как полагалось, ягненка, которого он купил накануне и который был на ночь привязан во дворе. Когда в тот день он вошел во двор храма, он увидел, что произошло нарушение общественного порядка: храмовые стражи только что арестовали человека за попытку приблизиться к определенной части храма, не выполнив соответствующего ритуала. Бел-ибни передал своего ягненка храмовому чиновнику, писец которого быстро составил квитанцию на небольшой глиняной табличке и в то же самое время сделал пометку о принесенном ягненке в табличке гораздо больших размеров, предназначенной для ежегодных храмовых отчетов. Выполнив этот свой долг, Бел-ибни направился к огромному городу-храму Эсагиле, пройдя рядом с набережной, где он остановился на минутку, чтобы посмотреть на корабельную суету. К причалу, обслуживаемому Эсагилу, подошел корабль из Персидского залива, с которого разгружали медные болванки; судно меньших размеров, которое пришло с грузом квасцов из Кархемиша, ожидало своей очереди, а еще одно стояло под погрузкой кунжута, предназначенного для храма одного из городов, расположенных по течению реки ниже Вавилона. Уйдя от реки, Бел-ибни направился в одну из контор, расположенных на огороженной территории Эсагилы, где соответствующие власти выдали ему некоторое количество золота, дав заказ изготовить кольца и браслеты для украшения новой статуи Мардука. Также ему дали гораздо меньшую сумму в виде полоски серебра, которая представляла собой плату-аванс за его работу. Теперь Бел-ибни отправился на базар ювелирных изделий и по дороге остановился в доме торговца, чтобы купить гур (около четырех бушелей) ячменя, за который он отрезал и взвесил кусочек от своей полоски серебра. Торговец отправил раба с зерном в дом Бел-ибни.

Так как день Бел-ибни начался приблизительно в пять часов утра по нашему времяисчислению, то к этому моменту не было еще восьми. В своей мастерской на базаре ювелирных изделий Бел-ибни встретил своего старшего сына Кудду, который его подждал возле угольной жаровни, использовавшейся для расплавки металла, которая уже была разогрета при помощи мехов. Бел-ибни и его сын прошептали короткую традиционную молитву, адресованную богу-покровителю ювелиров, а затем поместили золото в терракотовый тигель и стали постепенно перемещать его в самую горячую часть углей. Сын Бел-ибни приложился к трубке для подвода воздуха, как его учил отец, и вскоре уголь вокруг тигля раскалился добела. Тем временем Бел-ибни достал из терракотовой коробки, в которой он хранил свой инвентарь, нужные формы, поместил их в чашу с песком и поставил все это нагреваться, чтобы от расплавленного металла не треснули формы. Наконец золото в тигле расплавилось, и Бел-ибни взял щипцы, вытащил тигель и аккуратно разлил его расплавленное содержимое в формы. Золоту было дано время затвердеть и остыть, и затем украшения были извлечены из формочек. При помощи пилочек, чеканов, пробойников и легких молоточков, золотой и серебряной проволоки, припоя и жара, по мере необходимости нагнетаемого при помощи воздуходувной трубки, Бел-ибни с сыном превратили простые отливки в прекрасные образцы вавилонской чеканки, граверной и филигранной работы.

Они работали, лишь изредка останавливаясь передохнуть, чтобы послушать глашатая, объявляющего о сбежавшем рабе, или стенания женщин, возвещавших о смерти в близлежащем жилище. Когда жара и высота солнца над горизонтом напомнили им, что полдень близок, Бел-ибни и Кудда сложили свои формочки в сундучок для инструментов, тщатель-

но сгребли в кучку уголь в жаровне и притушили его, вероятно накрыв слоем глины, пока он не начал лишь тлеть, и оставался в таком виде до вечера. Вероятно, они всегда могли позаимствовать огонька у соседа, если бы их жаровня все же потухла, но если делать так слишком часто, то человек мог приобрести репутацию недалёковидного и небережливого мастера.

Теперь Бел-ибни и Кудда могли вернуться домой, взяв с собой для надёжности законченные украшения и остатки золота, за которые им придется отчитаться перед храмовыми властями. По дороге домой они прошли мимо храма, во дворе которого сидела группа их соседей и слушала подробности судебного иска, предъявленного одним человеком другому человеку по поводу собственности на земельный участок между их домами. Старик, который помнил отцов этих людей, как раз давал показания о сделках, касающихся этого клочка земли и совершившихся в предыдущем поколении. В углу двора сидел человек и ныл от боли, в то время как его друг обмывал маслом большой красный рубец на его лбу: обнаружилось, что этот человек подделал глиняную табличку, в которой говорилось о сделке на собственность, и в качестве наказания эту табличку нагрели на жаровне и поставили ею ему клеймо на лбу.

Придя домой, Бел-ибни и Кудда нашли супругу Бел-ибни в большом волнении. У новой рабыни, которую Бел-ибни купил только две недели назад, случился этим утром эпилептический припадок. Это было досадно, так как Бел-ибни думал, что она окажется хорошей наложницей для Кудды, которому исполнилось четырнадцать лет и который как раз начал интересоваться такими вещами. Но с этим не было связано никаких финансовых потерь, так как при покупке рабыни была дана трехмесячная гарантия на случай подобных симптомов, и Бел-ибни нужно было только вернуть ее и получить назад свои деньги.

Теперь Бел-ибни, его жена, Кудда, младший сын и дочь сели за стол в главной гостиной, чтобы пообедать, как уже было описано. После этого Бел-ибни с женой ушли в свою спальню на послеобеденный отдых. Жара на улице в это время была уже невыносимой, но за массивными стенами комнат под толстой глиняной крышей и благодаря небольшим вентиляционным отверстиям температура оставалась вполне приемлемой. Уставшие от утренней работы и жары, Бел-ибни и его жена вскоре заснули. Проснулись они освеженными и занялись любовью, - это было не только удовольствием, но и непреложным долгом. Жена Бел-ибни была на пятом месяце беременности, и все знамения утверждали, что сейчас было чрезвычайно благоприятное время для такого занятия.

Затем Бел-ибни еще раз искупался и вместе с Куддой снова вернулся на свое рабочее место на базаре ювелирных изделий. В сумерках они пришли домой, чтобы основательно поужинать. В тот вечер в местном храме проходил небольшой праздник, и после ужина все члены семьи надели свою лучшую одежду, причесались с особым тщанием и отправились в храм, чтобы присоединиться к празднику. Ничто не говорит за то, что в это время жене Бел-ибни нужно было носить на людях покрывало, хотя в более древние периоды вавилонской и ассирийской истории это было, несомненно, общепринято.

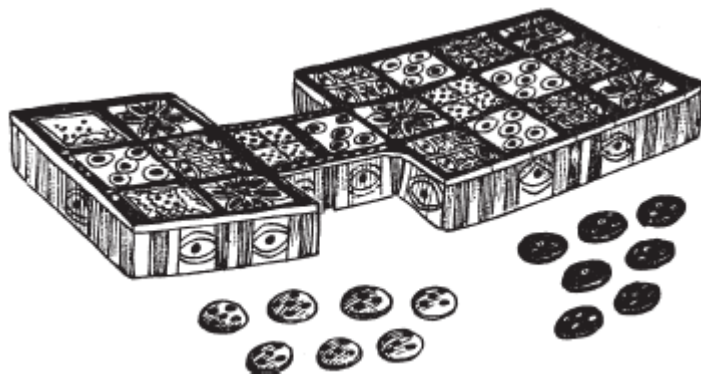

Рис. 78. Игровая доска за 200 лет до Навуходоносора

Во дворе храма мелькали огни факелов, сделанных из тростника, пропитанного смолой, и стояла большая толпа людей, большинство из которых были соседями Бел-ибни. Они танцевали и пели. У входа в главное святилище с одной стороны двора жрецы осматривали быка со связанными ногами, и все было готово для забоя. Все стихло, когда они начали нараспев произносить длинные ритуальные тексты, многие из которых были совершенно непонятны слушателям, так как они были написаны на мертвом шумерском языке. Но тем не менее, этот ритуал оказывал воздействие на толпу, так как группа жрецов в масках исполнила серию символических боев и танцев, являвшихся отражением тех мифологических образов, упоминания о которых содержались в словах ритуальных текстов. Когда один из актеров упал на землю, изображая смерть, толпа разразилась стенаниями. А когда зрители увидели, что бог одержал победу над противостоящими ему силами зла, то все закричали от радости.

Когда праздник подошел к концу или когда Бел-ибни уже всего насмотрелся, семья опять вернулась домой. Рабы уже разместили факелы во дворе и зажгли светильники у входа в дом и в главной комнате. Пока жена Бел-ибни давала рабам наставления насчет работы по дому на следующий день, сам Бел-ибни играл со своей маленькой дочкой и смотрел, как развлекаются два его сына за игрой, похожей на шашки (правила которой нам неизвестны). Легкий ужин завершил этот день.

Глава 9

РЕЛИГИЯ

В наши дни некоторые люди совсем не признают религию, в то время как некоторые, кто все же ее признает, склонны изолировать ее как отдельный аспект их жизни. И то и другое отношение к религии невозможно было себе представить в древние времена. Для человека в древности религия была не необязательным дополнением жизни, а скорее аспектом существования, который составлял основу всей его жизни.

В современном мире мы стараемся провести четкие границы между гаданием, магией, религией, богословием и этикой. Такое разграничение нелегко поддерживать даже в наши дни, а в древние времена это было бы почти бессмысленно. В Древнем мире все это было элементами одного большого целого. И именно об этом целом, не разделенном строго на современные категории, мы попытаемся здесь вкратце рассказать.

Древняя религия, несмотря на свой заметный консерватизм, все же претерпела со временем изменения: поменялись акценты, даже вера и отправление ритуалов. Так и религия Ассирии не во всем совпадала с религией Вавилонии. По этой причине при обсуждении религии Древней Месопотамии имеет смысл выбрать отдельный период и место. Из чего следует, что большая часть имеющихся у нас данных относится к Ассирии и приблизительно к 700 г. до н. э., хотя кое-что относящееся к Вавилонии и другим периодам тоже включено для полноты картины.

Необходимо с самого начала прояснить, что именно мы обсуждаем. Помимо некоторых замечаний, сделанных такими путешественниками, как Геродот (V в. до н. э.), нам ничего не известно о том, что происходило в религии Вавилонии и Ассирии, за исключением того, что мы находим в клинописных текстах, и тех выводов, которые мы можем сделать, глядя на архитектуру храмов. Клинописные тексты обычно составлялись и использовались определенными классами обладающих знаниями жрецов и, таким образом, касались по большей части официальной религии. Только случайно такие тексты иногда делают кое-какие намеки на то, как религиозные обряды влияли на простых людей. Да, самые простые магические тексты для изгнания демонов (см. ниже) все-таки в какой-то степени ликвидируют разрыв между официальной и общераспространенной религией, но и они

лишь затрагивают жизнь простого человека там, где он испытывал какое-то конкретное затруднение. Не считая ситуаций такого рода, мы блуждаем в потемках там, где дело касается отношения к религии простых неграмотных крестьян в Вавилонии и Ассирии. Поэтому любая картина, которую мы можем нарисовать, вероятно, будет односторонней. Но некоторые выводы можно все же сделать.

Мы будем не правы, если, размышляя о том, как религия влияла на простого вавилонянина или ассирийца, начнем анализировать список богов, которые, по их представлениям, управляли вселенной и отдельными ее частями. Боги были - тысячи! - но простого человека, вероятно, реально интересовали только пять или шесть из них, самое большее. Конечно, это были те боги, которые помогали ему в повседневной жизни, особенно те, которые защищали его от нападения демонов, от колдовства и несправедливости соотечественников или могли предупредить его о нависшей опасности.

В жизни народа Древней Вавилонии было очень много суеверий, каких на самом деле много и в жизни современных людей. Но одна существенная разница между суеверием в древние времена и в наши состоит в том, что суеверия осуждаются официальной религией. В Древнем мире суеверия мало того что не осуждались официальной религией - они были частью самой религии.

Одной из самых заметных черт древних суеверий была вера в демонов. С точки зрения среднего ассирийца или вавилонянина, демоны могли оказаться почти везде, хотя существовали некоторые места и определенные обстоятельства, к которым они питали особую склонность. Весьма вероятно, они могли оказаться в пустыне, и поэтому пустыня была таким опасным местом для пребывания. Кладбища и разрушенные здания были другим их излюбленным убежищем. Считалось, что демоны ведут себя особенно активно, когда женщина либо ждет, либо только родила ребенка - отсюда, как думали в древности, такой высокий уровень младенческой смертности и частая родильная горячка. Большинство болезней относили на счет их прямого вмешательства; считалось, что демоны могут предпринять попытку поселиться в новом доме, чтобы вредить и создавать неудобства его смертным владельцам. Не все духи были злыми: некоторые служили для того, чтобы защищать людей, и гигантские быки и львы, размещенные снаружи ассирийских дворцов (рис. 79), были изображениями таких духов-защитников.

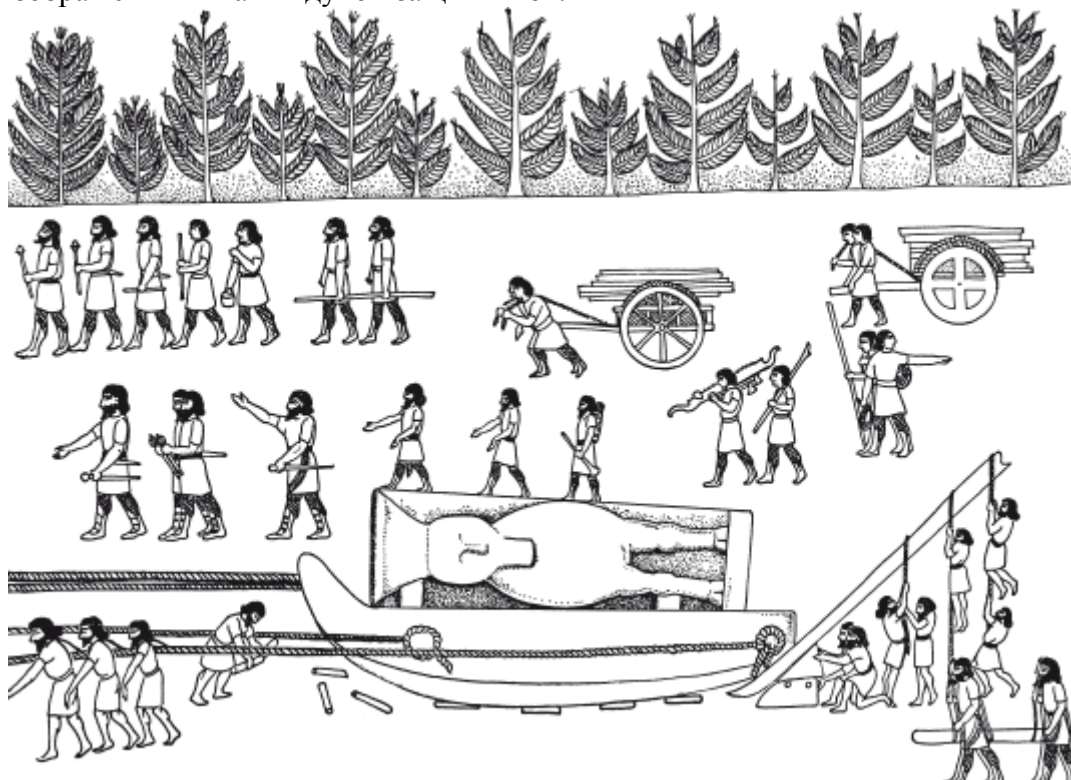

Рис. 79. Перевозка гигантского быка

Происхождение пагубных демонических сил было различным. Говорили, что некоторые были «порождены великим богом Ану», другие были родом из преисподней, а третьи были призраками людей. Некоторые демоны божественного происхождения были достаточно могущественны, чтобы вмешиваться в дела не только людей, но даже и в дела самих богов, известным примером чего было лунное затмение. Текст гласит, что «семеро злых богов [отдельная группа демонов] пробралась на небесный свод; озлобленные, они столпились вокруг полумесяца бога Луны». В том же тексте, откуда взят этот отрывок, боги сами разобрались с этим делом.

На практике же людям тоже была отведена своя роль, когда это происходило, и они помогали изгонять демонов, вызывавших затмения, посредством специальной священной литавры, которую устанавливали во дворе храма и били в нее. Таков консерватизм человеческой природы: этот ритуал все равно проделывали даже после того, как вавилоняне узнали, что вызывает затмения, и могли загодя с точностью вычислить их.

То, как демоны проявляли себя и вмешивались в человеческие дела, и способ, при помощи которого можно было преодолеть дурные последствия этого, лучше всего демонстрируют цитаты из некоторых текстов.

Часто пишут, что демонов насчитывалось семь:
Их семеро! В горах на западе были они рождены.
Их семеро! В горах на востоке они выросли.
В пещерах земли обитают они.
В пустынных местах вдруг появляются они.
.....
Семеро из них носятся по горам на западе;
Семеро из них отплясывают по горам на востоке.

В другом тексте демоны описываются более точно:

Среди этих семи один - южный ветер
«в виде дракона,
Второй - это дракон с открытой пастью,
Третий - это свирепый леопард...
Четвертый - это огромная гадюка...
Пятый - это рассвирепевший лев,
от прыжка которого не скрыться,
Шестой - это [описание утрачено],
Седьмой - это ураган...

Эта семерка представляла просто один класс демонов; были и другие экземпляры в добавление к этим. Одним из самых отвратительных демонов был демон по имени Ламашту женского пола, который пытался красть новорожденных младенцев у их матерей (рис. 80).

Рис. 80. Демон Ламашту

Демоны могли принимать всевозможные виды помимо своего собственного (рис. 81). Они могли принять вид осла и лежать, поджидая, когда человек приблизится, или бегать по городу ночью в виде лисы, или рыскать, как свора гончих, или извиваться по земле, как змеи. Обычные защитные меры были малоэффективны против демонов, так как они могли заползти в дом через щель в двери или попасть в него подобно сквозняку. Они были способны двигаться невероятно быстро; о них пишут, что они проносились мимо, как метеоры.

Но не только демоны вредили людям. Были также склонные творить зло люди, которые, будучи колдунами и колдуньями, могли навлечь болезнь или несчастье на человека посредством чар. К счастью, эти злые силы - демонические или человеческие - могли быть побеждены посредством магии, и существовал целый класс жрецов-чародеев, которые были готовы (за плату) предоставить свои услуги.

Рис. 81. Демон Пазузу

Далее следует довольно типичный текст, в котором говорится о том, что должен был делать жрец-чародей (или машмашу, как его называли на аккадском языке) в случае с конкретным пострадавшим. Человек, о котором шла речь, видимо, имел серьезную проблему, которую мы могли бы назвать неврозом: у него было чувство, что его посещают призраки, и ощущение нездоровья. В тексте говорится:

«Если призрак схватил человека и преследует его, или... демон схватил его, или дьявол схватил его за руку и не отпускает его, то нужно взять пыль из разрушенного города, разрушенного дома, разрушенного храма, могилы, запущенного сада, заброшенного канала и с забытой дороги и смешать ее с бычьей кровью, и сделать изображение дьявола. Нужно одеть его в шкуру льва и, нанизав на нить сердолик, надеть его ему на шею. Нужно дать ему в руки кожаный мешок и положить в него провизию... Нужно поставить его на крыше дома больного человека. И нужно... налить [выпивку]. Нужно установить вокруг этого изображения три кедровых столба [чтобы они образовали над ним треножник]. Нужно насыпать вокруг него круг из муки. К заходу солнца нужно накрыть его... горшком, в котором ничего не готовили. [Его, очевидно, опрокидывали над треножником.]... В течение трех дней машмашу будет... днем устанавливать курильницу с можжевелевой смолой перед Шамашем [богом Солнца], а ночью вздывать к звездам муку из двузернянки. Затем в течение трех дней он должен перед Шамашем и перед звездами читать для больного такие слова:

«Силы Зла, начиная с этого дня, вы из тела такого-то, сына такого-то, изгоняетесь, отбрасываетесь и уноситесь прочь. Бог или богиня, которые поселили вас «там», разлучили вас с телом такого-то больного человека».

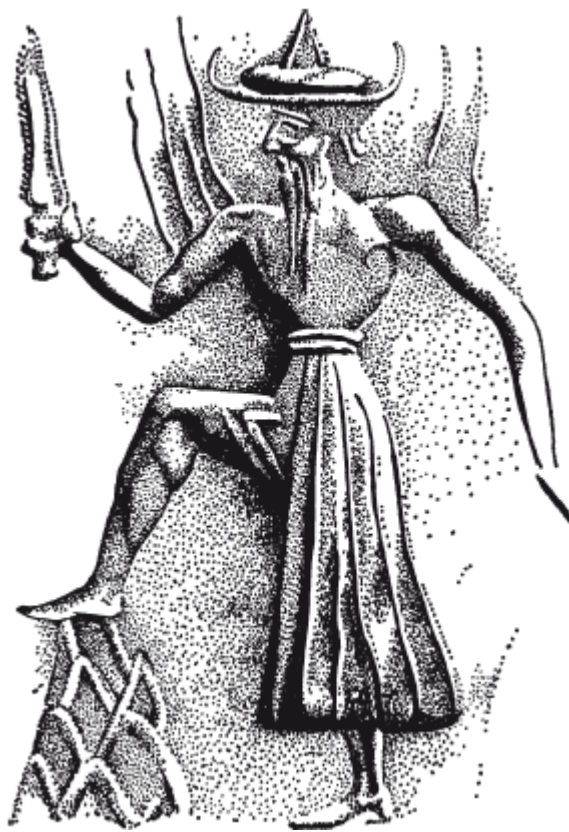

Рис. 82. Шамаш, бог Солнца

На третий день, ближе к закату, нужно поставить перед Шамашем все необходимое для жертвоприношения. Больной должен поднять изображение перед Шамашем и повторять такие слова:

Заклинание: «О, Шамаш!.. судья небесный и земной... который несет людям свет; Шамаш, когда твое светило зашло, свет покидает людей... Когда ты выходишь на небосклон, весь мир согревается. Скот и все живое, что появляется в степях, движется к тебе, ты даешь им жизнь. Ты судья в делах потерпевших мужчин и женщин; ты даешь им справедливое решение. Я, такой-то, сын такого-то, падаю на колени, полный тревоги, потому что напасть овладела мной... потому что дрожь, головокружение, больная плоть и суставы, беспорядочные мысли угнетают меня, заставляют меня стонать каждый день... Рассуди меня, дай мне твое решение, и пусть оно будет «в мою пользу...»

Так нужно заставить его говорить. Нужно поместить [изображение] в горшок и так проклясть его:

«Ты проклят небесами, ты проклят словом Шамаша».

Затем нужно запечатать ему рот [то есть входное отверстие горшка]... и нужно закопать его на безлюдной пустоши».

В этом тексте есть различные спорные моменты, но основной принцип, видимо, ясен. Демона, который вредил человеку, заставляли поселиться в идоле из пыли и бычьей крови, а магические шаги (в виде львиной шкуры, красного камня на шее и магического круга из муки) предпринимались для того, чтобы потом он не смог скрыться. Демоны были, очевидно, бессмертными, и их нельзя было уничтожить, но их можно было зарыть в землю, чтобы они больше не причиняли вреда.

Табличка, из которой взят вышеприведенный текст, содержит несколько описаний других ритуалов, цель которых в основном была одна, хотя подробности - разные. Один из этих текстов проговаривается о том, что шамашу не всегда сопутствовал успех в его лечении, так как он начинается так:

«Если рука демона уткуку схватила человека, а шамашу не может убрать ее...»

Чертой вавилонских и ассирийских демонов, видимо, были наивность и низкий интеллект. Их очень легко было обмануть или провести. Их можно было, как мы это уже видели, заманить в горшок-ловушку или в идола; или же их можно было вынудить перенести свое внимание на какое-нибудь животное или даже палку, которую посредством магии можно было подставить вместо жертвы, которую они изводили.

Большая часть вышеизложенного касалась демонов, как таковых, то есть существ особого рода, стоявших между людьми и богами. Формально отличными от них, но часто такими же по практическому воздействию были духи умерших людей. Надлежащим местом для духов была, конечно, преисподняя. Преисподняя, в понимании жителей Древней Месопотамии, была не очень привлекательным местом, но, по крайней мере, дух человека, который был должным образом похоронен и на чьей могиле были совершены надлежащие жертвоприношения, находил там вечный покой. Неприятности начинались у духов людей, погибших насильственной смертью или чьи тела не получили соответствующего ухода после смерти. Такие духи, полные злобы к живым людям, могли скитаться по свету и вызывать болезни, кошмары или психические расстройства почти точно так же, как и демоны. Во многих заклинаниях духи наравне с демонами включены в список возможных причин разных бед, хотя есть ритуалы, которые определяют для духов специальные процедуры.

Не всех духов считали вредными для людей. Считалось, что дух недавно похороненного человека, похороны которого сопровождали положенные жертвоприношения, был потенциально доброжелательно настроен, а так как он был связан с властями преисподней, то его живые родственники могли не без успеха обращаться к нему с просьбами, как, например, в следующем отрывке из длинного ритуального текста:

Вы, духи моей семьи...
Всем вам, покоящимся в преисподней,
я принес погребальные жертвы;
Для вас я налил воду...
Станьте сегодня перед Шамашем и Гильгамешем!
Рассудите мое дело! Примите решение обо мне!
Передайте то Зло, которое поселилось в моем теле,
в моей плоти, в моих венах, в руки Намтара,
посланника преисподней... Схватите его [то есть Зло] и отправьте его в Страну,
откуда не возвращаются!
Позвольте мне, вашему слуге, жить и процветать.
Благодаря магическим ритуалам разрешите мне
очиститься вашим именем.
Я дам вам холодной воды для питья.
Дайте мне жизнь, чтобы я мог возносить вам хвалу.

Магические ритуалы, подобные вышеприведенным, хотя и применялись чаще всего в связи с демонами (или духами), а также болезнями и несчастьями, которые, как считалось, они вызывали, могли использоваться и в других обстоятельствах. Если, например, человек попал в неприятную ситуацию, когда собака задрала на него заднюю ногу (а в городах Востока всегда было множество невоспитанных собак), то это было дурным знаком, предсказывающим очень большое несчастье впереди. Но подобно тому как у нас, если человек рассыпает соль, то несчастье, которое это якобы предвещает, можно предотвратить, бросив немного соли через плечо, так и в Вавилонии испачканный собакой человек мог отвести грядущую беду при помощи соответствующего ритуала. В одном тексте подробно приводятся все действия шамашу, которые он должен был предпринять, чтобы все уладить:

«Ритуальные действия. Нужно сделать собаку из глины и положить ей на шею кусочек кедровой древесины. Нужно налить масло ей на голову. Нужно укутать ее козлиной шерстью... Нужно разложить костер для Шамаша на берегу реки. Нужно разложить двенадцать буханок хлеба, испеченных из муки двузернянки... [и другую пищу и питье, предназначенное для жертвоприношения]. Нужно установить курильницу со смолой можжевельника. Нужно налить самого лучшего пива. Нужно поставить человека на колени. Нужно взять изображение собаки и сказать так:

Заклинание: «О, Шамаш, царь небес и земли...»

В заклинании упоминается суть проблемы и в заключение говорится:

«Унеси далеко зло, причиненное этой собакой, чтобы я мог воздать тебе хвалу!»

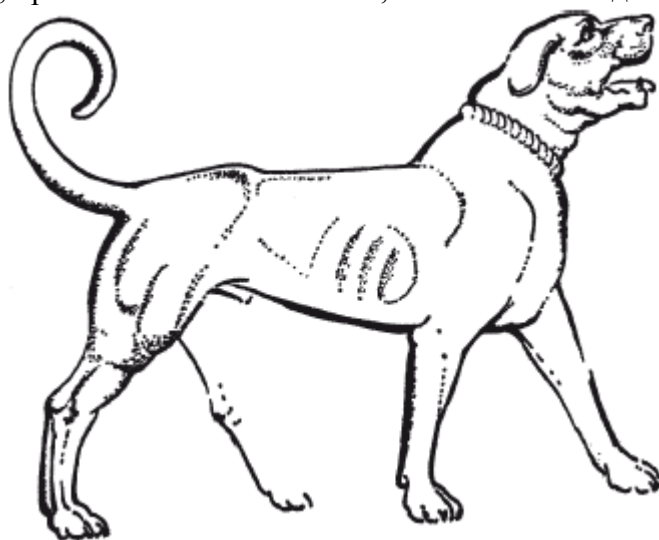

Рис. 83. Вавилонская собака

Наставления продолжают:

«Вот что надо сказать перед Шамашем. Над фигуркой собаки надо сказать так:

«Я даю тебя вместо себя. Пусть зло, предназначенное моему телу, падет на тебя... Пусть зло, что передо мной и позади меня, падет на тебя».

После того как ты сказал это, ты должен уйти от Шамаша, повернуться к реке и сказать заклинание:

«Эта собака обрызгала меня своей мочой. Я испуган, я страшусь. Пусть это зло не возвращается на свое место «на земле... пусть его не будет поблизости...»

Заклинание: «Пусть эта собака окажется далеко отсюда, в Бездне... Извлеки из моего тела дурное «предзнаменование», оставленное собакой; даруй мне счастливую жизнь».

Так ты должен сказать три раза. Нужно бросить фигурку той собаки в реку. Он [человек, которому повстречалась та собака] не должен оглядываться. Он должен пойти в таверну».

Текст о дурных предзнаменованиях, последовавших из-за дурного поведения собаки, иллюстрирует один из самых больших псевдорелигиозных предрассудков древних людей Месопотамии. Считалось, что ход событий находится в руках божественных сил, и все происходит потому, что боги решили: так тому и быть. Если боги уже знали, что должно произойти, то разумно было предположить, что при каких-то обстоятельствах они дадут людям мельком увидеть, что их ждет в будущем. Из такого взгляда на ход жизни выросла огромная псевдонаука, посвященная добыванию и толкованию предзнаменований.

С нашей точки зрения, можно провести разделение между предзнаменованиями, полученными в результате случайных происшествий, таких, как, если, скажем, человек наступил на ящерицу, и предзнаменованиями, намеренно полученными при принесении в жертву овцы с целью рассмотреть ее внутренние органы, особенно печень. Искусственно полученные знамения пользовались особой благосклонностью в правительственных кругах, в связи с чем на эти знамения ссылались везде. Другой формой гадания, которая была осо-

бенно популярна в высших кругах и соперничала с гаданием по печени в древности, а в конце концов, и превзошла его по популярности, была астрология. Приблизительно в тот исторический период, который мы рассматриваем сейчас (700 г. до н. э. в Ассирии), царю регулярно докладывали о появлении Луны и планет с комментариями, что предсказывают эти небесные тела. Применение астрологии к отдельным людям в том виде, в котором (что весьма прискорбно) многие наши газеты и журналы до сих пор потворствуют этому пред-
рассудку, должно было дождаться изобретения двенадцати знаков зодиака, что произошло в Вавилонии вскоре после 500 г. до н. э.

Одним из наименее искусственных видов гадания, который был в моде не только в Древней Месопотамии, но и во всем Ближнем Востоке в древности, было толкование снов. Всем знакомы библейские истории о снах, которые являлись Иосифу в детстве (Бытие, 36: 5-10), и тех снах, которые позже он истолковал в Египте (Бытие, 40: 5-19, 41: 1-32). Вещи такого рода хорошо известны не только из Библии; есть записи снов египетских, хеттских и месопотамских царей, большинство из которых абсолютно прозрачны по своему значению. Есть также «Книги Снов», написанные клинописью на глиняных табличках, в которых имеются длинные списки снов и их значений.

Есть и другие длинные перечни знамений, связанных с такими случаями, как рождение уроды или неполноценного ребенка, или с такими случайными событиями повседневной жизни, как появление необычной птицы на крыше дома.

Здесь будет уместным вкратце рассказать о некоторых богах, чьи намерения так стремились узнать вавилоняне и ассирийцы. Мы не будем предпринимать попытку составить каталог всех богов, чьи имена нам известны, так как их тысячи и большинство из них что-то значили лишь в отдельных местечках или в отдельные периоды или были связаны с определенной деятельностью.

Во главе пантеона богов стояли три великих бога: Ану, Энлиль и Эа (или Энки, если называть его первоначальным шумерским именем). Ану был номинально царем всех богов, но со времен древних шумеров он постепенно стал довольно неясной фигурой и сначала связывался с Энлилем, а впоследствии был им вытеснен. Энлиль, чье имя в переводе с шумерского означает «Владыка Ветер», был богом бурь. Он представлял собой высший аспект божественного начала, и, хотя он мог быть милостив, люди сталкивались с ним только на свой страх и риск. Он мог быть неистовым, как буря, и именно он настаивал на уничтожении рода людского потопом. С другой стороны, бога Эа (Энки) мы могли бы назвать имманентным аспектом божества. Это был бог мудрости и магии; он был неизменно милостив. Именно он установил в мире порядок и наградил человечество дарами цивилизации. Он также предотвратил полное уничтожение рода людского во время потопа. И он был наивысшим источником магической силы в борьбе с врагами человечества в демоническом облике.

У каждого из этих трех великих богов были супруги, но в рассматриваемый нами период ни одна из них не была чем-то большим, чем слабой тенью своего мужа. Если оставить в стороне древнешумерский период, то единственными богинями, занимавшими видное положение, были: Эрешкигаль, царица преисподней, такая могущественная, что все боги должны были вставать, выражая уважение ее посланцу, и Инанна. Инанна, отождествляемая с семитской богиней Иштар, являлась в виде планеты Венеры, утренней и вечерней звезды. Она стала вмещать в себя многие черты, которые первоначально могли принадлежать другим богиням, но ее главной ипостасью была роль богини любви и войны. Во многих местах в ее честь отправлялись культы сексуального характера.

Иштар, как планету Венеры, часто представляют вместе с Сином, богом Луны, и Шамашем, богом Солнца. Так как он видел все, путешествуя днем по небу над землей, Шамаш был также богом правосудия. В поклонении Шамашу присутствовало мощное нравственное начало, так как он был беспощадным врагом правонарушителей и угнетателей и другом всех справедливых и угнетенных. Бога, которого часто ассоциируют с Шамашем, звали Адад; это был еще один бог бурь, изначально западносемитского происхождения.

Энлиль считался древним национальным богом шумеров, и позднее многие его черты переняли национальные боги Вавилонии и Ассирии, соответственно Мардук (рис. 84) и Ашшур, которые играли главную роль в государственных религиях своих стран.

Рис. 84. Мардук, национальный бог Вавилонии

Вавилонским богом, который в более поздний период стал соперником Мардука по значимости, был Набу, сын Мардука, покровитель города Борсиппы недалеко от Вавилона и бог искусства писцов. Хотя это и отрицается, и Мардук, и Набу, видимо, представляли (помимо прочего) аспекты бога Солнца: Мардук представлял солнце в дневное летнее время, а Набу - в ночное зимнее. Из-за такой связи дважды в год в Вавилоне проходила небольшая необычная церемония. В один из дней в середине лета две второстепенные богини (известные как парикмахерши жены бога Мардука) проходили в торжественной процессии из Эсагилы, храма Мардука, в Эзиду, храм Набу. В середине зимы, когда ночь была самой длинной и вот-вот должна была начать укорачиваться, две богини проходили в обратном направлении, из храма Набу в храм Мардука. Клинописный текст так объясняет цель этого:

«В месяц Таммуз [июнь], когда ночи коротки, чтобы удлинить ночи, дочери Эсагилы идут в Эзиду. Эзида - это Дом Ночи. В месяц Тебет [декабрь], когда дни коротки, дочери Эзиды, чтобы удлинить дни, переходят в Эсагилу. Эсагила - это Дом Дня».

Следует упомянуть двух других главных богов, Нинурту и Нергала. Нинурта, сын Энлиля, был богом-воином, и его особенно почитали в Ассирии. Нергал был богом-покровителем города Куты в Вавилонии. В одной мифе рассказывается, как он стал мужем Эршигаль и царем преисподней; как царя преисподней его очень боялись. Тремя другими богами, чьи имена часто встречаются, были Гибил, Гирра и Нуску, боги огня, которых призывали, особенно когда дело касалось мер, принимаемых против колдовства.

На другом уровне по сравнению со всеми предыдущими богами находился Таммуз, который первоначально был царем, обожествленным в древнешумерский период. Плач о его

смерти был главной отличительной чертой популярного культа плодородия, который широко распространился на Ближнем Востоке и даже достиг Иерусалима (Книга пророка Иезекииля, 8: 14). Кое-кто зашел даже так далеко, что предположил, что Таммуз был умирающим богом, который воскресал опять и вследствие этого был центральной фигурой культа Спасителя, но никаких свидетельств этому нет.

И среди великих, и среди второстепенных богов существовала постоянная тенденция к сокращению их числа путем отождествления одного бога с другим. Так, в гимне в честь богини Бабы прямо говорится, что ряд других богинь являются лишь проявлениями сути богини Бабы:

В Уре [она Нингаль], сестра одного из великих богов;

.....
В древнем городе Сиппаре она Айя;

В Вавилоне... она Эру'а.

Все вышеперечисленные были божествами, обычно упоминаемыми в 1-м тысячелетии до н. э., но в добавление к ним существовала еще масса второстепенных богов, многие из которых были покровителями различных профессий и различной деятельности. Признавались также и чужеземные боги, так как в религиозном мышлении вавилонян и ассирийцев не было места узкой исключительности. Ассирийские цари обращались к богам своих вассалов и даже призывали их отомстить тем, кто не соблюдал договорные обязательства. В договоре царя Асархаддона с вассальным царем Тира выражается желание, чтобы в случае невыполнения жителями Тира своих обязательств «пусть Бетэль и Анат-Бетэль отдадут вас на съедение голодного льва... Пусть Баал-шамем, Баал-малаке (и) Баал-цафон сотворят противный ветер, который обрушится на ваши корабли, ослабит их конструкцию и вырвет их мачты, а огромная волна пусть потопит их в море».

Все великие боги изначально были связаны с конкретными городами, где их культ всегда был в особом почете. Так, бог Ану был связан с городом Урук, Энлиль - с Ниппуром, Энки (Эа) - с Эриду, Инанна (наравне с Ану) - с Урук, Мардук - с Вавилоном и т. д. Культ какого-то бога не ограничивался его городом, и в каждом большом городе были храмы или часовни многих различных богов. Во время праздников изображения богов могли покидать свои храмы, чтобы посетить святилища других божеств. Это прекрасно иллюстрируют празднества в честь Нового года.

Праздник Нового года, главное событие года в религиозной жизни Вавилонии и Ассирии, до сих пор представляет для нас некоторую загадку. Наши знания о нем приходится собирать из разрозненных кусочков, относящихся к нескольким историческим периодам и различным местам, и они все еще далеко не полные. В Вавилоне этот праздник проходил в течение первых одиннадцати дней первого месяца нисана. Календарь, который в своей основе был лунным, можно было отрегулировать в случае необходимости так, чтобы в него можно было вставить дополнительный месяц и чтобы весеннее равноденствие попало бы на празднование Нового года.

В течение первых пяти дней праздника проходили различные церемонии очищения и приготовления. Их кульминацией была церемония, во время которой верховный жрец ставил царя перед Мардуком, которому тот отдавал свои знаки царской власти. Царь получал от верховного жреца удар по лицу и был вынужден встать на колени, и в таком положении он произносил заученную фразу, заявляя о своей невиновности в преступлениях против города, где царил Мардук. Затем знаки царской власти ему возвращались. На шестой день прибывал идол бога Набу из города Борсиппы, расположенного приблизительно на расстоянии десяти миль, и вступал в Эсагилу, храм своего отца Мардука. Подробности того, что делали Мардук и Набу в течение последующих дней, нам не известны. В общих чертах, вероятно, они занимались определением судьбы города на следующий год. В это же

время, возможно, также совершался священный брак между царем и верховной жрицей, которые изображали божества.

Кульминация праздника наступала на десятый день. Статуи Мардука, Набу и других богов, одетых в священные одежды, украшенные золотом, ставили в огромном дворе Эсагилы, а возбужденные жители города смотрели на них с благоговейным страхом. Затем всю процессию возглавлял сам царь, и она проходила частью по дорогам, а частью по каналам на баржах до здания, известного как Дом Акиту. Это была часовня, стоящая среди садов за пределами собственно города. В Доме Акиту проходил некий церемониал (подробности которого нам не известны), в ходе которого Мардук участвовал в символическом сражении с чудовищами, изображающими силы хаоса. После победы над ними Мардука вместе с участниками процессии возвращали с триумфом в город, а простые люди при этом снова и снова, согласно ритуалу, кричали от радости.

В течение года в другое время проходили менее значительные праздники, и дабы обеспечить должное отправление культа тех или иных богов, в каждом храме имелся для этого свой персонал, состоящий как из мужчин, так и из женщин. Были жрецы различных классов, начиная от верховного жреца и кончая низшими жрецами, для совершения жертвоприношений и других ритуалов, которые были связаны напрямую с обращением к богам. В другую группу храмового персонала входили администраторы, которые надзирали за собственностью храма и обеспечивали его всем необходимым для отправления культа. К другим храмовым функционерам относились различные прорицатели, заклинатели, изгоняющие бесов, а также жрецы, совершавшие богослужения, оруженосцы (необходимые при принесении в жертву животных), плотники и ювелиры (эти две категории были нужны для изготовления статуй или статуэток, использовавшихся в определенных церемониях). Были также музыканты (рис. 85) и певцы, как мужского, так и женского пола. Все мужчины среди вышеупомянутых групп были обычно женаты и выполняли свои обязанности в храме, пользуясь своим наследным правом, по крайней мере, так было в более поздний период (после 500 г. до н. э.). Каждой такой должности шла доля от доходов храма, и в упомянутый период право занимать какую-либо должность в храме и пользоваться доходами с нее можно было свободно купить и продать. Но так было в тот период, когда религия Вавилонии уже утрачивала свое влияние. Ранее, когда она была в своем полном расцвете, продажа должностей в храме, вероятно, была не таким уж обычным делом, так как неподходящее происхождение или какой-либо физический недостаток лишал человека права занимать любую из таких должностей. Также в более ранний период на некоторые должности в храмах людей назначал, безусловно, сам царь.

Рис. 85. Ассирийские музыканты

Стоит сказать пару слов еще об одной группе храмовых служащих. Речь идет о храмовых проститутках, не только женщинах, но и мужчинах, обращенных в евнухов. Иштар была, как мы уже говорили, богиней любви, и сексуальные ритуалы, в которых были задействованы эти люди, совершались главным образом в ее честь. Есть основания полагать, что подобные ритуалы в одно время проходили в храме, построенном Соломоном в Иерусалиме, хотя там эта практика встретила решительную оппозицию от последователей Яхве. В Вавилонии и Ассирии участие в таких ритуалах не несло бесчестья, и, видимо, женщина, имевшая обязанности такого рода, могла быть уважаемой замужней матроной.

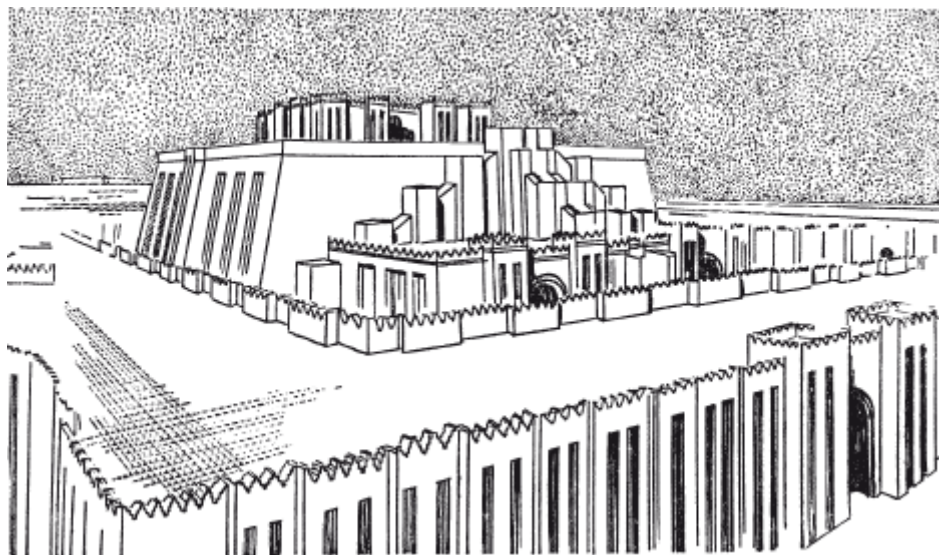

Рис. 86. Вавилонский храм в Уруке, VIII в. до н. э.

Если все вышесказанное низводит религию среднего вавилонянина или ассирийца до очень грубого и низкого уровня, то, вероятно, это не показывает среднего вавилонянина или ассирийца с худшей стороны. Его религия во многих своих чертах была низка и груба, и мы видим, что Исайя взирал на нее с изумлением и презрением. Тем не менее, у нее была и более благородная сторона, даже если она и не так очевидна. Вставленные в текст ка-

кого-нибудь магического ритуала, существовали молитвы, обращенные к великим богам, и, хотя на них стоит ярлык «заклинания», чтобы возникало чувство, что они действуют просто как магические формы слов, дух, заложенный в них, благороднее, чем можно было бы подумать. В некоторых из них заложено определенное внутреннее содержание, так как бог в них иногда предстает в виде судьи, рассматривающего дело пострадавшего мужчины или женщины. Эта, более высокая, сторона религии становится особенно явной, когда мы обращаемся к некоторым гимнам великим богам. Так, в вавилонском гимне Шамашу подробно говорится и о милосердии бога Солнца, и о нравственных устоях, заложенных им. Верующий говорит богу:

Ты заботишься обо всех народах всех стран;
Все, что создал мудрый царь Эа,
полностью вверено тебе.
Перед тобой, пастырем, равны все, кто дышат;
Ты их хранитель на небесах и на земле.

В том же самом гимне верующий говорит о нравственных устоях бога Солнца, утверждая:

Нечестному судье ты даешь познать, что такое тюрьма.
Человека, который искажает правосудие ради взятки,
ты заставляешь понести наказание.
Тот, кто не берет взятки, но принимает сторону слабого,
приятен Шамашу, и он подарит ему долгую жизнь.

Гимны и молитвы такого рода, а также другие тексты показывают, что, как мы уже говорили, религия Вавилонии имела определенное духовное содержание. И хотя вавилонянин-циник мог выразить ту точку зрения, что «что «кажется» подходящим для себя, является оскорблением богу; что «кажется» кому-то презренным в глубине души, то подходит его богу», все же существовала вера в то, что определенные действия приятны богам, а другие - неприятны и могут вызвать гнев богов.

Как же верования древнего человека отражались в его отношении к жизни вообще? Обычно говорят, что взгляд на жизнь в Древней Месопотамии был чрезвычайно пессимистичен, подразумевая, что преобладала та точка зрения, которая считала существование человека в конечном счете бесполезным. И хотя некоторые боги, в особенности Шамаш, были побуждаемы соображениями нравственности и справедливости, древние мифы учат главным образом тому, что жизнь человека решают не справедливые боги, связанные своими собственными законами морали, а случайная игра неустойчивых настроений глав божественного пантеона. Если вавилонянин или ассириец и видел только бесполезность своей жизни на земле, то у него не было в качестве компенсации за это надежды на что-то лучшее по ту сторону могилы, так как преисподняя была местом мрака и праха. Было общепринято считать, что человечество создано ни с какой иной целью, кроме как служить своим богам, и поэтому у отдельно взятого человека не было причин ожидать, что он что-то значит либо в этом мире, либо в следующем. Такое отношение крепко сидело в сознании жителей Месопотамии, но уже указывалось, что это верование относительно предназначения человека имело и другую сторону. С точки зрения ассирийца или вавилонянина, человечество, безусловно, было создано просто для служения богам, но и наоборот: боги нуждались в том, чтобы люди служили им, для того чтобы продолжался существующий привычный, заведенный богами порядок. В конечном счете благополучие богов на небесах и сохранение созданной вселенной зависело от человеческого общества на земле. У

отдельного человека не было предназначения и не было судьбы, но невозможно было себе представить мир без рода человеческого.

Примечания

1

Здесь и далее перевод И.М. Дьяконова.